

ЖИЛБЛАЗЪ

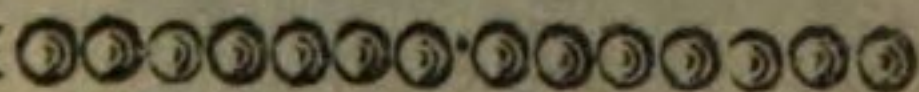
ДЕ

САНТИЛЛАНА.

Сочиненіе Лесажа.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

САНКТ ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Морской Типографіи.

1820 года.

BIBLIOTHECA
REGIA
MONACENSIS
ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чѣобы по напечатаніи, до вы-
пуска изъ Типографіи, представлены бы-
ли въ Цензурный Комитетъ: одинъ эк-
земпляръ сей книги для Цензурнаго Ко-
митета, другой для Департамента Ми-
нистерства просвѣщенія, два экземпляра
для ИМПЕРАТОРСКОЙ Публичной Би-
бліотеки и одинъ для ИМПЕРАТОРСКОЙ
Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, Іюня
22 дня 1820 года.

*Цензоръ, Стат. Совѣт. и Кавалеръ
Иванъ Тилковской.*

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

~~~~~
КНИГА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА I.

О любовной связи Жил-
блаза съ госпожею Лорен-
сой Сефорой.

Такимъ образомъ поѣхалъ
я въ Ксельву отдавъ добро-
му Самуелю Симону при-
тысячи дукатоновъ, кошо-
рые мы у него украли. При-
знаюсь чистосердечно, на
дорогѣ впадалъ я въ иску-
шеніе присвоить эти деньги
себѣ, чтобы начать управи-

Часть V.

тельство подъ счастливымъ
 предзнаменованіемъ. Мнѣ бы
 очень легко было это сдѣ-
 лать: стоило только по-
 странствовать дней пять
 или шесть, и потомъ воз-
 вратиться, какъ будто бы
 исполнилъ порученіе. Дону
 Альфонсу и отцу его не при-
 шло бы и въ голову имѣть
 на вѣрность мою подозрѣніе.
 Однако я не предался иску-
 шенію, и даже преодолѣлъ
 его, какъ честный малой;
 что весьма похвально въ мо-
 лодомъ человѣкѣ, который
 потерся уже около записныхъ
 мошенниковъ. Многіе и изъ
 такихъ, кои обращаются съ
 одними честными людьми,

не столько бы посовѣсти-
лись въ подобномъ случаѣ; а
особливо, когда могли бы по-
рядочно поживишься, не ше-
ряя своего добраго имени.

Отдавъ купцу принадле-
жавшія ему деньги (чего онъ
совсемъ не ожидалъ) возвра-
тился я въ замокъ Лейву.
Графа Полана тамъ уже не
было: онъ поѣхалъ съ Юліею
и Дономъ Фернандомъ въ
Тоledo. Я нашелъ новаго мо-
его господина плѣннымъ
своею Серафиною болѣе преж-
няго, Серафину обворожен-
ною супругомъ, а Дона Це-
заря въ полномъ удовольствіи
отъ нихъ обоихъ. Я ста-
рался снискать благосклон-

ность сего нѣжнаго отца, и
 успѣлъ въ этомъ. Сдѣлался
 домоправителемъ: распоря-
 жалъ всемъ, принималъ об-
 рочныя съ откупщиковъ день-
 ги, держалъ расходъ и имѣлъ
 неограниченную власть надъ
 служителями; но, противъ
 обыкновения подобныхъ мнѣ,
 не употреблялъ во зло сво-
 его могущества: не выго-
 нялъ изъ дому шѣхъ, кошо-
 рые не искали во мнѣ ми-
 лости, не требовалъ отъ
 другихъ непрекословной пре-
 данности. Если они обраща-
 лись прямо къ Дону Цезарю,
 или къ его сыну, съ какою ли-
 бо просьбою, я не только не
 препятствовалъ имъ, но еще

самъ за нихъ ходатайство-
валъ. Знаки благосклонно-
сти, какіе видѣлъ я каждый
день отъ господъ своихъ,
возбудили во мнѣ усердіе слу-
жить имъ вѣрно. Я только
и думалъ о ихъ пользѣ: не
обманулъ ихъ ни разу; сло-
вомъ: былъ такой управи-
тель, какихъ не бываетъ на
свѣтѣ.

Между тѣмъ, какъ восхи-
щался я своимъ счастіемъ,
любовь, какъ будто завидуя
тому, что дѣлаетъ для ме-
ня фортуна, захотѣла, чтобъ
я и ей былъ чѣмъ нибудь
обязанъ: она возбудила въ
сердцѣ Лоренсы Сефоры, пер-
вой Серафиминой горничной,

сильную склонность къ господину управителю. Какъ вѣрный историкъ, скажу, что красавица, надъ копорою столь легко одержалъ я побѣду, была лѣтъ пятидесяти. Впрочемъ она имѣла здоровое сложеніе, пріятное лице и прекрасные глаза, копорыми дѣйствовала съ удивительнымъ искусствомъ въ свою пользу. Я желалъ бы ей только побольше румянца въ лицѣ; ибо она была очень блѣдна, что приписывалъ я строгой дѣвической ея жизни.

Госпожа Сефора долго прельщала меня своими взглядами, въ которыхъ изобра-

жалась любовь ея; но, вмѣсто того, чтобы ошвѣчать ей, я притворился, будто не примѣчаю ея намѣренія. Она заключила, что я въ любовныхъ дѣлахъ еще новичёкъ, и это было ей не противно. И такъ, воображая, что съ молодымъ человекомъ, котораго она почитала не столько опытнымъ, каковъ онъ былъ въ самомъ дѣлѣ, не довольно одного объясненія глазами, при первомъ со мною свиданіи, открыла мнѣ чувства свои въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ. Она поступила при семъ случаѣ какъ женщина знающая свѣтъ: говоря со мною, притвори-

лась смущенною; и сказавъ
 мнѣ, безъ дальнѣйшихъ око-
 личностей, все, что хотѣла
 сказать, закрыла себѣ лице,
 чтобы увѣришь меня, будто
 стыдится, показавъ свою сла-
 бость. Надобно было сдаться-
 ся; и хотя щеславіе побу-
 дило меня къ тому болѣе,
 нежели склонность, однакожь
 я далъ знать ей, какъ доро-
 го цѣню ея благосклонность.
 Представился самымъ спра-
 снымъ, пламеннымъ любов-
 никомъ, даже до того, что
 заслужилъ отъ нее за мою
 пылкость нѣсколько выгово-
 ровъ, которые однако сопро-
 вождались такою нѣжностію,
 что изъ самаго запрещенія

выходить изъ границъ долж-
наго къ ней уваженія не шруд-
но было примѣшить, что
она нимало бы не оскорби-
лась, когда бы я ее не по-
слушался. Я простеръ бы
оправданность свою еще далѣе,
еслибъ моя любезная не боя-
лась подать мнѣ невыгодна-
го мнѣнія о ея цѣломудрії,
доставивъ слишкомъ легкую
побѣду. Такимъ образомъ раз-
спались мы до новаго сви-
данія; Сефора, въ увѣренно-
сти, что притворное ея со-
противленіе заставитъ ме-
ня почесть ее Веспалкою;
а я, въ сладостной надеждѣ
достигнуть скоро желаемой
цѣли.

Въ такомъ положеніи были наши дѣла, какъ слуга Дона Цезаря сообщилъ мнѣ извѣстіе, которое умѣрило мою радость. Этотъ малой принадлежалъ къ числу любопытныхъ служителей, старающихся вывѣдывать все, что ни дѣлается въ домѣ. Будучи ревностнымъ искашелемъ моихъ милостей, и приходя ко мнѣ каждый день съ какою нибудь новостью, сказалъ онъ мнѣ однажды упрямъ, что сдѣлалъ странное открытіе, и что охотно сообщитъ его мнѣ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ оно осталось между нами тайною: ибо это ка-

сается до госпожи Лоренсы Сефоры, а онъ боится подвергнуть себя ея гнѣву. Мнѣ очень хотѣлось знать, что такое намѣренъ онъ разска-
зашъ мнѣ, и я обѣщался мол-
чать; но, какъ будто бы не
принимая въ томъ нисколько-
шаго участія, спросилъ его,
сколько можно хладнокров-
нѣе, въ чемъ состоишь оп-
крытіе, которымъ онъ такъ
хвастается. — „Лоренса, ска-
залъ онъ, всякой вечеръ при-
нимаетъ къ себѣ въ спальню
тихонько деревенскаго лѣ-
каря, спройнаго и пригожа-
го молодого человека, кото-
рый бесѣдуетъ съ нею до-
вольно долго. Я вѣрю охотно,

прибавилъ онъ съ плутовскимъ видомъ, что, можешь быть, шутъ нѣтъ ничего предосудительнаго; но вы сами согласитесь, что когда молодой человекъ дѣлаешь тайныя посѣщенія дѣвушкѣ, то это даетъ поводъ къ дурнымъ объ ней заключеніямъ.“—

Хотя это извѣстіе столько же огорчило меня, какъ будто бы я въ самомъ дѣлѣ былъ влюбленъ, однако я не далъ того замѣшить, и даже принудилъ себя смѣяться тому, что раздирало мое сердце; но, оставшись одинъ, пересмалъ принуждать себя: ругался, проклиналъ, выду-

мывалъ , на что рѣшиться.
 То, презирая Лоренсу, распо-
 лагался, безъ всякаго съ нею
 объясненія, разорвать преж-
 нюю связь; но, воображая,
 что честь моя оскорблена
 лѣкаремъ, намѣревался вы-
 звать его на поединокъ, и
 остановился на сей послѣд-
 ней мысли. Когда смерклось,
 я уже былъ въ засадѣ, желая
 подстеречь счастливаго мо-
 его соперника, и дѣйстви-
 тельно увидѣлъ, какъ онъ
 пробирался потихоньку въ
 комнату моей красавицы.
 Эшаго только и недоставало
 къ возбужденію моей яро-
 сти. Я вышелъ изъ замка и
 сшалъ на дорогѣ, по которой

онъ долженъ былъ идти назадъ. Не сходя съ мѣста, ожидалъ я его, и съ каждою минутою желаніе съ нимъ драться во мнѣ увеличивалось. Наконецъ непріятель мой показался. Съ мужествомъ выступилъ было я къ нему на встрѣчу; но — лукавой знаешь опъ чего? — вдругъ овладѣлъ мною, какъ Гомеровымъ Героемъ, такой ужасъ, что я ошановился въ смущеніи, подобно Парису, когда онъ выступалъ на сраженіе съ Менелаемъ. Я началъ разсматривать моего соперника; онъ показался мнѣ здоровымъ, мощнымъ; а шпага его — необычайной длины. Все

это произвело надо мною свое дѣйствіе; однакожь, побуждаемъ ли будучи честію, или по другой какой причинѣ (хотя смотрѣлъ я на опасность такими глазами, которые еще ее увеличивали, а привязанность къ жизни удерживала меня отъ сего предпріятія) я имѣлъ довольно смѣлости приблизиться къ лѣкарю и обнажить свою шпагу.

„Что это, господинъ Жилбазъ? — вскричалъ онъ съ удивленіемъ; къ чему такой вызовъ? Конечно вы шушите?“ — Совсемъ нѣтъ, господинъ цырюльникъ, отвѣчалъ я: мнѣ хочется знать, споль-

ко ли же вы храбры, сколько
 искусны въ волокишсшвѣ. Не
 думайте, чтобъ я оставилъ
 васъ спокойно наслаждаться
 благосклонностями дамы, у
 копорой вы были сію мину-
 ту. — „Клянусь Св. Козьмою!
 —прервалъ лѣкаръ съ гром-
 кимъ смѣхомъ—что это пре-
 забавное приключеніе! Вотъ
 какъ наружность обманы-
 ваетъ!“—Заклучивъ изъ сихъ
 словъ, что онъ столь же ма-
 ло расположенъ драться, какъ
 и я, сдѣлался я еще смѣлѣе.—
 „Полно, полно, дружокъ!—
 вскричалъ я: не думай оп-
 дѣлаться отъ меня пустыми
 увертками!“— Вижу, возра-
 зилъ онъ, что должно обя-

снисься, для предупрежденія несчастія, которое можешь постигнуть кого нибудь изъ насъ. И такъ открою вамъ тайну (хотя людямъ нашего ремесла надобно бышь сколько можно скромнѣе) Если госпожа Лоренса принимаетъ меня украдкой къ себѣ въ спальню, то для того именно, чтобы домашніе не узнали о ея болѣзни: у нее на спинѣ застарѣлой ракъ, который я каждый вечеръ перевязываю. Вотъ причина посѣщеній, приводящихъ васъ въ безпокойство. Теперь заботишься вамъ болѣе не о чемъ. Но, продолжалъ онъ, если вы недовольны моимъ

объясненіемъ , и если непре-
 мѣнно хотите со мною драсть-
 ся , вамъ стоить только
 сказать одно слово: я готовъ
 съ вами помѣряться.—Тутъ
 выхватилъ онъ свою длин-
 ную шпагу, которая приво-
 дила меня въ трепетъ , и
 приготовился къ оборонѣ.—
 „Довольно!—сказалъ я, вкла-
 дывая шпагу въ ножны — я
 не такъ безразсуденъ, чтобы
 не убѣдился никакими при-
 чинами. Послѣ того , что
 вы мнѣ теперь сказали, мы
 съ вами болѣе уже не враги.
 Обнимите меня!“— Изъ сихъ
 словъ онъ заключилъ, что я
 не такъ золъ, какъ показал-
 ся ему сначала ; вложилъ ,

смѣючись, свою шпагу въ ножны, обнялъ меня, и мы расстались друзьями.

Съ этой минуты я не могъ думать о Сефорѣ безъ омерзѣнія; избѣгалъ всѣхъ случаевъ, какіе она доставляла мнѣ видѣться съ собой наединѣ, и дѣлалъ сіе нарочно такъ явно, что она замѣтила. Удивясь такой великой переменѣ, она захотѣла знать тому причину, и нашедши наконецъ случай поговорить со мною безъ свидѣтелей, сказала мнѣ: „Позвольте спросить васъ, господинъ управитель, для чего вы избѣгаете даже взоровъ моихъ? Правда, я первая открыла

вамъ свое сердце; но вы мнѣ
 ошвѣчали. Вспомните тогда
 разговоръ, который мы имѣ-
 ли другъ съ другомъ. Вы бы-
 ли тогда пламеннѣе огня, а
 теперь холодны, какъ ледъ.
 Что это значитъ? “ — Труд-
 ной вопросъ для такого чи-
 спосердечнаго человека, ка-
 ковъ я: онъ привелъ меня въ
 замѣшательство. Я забылъ,
 что ошвѣчалъ Дуеннѣ; помню
 только, что ошвѣтъ мой
 чрезвычайно ей не понра-
 вился. Сефора, которую по
 тихому и скромному виду
 можно бы, казалось, почесать
 за оvecky, была настоящій
 шигръ, когда предавалась гнѣ-
 ву.—, Я думала—сказала она,

кинувъ на меня взглядъ, исполненный досады и ярости— я думала, что сдѣлаю большую честь такому ничтожному творенію, каковъ ты, открывъ ему чувствованія, возбужденіемъ которыхъ могли бы гордиться знаменитѣйшіе кавалеры. Какъ я наказана за то, что унизила себя до знакомства съ жалкимъ бродягою! “—

Она тѣмъ не удовольствовалась; а то я опдѣлался бы еще очень дешево. Языкъ ея, увлекаемый яростью, осыпалъ меня всѣми похвальными именами, изъ которыхъ одно другое превосходило. Мнѣ бы надлежало вооружиться клад-

нокровіемъ , и разсудить , что презирая шоржесиво надъ добродѣтелью, которую привелъ я въ искушеніе , дѣлалъ преступленіе непроспительное въ глазахъ женщины. Но, будучи слишкомъ горячь, и принявъ къ сердцу оскорбленія, которыя благоразумнаго человѣка заставили бы на моемъ мѣстѣ только смѣяться, я вышелъ изъ терпѣнія.— „Не вамъ бы величаться, сударыня!—сказалъ я ей: еслибѣшѣ знатные кавалеры, о которыхъ вы говорите, увидѣли вашу спину, то вѣрно не простерли бы далѣе своего любопытства.“—Едва сорвались у меня съ языка слова

извѣщательныя слова, какъ раз-
драженная красавица дала
мнѣ такую полновѣсную по-
щечину, какую только въ со-
стояніи дать оскорбленная
женщина. Я не дожидаясь по-
вторенія: пустившись бѣ-
жать со всѣхъ ногъ, избавил-
ся отъ добрыхъ побоевъ, ко-
торыхъ бы иначе не мино-
валъ.

Я благодарилъ Небо, видя
себя въ безопасности, и во-
ображалъ, что мнѣ бояться
болѣе нечего; ибо Дуенна
опомспила уже за себя. Соб-
ственная честь ея, думалъ я,
требуетъ, чтобъ она не раз-
глашала объ этомъ приклю-
ченіи; въ самомъ дѣлѣ про-

шло двѣ недѣли, и ничего не было о томъ слышно. Я самъ начиналъ забыватьъ ее, какъ вдругъ узналъ, что она занемогла. Доброе сердце мое тронулось такимъ извѣстіемъ; мнѣ жалко стало Дуенны: я думалъ, что не могши преодолѣть столь худо награжденной любви, она сдѣлалась ея жертвою; съ гореспію представлялъ себѣ, что я причиною ея болѣзни, и если не могъ любить ее, то по крайней мѣрѣ сожалѣлъ о ней. Какъ же обманулся въ моемъ сужденіи! Нѣжность ея, обратившаяся въ ненависть, старалась только вредить мнѣ.

Въ одно утро, пришедши къ Дону Альфонсу, я нашелъ его печальнымъ и задумчивымъ; спросилъ почтительно, что съ нимъ сдѣлалось? — „Мнѣ досадно, сказалъ онъ, что вижу Серафину слабою, несправедливою и неблагодарною. Ты удивляешься, — продолжалъ онъ, замѣшивъ мое изумленіе; — однакожь это сущая правда. Не знаю, чѣмъ могъ ты навлечь на себя ненависть Лоренсы; но увѣряю тебя, что ты сдѣлался ей такъ прошивень, что если не выдешь, какъ можно скорѣе, изъ замка, то, по словамъ ея, смерть ея неизбежна. Ты не долженъ сомнѣваться

ся, чтобъ Серафина, будучи
 хорошо расположена къ тебѣ,
 не охуждала ненависти, ко-
 торой удовлетворишь было
 бы съ ея стороны неспра-
 ведливо и даже неблагодарно;
 но при всемъ томъ, она жен-
 щина, любишь нѣжно Сефору,
 которая воспитала ее; эта
 надзирательница для нее вто-
 рая мать; она почтешъ себя
 причиною ея смерти, если
 не исполнишь ея желанія.
 Что касается до меня, то
 сколь ни велика любовь моя
 къ Серафинѣ, я никогда не
 дойду до такой слабости,
 чтобы согласиться на ея
 прихоши. Скорѣе не оста-
 нется ни одной Дуенны въ

Испаніи, чѣмъ опущу тако-
го человѣка, котораго почи-
таю болѣе братомъ своимъ,
нежели слугою! “ —

Когда Донъ Альфонсъ кон-
чилъ рѣчь свою, я сказалъ
ему: „Вижу, сударь, что я
родился бытъ игралищемъ
форшуны; я думалъ, что у
васъ перестанетъ она гнать
меня: здѣсь все обѣщало мнѣ
дни счастливые и спокойные;
однакожь, сколь ни пріятно
мнѣ жить съ вами, долженъ
осудить себя къ изгнанію.“ —
Нѣтъ, нѣтъ! — вскричалъ ве-
ликодушный сынъ Дона Це-
заря: я уговорю Серафину.
Возможно ли побою пожерш-
вовашъ прихошамъ Дуенны,

которую и безъ того уже слишкомъ много уважаю!— „Противясь волѣ Серафины, вы только болѣе ее раздражите. Я соглашусь лучше удалиться отсюда, нежели дальнѣйшимъ своимъ пребываніемъ поселить раздоръ между двумя столь совершенными супругами. Во всю жизнь не утѣшился бы я, причинивъ такое несчастіе.“ —

Донъ Альфонсъ воспрѣтился моему предпріятію; онъ такъ твердо рѣшился защищать меня, что Лоренса конечно осталась бы безъ всякаго успѣха, еслибъ я захотѣлъ настоять на томъ. Бывали минуты, что, въ

ожесточеніи своемъ, намѣре-
вался не щадить ее; но, ко-
гда разсуждалъ, что обнару-
живъ сшѣдъ ея, погублю жал-
кое твореніе, которое опъ
меня сдѣлалось несчастнымъ,
и которое двумя неизцѣли-
мыми болѣзнями приближа-
лось примѣшно ко гробу, пог-
да чувствовалъ одно только
къ ней сожалѣніе. Мнѣ каза-
лось, что, будучи столь опа-
снымъ смерпнымъ, долженъ
я по совѣсти возстановить,
удаленіемъ своимъ, спокой-
ствіе въ замкѣ. Я исполнилъ
это на другой же день до
разсвѣта; не просился и съ
моими господами, опасаясь,
чтобъ они, изъ дружбы, не

воспрощивились моему отъ-
ѣзду. Оставилъ только въ
своей комнатѣ письмо, въ ко-
торомъ заключался подроб-
ный и вѣрный отчетъ въ
моемъ управленіи.

ГЛАВА II.

*Что случилось съ Жил-
блазомъ по выѣздѣ его изъ
замка Лейвы; счастливыя
слѣдствія неудачной люб-
ви его.*

Я выѣхалъ изъ замка на
хорошей лошади, которая
собственно мнѣ принадлежа-
ла; въ чемоданѣ моемъ было

двѣсти пистолей ; большая часть ихъ состояла изъ денегъ, взяшихъ послѣ убитыхъ разбойниковъ , и изъ трехъ тысячъ дукатоновъ, украденныхъ у Самуеля Симона ; ибо Донъ Альфонсъ , не требуя отъ меня назадъ того, что досталось на мою долю, возвратилъ всю сумму изъ собственного своего кармана. И такъ починая себя въ полномъ правѣ владѣть сими деньгами, я употреблялъ ихъ безъ зазрѣнія совѣсти. Съ такимъ капиталомъ мнѣ нечего было заботиться о будущемъ ; сверхъ того имѣлъ я великую надежду на свои достоинства, какъ по собствен-

но людямъ моихъ лѣшъ. Впрочемъ, общалъ себѣ въ Толедо весьма пріятное убѣжище, не сомнѣваясь, чѣмъ Графъ Поланъ не почелъ за удовольствіе принять ласково одного изъ своихъ избавителей, и дать ему уголокъ у себя въ домѣ. Но я думалъ прибѣгнуть къ милостямъ эстаго господина только въ самой крайности; а рѣшился прежде употребить нѣкоторую часть моихъ денегъ на путешествіе по Королевствамъ Мурціи и Гренадѣ, гдѣ побывавъ мнѣ особенно хошѣлось. На сей конецъ отправился я въ Алманзу, откуда продолжая путь чрезъ

многіе города, прибылъ безъ всякихъ непріятныхъ приключеній въ Гренаду. Казалось, будто счастье, наскучивъ подвергать меня дальнѣйшимъ превращеніямъ, хотѣло на послѣдокъ оставишь въ покоѣ; но оно готовило для меня еще множество другихъ гореспныхъ случаевъ, какъ увидишь читатель въ послѣдствіи.

Первый человекъ, попавшійся мнѣ на улицѣ, былъ Донъ Фернандъ де Лейва, второй зять Графа Полана. Мы оба удивились, встрѣтившись въ Гренадѣ.—, „Какъ, Жилблазъ, вскричалъ онъ, и ты здѣсь! Что привело тебя

сюда?“ — Милоспивый Госу-
дарь, опвѣчалъ я, если вы
удивляешесь, видя меня здѣсь,
то еще болѣе удивитесь, ког-
да скажу вамъ, почему оста-
вилъ я службу у Дона Цезаря
и его сына.—Тутъ я расска-
залъ ему все, что произошло
между Сефорою и мною: чему
онъ довольно посмѣялся; по-
томъ, принявъ на себя опяшь
важный видъ, сказалъ: „Другъ
мой, я готовъ быть въ этомъ
дѣлѣ за тебя ходатаемъ: на-
пишу къ моей свояченицѣ“...
Нѣтъ, нѣтъ, сударь, прер-
валъ я, ради Бога, не пиши-
те къ ней! Я оставилъ за-
мокъ Лейву не для того,
чтобы опяшь въ него возвра-

пишья. Окажице мнѣ мило-
 сти ваши другимъ образомъ:
 если кшо изъ пріятелей ва-
 шихъ имѣеть нужду въ се-
 кремарѣ или управителѣ, то
 рекомендуйте ему меня. Смѣю
 васъ увѣришь, что не сдѣлаю
 вамъ спыда.—,Съ охопою! Я
 пріѣхалъ въ Гренаду навѣ-
 снить болъную старую теп-
 ку: пробуду еще три недѣли
 въ эпомъ городѣ, попомъ воз-
 вращусь въ свой замокъ Лор-
 ки, гдѣ оспавиль Юлію. Я
 живу здѣсь—продолжалъ онъ,
 указывая мнѣ на домъ, кошо-
 рый былъ шагахъ во спѣ отъ
 насъ;—приходи ко мнѣ черезъ
 нѣсколько дней; можешь бышь
 къ тому времени я достану
 тебѣ приличное мѣсто.“—

Въ самомъ дѣлѣ, въ первый разъ, когда мы опять увидѣлись, онъ сказалъ мнѣ: „Гренадской Архіепископъ, родственникъ и другъ мой, желаетъ имѣть при себѣ молодого человека, который былъ бы свѣдущъ въ словесности и писалъ чисто; онъ нуженъ ему для переписки на бѣло его сочиненій; ибо онъ великой авторъ: написалъ множество проповѣдей, и каждый день продолжаетъ еще заниматься ими; сказывая ихъ, приводитъ слушателей въ восхищеніе. Почитая тебя способнымъ къ такой должности, я говорилъ о тебѣ, и онъ охотно принялъ

мое предложеніе. Явись къ нему отъ моего имени. Ты увидишь по приему, хорошо ли я тебя описалъ ему.“

Не лъзя мнѣ было желать лучшаго мѣста. И такъ, приготовясь сколько можно приличнѣе представиться Прелату, пошелъ я поутру въ Архіепископской домъ. Еслибъ вздумалось мнѣ подражать сочинителямъ романовъ, то сдѣлалъ бы я пышное описаніе дому Архіепископа Гренадскаго; изъяснилъ бы расположеніе зданія; расхвалилъ бы богатство уборовъ; не забылъ бы статуй и картинъ, въ немъ находящихся; не пропустилъ бы ни малѣйшей

исторіи, представляемой ими; но скажу только, что онъ не уступалъ въ великолѣпнѣи Дворцу нашихъ Королей.

Въ комнатахъ нашелъ я множество духовныхъ и свѣтскихъ особъ, изъ коихъ большая часть были чиновники Его Высокопреосвященства : домовые священники, дворяне, конюшіе, или келейники. Свѣтскіе всѣ почти были одѣты великолѣпно; скорѣе бы можно было почестъ ихъ за кавалеровъ, чѣмъ за служителей. Они имѣли гордый видъ и представляли изъ себя знатныхъ особъ. Смотри на нихъ, я внутренно смѣялся надъ ними. Какъ они сча-

спливы, думалъ я, что не-
сущъ иго рабства, не чув-
ствуя онаго; въ противномъ
случаѣ, мнѣ кажется, не бы-
ли бы такъ надуты собою.
Я подошелъ къ важному пол-
стобрюхому человѣку, стояв-
шему у дверей Архіепископ-
скаго кабинета, и спросилъ
его учтиво, не можно ли ви-
дѣть Его Высокопреосвящен-
ство?— „Погоди, сказалъ онъ
мнѣ сухо, Владыко пойдешъ
скоро слушать обѣдню; мимо-
ходомъ онъ выслушаетъ твою
просьбу.“ — Я ничего не от-
вѣчалъ; вооружился терпѣ-
ніемъ, и хотѣлъ было всту-
пить въ разговоръ съ нѣко-
торыми изъ служителей; но

они окинули меня глазами съ головы до ногъ, не удостоивъ ни одного слова; потомъ, взглянувъ другъ на друга, улыбнулись и изъявили шѣмъ свое удивленіе, что я осмѣлился вмѣшаться въ ихъ рѣчи.

Признаюсь, такой поступокъ со мною со стороны слугъ привелъ меня въ замѣшательство. Я не успѣлъ еще выйти изъ онаго, какъ двери кабинета открылись, и Архіепископъ появился. Тотчасъ сдѣлалось глубокое молчаніе между его служителями, которые, оставя наглый видъ, приняли вдругъ самый почтительный предъ своимъ господиномъ. Прела-

ту отъ роду былъ шестиде-
сятъ девятой годъ; онъ
очень походилъ на моего дя-
дю, Жиль-Переца, то есть,
былъ малоросль и толстъ.
Ноги у него были кривыя,
а голова такъ плъшива, что
одинъ только клочекъ волосъ
оставался на затылкѣ; по-
чему онъ принужденъ былъ
носить тонкую шерстяную
скуфейку съ длинными уша-
ми. Не смотря на все то,
мнѣ показался видъ его бла-
городнымъ, вѣроятно отъ
того, что я зналъ, что онъ
въ самомъ дѣлѣ былъ благо-
роднаго происхожденія. Про-
стые люди смотрятъ на
вельможъ съ такимъ пред-

убѣжденіемъ , которое часто придаетъ имъ величественную наружность , хотя они и не одарены ею отъ природы.

Архіепископъ подошелъ прямо ко мнѣ и спросилъ съ кротоспїю, что мнѣ нужно? Я сказалъ ему, что онъ видитъ предъ собою того молодаго человека , о которомъ говорилъ съ нимъ Донъ Фернандъ де Лейва. Онъ , не давъ мнѣ времени продолжать, вскричалъ: „А ! о тебѣ-то я столько хорошаго слышался? Принимаю тебя къ себѣ въ службу. Ты для меня находка; съ сего же часу можешь здѣсь остаться“

ся.“— Сказавши это, онъ оперся на двухъ конюшихъ и вышелъ, выслушавъ напередъ нѣкоторыхъ изъ духовныхъ, имѣвшихъ до него дѣло. Едва переступилъ онъ черезъ порогъ, какъ тѣ же служители, которые прежде не хотѣли слушать меня, сами начали заговаривать со мною. Окружаютъ меня, поздравляютъ, изъявляютъ радость свою, что я буду ихъ товарищемъ. Они слышали, что говорилъ мнѣ господинъ ихъ; имъ смертельно хотѣлось знать, въ какомъ званіи буду я при его особѣ; но я нарочно помилъ ихъ любопытство, чтобы тѣмъ

ошомсшить за оказанное ими
мнѣ презрѣніе.

Его Высокопреосвященство
не замедлилъ возвратиться.
Онъ велѣлъ позвать меня къ
себѣ въ кабинетъ. Я дога-
дался, что ему хочется сдѣ-
лать мнѣ испытаніе; при-
нялъ свои мѣры, чтобъ не
сказать ни одного слова не
обдумавши. Прежде всего
спросилъ онъ меня о словес-
ности. Я удачно отвѣчалъ
на его вопросы. Онъ увидѣлъ,
что я довольно хорошо зна-
комъ съ Греческими и Ла-
тинскими авторами. Потомъ
завелъ рѣчь о Логикѣ; эпаго-
го я и ожидалъ: онъ нашелъ
меня въ ней очень свѣду-

щимъ.— „Въ швоемъ воспи-
таніи, сказалъ онъ съ нѣко-
порымъ удивленіемъ, ничего
не упущено; теперь посмотри-
римъ, каковъ у тебя по-
черкъ.“— Я вынулъ изъ кар-
мана переписанную мною на
чисто бумагу, которую на-
рочно принесъ съ собою.
Прелатъ былъ очень дово-
ленъ письмомъ моимъ.— „По-
черкъ швой мнѣ нравится,
сказалъ онъ, а еще болѣе во-
схищаетъ меня швой разумъ!
Не премину благодарить пле-
мянника моего, Дона Фер-
нанда, за то, что доставилъ
мнѣ такого хорошаго чело-
вѣка: эшо для меня кладъ!“

Нѣкоторые Гренадскіе господа, пріѣхавшіе обѣдать къ Архіепископу, прервали нашъ разговоръ. Оставя ихъ, пошелъ я къ служителямъ, которые осыпали меня учтивостями. Когда настало время обѣда, я сѣлъ съ ними за одинъ столъ. Они не спускали съ меня глазъ, да и я не безъ вниманія смотрѣлъ на нихъ. Какое благочиніе представлялось въ наружности духовныхъ! Всѣ они показались мнѣ святыми: сколько-то уваженія вселяло въ меня мѣсто, въ которомъ я находился! Мнѣ и на мысль не приходило подозрѣвать ихъ въ прищворствѣ: я ду-

малъ, что и быть не могло
лицемѣровъ при главахъ Цер-
кви.

За столомъ сидѣлъ я воз-
лѣ одного спараго Келейни-
ка, который назывался Мель-
хіоръ де ла Ронда; онъ
старался подкладывать мнѣ,
что было только лучшаго.
Его ко мнѣ вниманіе заспа-
вило меня отвѣчаясь ему
тѣмъ же, и учтивость моя
чрезвычайно ему понрави-
лась.— „Господинъ кавалеръ,
шепнулъ онъ мнѣ на ухо по-
слѣ обѣда, мнѣ хотѣлось бы
поговорить съ вами наеди-
нѣ.“— Тутъ отвелъ онъ ме-
ня въ такое мѣсто, гдѣ ни-
кто не могъ насъ подслу-

шасть, и сказалъ мнѣ слѣ-
дующее: „Съ первой минуты,
какъ я васъ увидѣлъ, почув-
ствовалъ къ вамъ склонность.
Для лучшаго въ томъ удо-
стовѣренія, сдѣлаю вамъ до-
вѣренность, копорая будетъ
для васъ очень полезна. Вы
здѣсь въ такомъ домѣ, гдѣ
испипно благочеспивые и ли-
цемѣры живущъ вмѣстѣ безъ
разбора. Много, очень много
времени нужно, чтобы рас-
познашь ихъ свойства. Я из-
бавлю васъ отъ столь про-
должительнаго и столь скуч-
наго труда, познакомивъ васъ
съ качествами тѣхъ и дру-
гихъ. Сообразно этому вы
можете легко располагать
ваши поступки.“—

„Я начну, продолжалъ онъ, съ Его Высокопреосвященства. Этого благочестивый Прелатъ только и думаетъ о назидаіи народа, о укорененіи въ немъ добродѣтели чрезъ поученія, которыя онъ самъ сочиняетъ, и которыя исполнены превосходной нравственности. Около двадцати лѣтъ, какъ оставилъ онъ Дворъ, чтобы посвятить себя совершенно попеченію о ввѣренной ему паствѣ. Онъ человѣкъ ученой, великой ораторъ; все свое удовольствіе полагаетъ въ проповѣдываніи Слова Божія, и духовныя овцы слушають его съ восхищеніемъ. Можешь быть

шутъ вмѣшивается нѣсколь-
 ко и щеславія; но кромѣ то-
 го, что не намъ проницать
 въ сердца человѣческія, не-
 проспешельно было бы мнѣ
 обнаруживать недоспапки
 моего благодѣтеля. Еслибъ я
 позволилъ себѣ похулить что
 нибудь въ Преосвященномъ,
 то не похвалилъ бы излиш-
 ней его строгости: вмѣсто
 того, чтобы имѣть снисхож-
 деніе къ слабостямъ духов-
 ныхъ, онъ наказываетъ ихъ
 весьма строго; особливо го-
 нитъ безъ милосердія тѣхъ,
 которые, полагаясь на свою
 невинность, вздумаютъ о-
 правдывать себя судебнымъ
 порядкомъ, не смотря на

власть его. Я нахожу въ немъ еще одинъ недостатокъ, свойственный многимъ знашнымъ особамъ: хопя онъ любитъ своихъ служишелей, но не обращаетъ никакого вниманія на усердную ихъ службу. Если иногда и награждаетъ ихъ, то они обязаны бывають поспороннему ходапайспву: самъ же собою никогда не догадается сдѣлашь для нихъ нималѣйшаго добра.“

Вопъ что говорилъ мнѣ старой Келейникъ объ Архіепископѣ. Послѣ того сказалъ свое мнѣніе и о духовныхъ, которые съ нами обѣдали. Описаніе, какое сдѣлалъ

онъ ихъ душевнымъ качествамъ, ни сколько не согласовалось съ ихъ нзружностію. Впрочемъ онъ говорилъ мнѣ не какъ о людяхъ безчестныхъ вообще, но какъ о дурныхъ только служителяхъ Церкви. Однакожь охуждалъ не въ ихъ безъ изъятія : нѣкоторымъ отдавалъ должную справедливость. Тогда узналъ я, какъ надобно мнѣ вести себя съ сими господами. Въ тошъ же вечеръ, за ужиномъ, я принялъ на себя, подражая имъ, видъ кроткой и благочестивой. Нѣшъ ничего легчеэшаго: удивительно ли, что на свѣшъ сполько лицемѣровъ!

ГЛАВА III.

*Жилблазъ дѣлается лю-
бимцемъ Гренадскаго Ар-
хіепископа; чрезъ него
изливаются всѣ милости
сего Прелата.*

Послѣ обѣда ходилъ я за
моими пожитками и лошадью
въ трактиръ, въ которомъ
приспалъ; а къ ужину воз-
вратился въ Архіерейской
домъ, гдѣ пригошвили для
меня весьма чистую комна-
ту и мягкую постелю. На
другой день Архіепископъ,
призвавъ меня къ себѣ о-
чень рано, далъ мнѣ перепи-
сашь на бѣло одну проповѣдь,

съ такимъ подтвержденіемъ, чѣмъ я въ перепискѣ соблюлъ всевозможную исправность. Я исполнилъ это приказаніе съ крайнимъ раченіемъ: не упустилъ поспѣвать, гдѣ нужно было, ни запятой, ни ударенія. За то Его Высокопреосвященство принялъ трудъ мой не только съ удовольствіемъ, но даже съ удивленіемъ.—, Творецъ мой!—воскликнулъ онъ въ восторгъ, пробѣжавъ глазами шепрадь мою — можетъ ли быть что нибудь исправнѣе эшаго? Когда ты такъ твердо знаешь правописаніе, то вѣрно имѣешь очень хорошія свѣденія и въ словесности.

Скажи мнѣ откровенно, другъ мой, не нашелъ ли ты, переписывая проповѣдь, чего нибудь не по твоему всусу? какого нибудь небреженія въ слогѣ, или неправильныхъ и непочныхъ выраженій? — Милостивѣйшій Государь! — оп- вѣчалъ я ему съ видомъ сми- реннымъ — я не такъ ученъ, чѣмъ могъ дѣлать криптиче- скія замѣчанія; да хотѣя бы и былъ таковъ, то вѣрно не на- шелъ бы въ пвореніяхъ Ваше- го Высокопреосвященства ни- какихъ недосшатковъ. — При- семъ опвѣмъ Архіепископъ улыбнулся, и не сказавъ ни- чего, далъ мнѣ примѣшитъ сквозь завѣсу смиреннаго бла-

гочестія, что онъ не чуждъ обыкновенной слабости сочинителей.

Такою лестью пришелъ я у него въ совершенную довѣренность: день ото дня спавивился ему милѣе; и наконецъ узналъ отъ Дона Фернанда, который посѣщалъ его очень часто, что онъ души во мнѣ не слышитъ, и что счастіе мое почти сдѣлано. Это подтвердилъ мнѣ вскорѣ и самъ Преосвященный; и вотъ при какомъ случаѣ: однажды вечеромъ читалъ онъ съ восшоргомъ передо мною въ кабинетѣ свою проповѣдь, которую долженъ былъ на другой день

говоришь въ соборной церкви. Онъ не только спросилъ у меня, что я вообще объ ней думалъ, но принудилъ еще объявить ему, копорыя мѣста болѣе всего меня поразили. По счастію, мнѣ удалось сослаться на шѣ именно, коими онъ самъ восхищался. По этому сдѣлалъ онъ обо мнѣ заключеніе, какъ о разборчивомъ знапокѣ истинныхъ прелестей въ сло- гѣ.— „Вотъ что называется, вскричалъ онъ, имѣшь вкусъ и чувство! Такъ, мой другъ, у тебя самое нѣжное ухо.“— Словомъ, онъ былъ столько доволенъ мною, что съ живо- воспѣію сказалъ мнѣ: „Ну,

Жилблазъ , не безпокойся о будущей своей участи; я беру на себя устроить твое состояніе. Люблю тебя; а для бóльшаго въ томъ увѣренія , открою тебѣ всѣ мои тайны.“—

Лишь только услышалъ я слова сіи , какъ , восхищенный благодарностію, палъ къ ногамъ Его Высокопреосвященства ; опъ искренняго сердца обнялъ кривыя его колѣна, и почишалъ себя уже человѣкомъ, споящимъ на пути богатства и изобилія.— „Такъ , сынъ мой—началъ опять говорить Архіепископъ, котораго рѣчь прервалъ я изліяніемъ чувствъ моихъ—

Я хочу вѣришь тебѣ самыя сокровенныя мои помышленія. Выслушай меня со вниманіемъ. Я люблю проповѣдывать. Всевышній благословляетъ мои поученія: онѣ прогаютъ сердца грѣшниковъ, вразумляютъ ихъ и обращаютъ къ покаянію. Съ радостію вижу я, что сребролюбецъ, устрашенный ужаснымъ изображеніемъ гнуснаго любоспяжанія, открываетъ свои сокровища и разсыпаетъ ихъ щедрою рукою неимущимъ; что сласполобецъ оставляетъ пагубныя забавы; что искаштели мірскихъ почестей удаляются въ пустыни, и супруга, оболь-

щаемая соблазнительями, не дерзаетъ нарушить своей обязанности и вѣрности къ мужу. Таковыя счастливыя слѣдствія моихъ поученій должны бы побуждать меня къ неупомимымъ подвигамъ. Но, признаюсь тебѣ въ моей слабости, я надѣюсь пріобрѣсти еще другую за плату, которую сурогатъ моя добродѣтель щедро во мнѣ охуждаетъ: я ищу славы и уваженія отъ людей за мое остроуміе и краснорѣчіе. Прислышь совершеннымъ орапоромъ всего для меня легше. Въ твореніяхъ моихъ всѣ находятъ и силу, и искусство; но мнѣ хочется избѣжать

обыкновенной слабости великих писателей, которые пресступаютъ за предѣлы, назначенные для нихъ природою: я желаю оставить поприще оратора въ надлежащее время, то есть, сохранивъ всю мою славу “

„И такъ, любезный Жиллазъ; продолжалъ преосвященный, я требую отъ твоего усердія одной только услуги: когда ты примѣшишь въ слогъ моемъ признаки старости, когда увидишь силы мои ослабѣвающими, уведоми меня о томъ немедленно. Я самъ на себя не полагаюсь: самолюбіе можетъ ослѣпить меня. Для

эшаго нуженъ чловѣкъ без-
 приспраспный: я избираю
 тебя; зная твои способно-
 сти, буду сообразоваться съ
 твоимъ сужденіемъ.“— Слава
 Богу! сказалъ я ему, Ваше
 Высокопреосвященство еще
 очень далеки отъ эшаго вре-
 мени; такой разумъ, каковъ
 вашъ, пребудешъ долго неиз-
 мѣненъ, или, лучше сказать,
 вы останешесь всегда одина-
 ковымъ. Я вижу въ васъ впо-
 раго Кардинала Ксименеса, ко-
 порого высокой умъ не только
 не ослабѣвалъ отъ лѣтъ, но
 получалъ, кажется, еще но-
 выя силы.—, Полно льстить,
 другъ мой! —прервалъ онъ—
 знаю, что мои дарованія мо-

гуть нечувствительно ума-
 липься. Въ мои лѣта чело-
 вѣкъ начинаетъ приходишь
 въ изнеможеніе , а съ изне-
 моженіемъ тѣла изнемогають
 и душевныя способности .
 Повторяю тебѣ , Жилбазъ ,
 коль скоро замѣпишь , что
 голова моя спанетъ слабѣть,
 потчасъ дай мнѣ знать. Не
 опасайся быть искреннимъ и
 откровеннымъ: я приму та-
 кое извѣстіе знакомъ твоей
 ко мнѣ привязанности. Впро-
 чемъ , съ эшимъ сопряжена
 и собственная твоя польза.
 Ежели, къ несчастію твоему,
 узнаю я отъ другихъ въ го-
 родѣ, что проповѣди мои не
 имѣють уже обыкновенной

силы, и что должно мнѣ помыслишь о покоѣ, то сказываю тебѣ напередъ, что ты лишишься моей дружбы, а съ ней и обѣщанной тебѣ награды. Вотъ какой плодъ получитъ безразсудная твоя скромность!“—

Тутъ покровитель мой остановился, и ждалъ отъ меня отвѣта, который состоялъ въ обѣщаніи, что не премину исполнить его волю. Съ сей минуты онъ ничего не скрывалъ отъ меня. Я сдѣлался его наперсникомъ. Всѣ его служители, кромѣ Мельхіора де ла Ронды, примѣшивъ это, мнѣ завидовали. Забавно было видѣшь, какъ

начали они тогда обходиться съ любимцемъ Его Высокопреосвященства: не стыдились прибѣгать ко всевозможнымъ подлостямъ для снисканія моей благосклонности. Я же могъ вѣришь, чшобъ это были надмѣнные Испанцы. Впрочемъ, я не отказывалъ имъ въ моихъ услугахъ, не обольщаясь однакожь корыстополубивыми ихъ учтивостями. Архіепископъ, по просьбѣ моей, не отрицался за нихъ ходатайствовать. Одного опредѣлилъ въ полкъ съ порядочнымъ чиномъ, доставивъ ему способъ показаться на пристойной ногѣ между товарищами. Другаго

послалъ въ Мексику, выпро-
сивъ ему тамъ выгодную
должность; а другу моему
Мельхіору сдѣлалъ значи-
тельное награжденіе. Изъ
эшаго я заключилъ, что Пре-
лашъ, хотя самъ собою, безъ
посторонней просьбы, не дѣ-
лалъ добра, но когда его о
томъ просили, то рѣдко
отказывалъ.

То, что сдѣлалъ я для од-
ного священника, достойно,
мнѣ кажется, подробнѣйшаго
объясненія. Управитель Архі-
ерейскаго дома, предста-
вивъ мнѣ однажды Лиценціа-
та, именемъ Людовика Гар-
ціаса, человека еще молодого
и весьма хорошей наружно-

сти, сказалъ: „Господинъ Жилблазъ, въ этомъ честномъ священникъ вы видите моего наилучшаго пріятеля. Онъ былъ духовникомъ въ женскомъ монастырѣ. Злословіе не пощадило его добродѣтели: его обнесли предъ Архіепископомъ: онъ запретилъ ему служить, и, по несчастью, такъ предубѣжденъ противъ него, что не хочетъ и слышать ничьей объ немъ просьбы. Напрасно употребляли мы по этому дѣлу ходатайство самыхъ знашныхъ особъ въ Гренадѣ: Владыко нашъ непреклоненъ.“—

—Господа, сказалъ я имъ, дѣло очень испорчено. Лучше бы не утѣруждашь Его Высокопреосвященство споль многими просьбами о господинѣ Лиценціашъ: желая услужить, ему повредили. Я знаю нравъ Владыки: просьбы и ходатайства только увеличивають въ его умѣ проступокъ служителя Церкви. Недавно ошъ самаго его слышалъ я, что, по его мнѣнію, духовный, преслупившій свою должность, чѣмъ больше насылаешъ къ нему за себѣ просителей, тѣмъ паче увеличиваетъ соблазнъ, и тѣмъ строжайшее заслуживаетъ наказаніе.—,Очень жаль, примолвилъ управитель: пріятель

мой былъ бы доведенъ до
 совершенной нищеты, если
 бы не имѣлъ прекраснаго по-
 черка. Къ счастью, пишеть
 онъ превосходно, и только
 этимъ достаётъ себѣ хлѣбъ:—
 Я полюбилъ и славилъ по-
 смотрѣть его почеркъ, луч-
 ше ли онъ моего. Лиценціантъ,
 имѣя при себѣ образчикъ сво-
 его письма, подалъ его мнѣ.
 Я удивился: опъ самаго ис-
 куснѣйшаго каллиграфа не
 лѣзя было требовать луч-
 шаго. Тутъ пришла мнѣ въ
 голову счастливая мысль.
 Я сказалъ Гарціасу, чтобы
 онъ оставилъ у меня эту
 бумагу, намекнувъ ему, что,
 можетъ быть, удастся мнѣ

употребить ее въ его пользу, и что завтра объяснюсь съ нимъ подробнѣе. Лиценціашъ, которому, безъ сомнѣнія, расхвалилъ меня управитель, вышелъ отъ меня такъ доволенъ, какъ будто бы опять уже вступилъ въ прежнюю свою должность.

Мнѣ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлось ему помочь; и въ тотъ же день приступилъ я къ сему слѣдующимъ образомъ. Будучи одинъ у Архіепископа, показалъ ему письмо Гарціаса. Оно очень понравилось Преосвященному. Пользуясь симъ случаемъ, сказалъ я ему: „Когда Вашему Высокопреосвященству не

угодно печаташь своихъ проповѣдей, то желательнѣе по крайней мѣрѣ, чтобъ онѣ переписаны были такимъ прекраснымъ почеркомъ.“—

— Я доволенъ и твоимъ письмомъ, отвѣчалъ Архипашырь; однако признаюсь, что хотѣлось бы мнѣ имѣть и эшой руки списокъ моихъ швореній. — „Милоспивѣйшій Государь, подхвашилъ я, извольте только приказать. Человѣкъ, который такъ хорошо пишетъ, есть знакомый мнѣ Лиценціатъ: онъ тѣмъ съ бѣльшею радостію исполнилъ вашу волю, что можетъ чрезъ то возбудить ваше милосердіе къ извлече-

нію его изъ бѣдственнаго со-
снорянія, въ кошоромъ по не-
счастію теперъ находит-
ся.“ —

Архієпископъ спросилъ,
какъ зовуть Лиценціата? —
„Людовикъ Гарціасъ, ошвѣчалъ
я: онъ въ опчаяніи, что
навлекъ на себя гнѣвъ Ваше-
го Высокопреосвященства.“ —
Этотъ Гарціасъ — прервалъ
онъ рѣчь мою — былъ, если не
ошибаюсь, духовникомъ при
дѣвичьемъ монастырѣ. Онъ
подвергъ себя церковному за-
прещенію. Я помню и о до-
носахъ, какіе на него мнѣ по-
даны: поведеніе его очень по-
дозришельно. — „Милоспивѣй-
шій Государь, не берусь его

оправдывать; но знаю, что есть у него непріятели. Онъ утверждаетъ, что виновники извѣстныхъ вамъ доносовъ болѣе старались повредить ему, нежели обнаружить истину.“—Быть можетъ! Въ свѣтѣ много злыхъ людей. Впрочемъ, хотя бы поведеніе его и не совсемъ было безпорочно, но онъ могъ раскаяться; и нѣтъ грѣха побѣждающаго милосердіе. Приведи ко мнѣ Лиценціаша: я разрѣшаю его. —

Такъ-то и самые строгіе люди смягчаются, когда требуютъ того отъ нихъ какая нибудь личная выгода. Архіепископъ безъ затрудненія

уступилъ суешному удовольствію имѣть сочиненія свои хорошо переписанными, а прежде прошивилъ самымъ сильнымъ просьбамъ. Я поспѣшилъ сообщить это извѣстіе управителю, который далъ знать о томъ своему пріятелю Гарціасу. Лиценціатъ пришелъ на другой день благодарить меня за испрошенную для него милость. Я представилъ его Преосвященному, который, сдѣлавъ ему легкій выговоръ, отдалъ переписать на бѣло свои проповѣди. Гарціасъ исполнилъ порученіе такъ удачно, что получилъ опять свое мѣсто; и даже опредѣленъ былъ въ

Священники въ Габію, одно
большое селеніе близъ Грe-
нады.

ГЛАВА IV.

*Архієпископа разбилъ па-
рализъ. Въ какомъ за-
трудненіи находился
Жилблазъ, и какъ вышелъ
изъ онаго.*

Между тѣмъ, какъ я ока-
зывалъ такимъ образомъ услу-
ги разнымъ лицамъ, Донъ
Фернандъ де Лейва гошо-
вился выѣхать изъ Гренады.
Еще до отъѣзда его пошелъ
я къ нему поблагодарить сно-

ва за доставленіе мнѣ столь
 выгоднаго мѣста; и онъ, ви-
 дя, какъ я былъ имъ дово-
 лень, сказалъ мнѣ: „Любез-
 ный Жилблазъ, я очень радъ,
 что тебѣ хорошо жить у
 дяди моего, Архіепископа.“—
 О! мнѣ желалъ больше нече-
 го, отвѣчалъ я: одно только
 это могло вознаграждать ме-
 ня за то, что оставилъ До-
 на Цезаря и Дона Альфонса.—
 „Безъ сомнѣнія, прервалъ онъ,
 оба они жалѣютъ, что ли-
 шились тебя. Но, можешь
 быть, ты не навсегда съ ни-
 ми расстался: когда нибудь
 судьба опять соединитъ васъ.“
 Слова сіи меня весьма про-
 нули: я вздохнулъ, и почув-

споводалъ въ ту минуту, сколько любилъ Дона Альфонса; я охотно оставилъ бы Архієпископа и всю надежду на его лестныя обѣщанія, чтобъ только возвратиться въ замокъ Лейву, когда бы уничтожилось препятствіе, удалившее меня отъ шуда. Донъ Фернандъ примѣтилъ мое душевное волненіе, и былъ столько признателенъ за то, что обнявъ меня, увѣрялъ въ непремѣнной готовности всей его фамиліи помогать мнѣ при всякомъ случаѣ.

Два мѣсяца спустя послѣ его отъѣзда, въ самое время величайшаго моего счастія, домъ Архієрейской пораженъ

былъ внезапнымъ ужасомъ :
 Архіепископа ударилъ пара-
 личъ. Успѣли однако податъ
 ему такую скорую помощь ,
 и употребили столь удачныя
 лѣкарства , что онъ чрезъ
 нѣсколько дней совершенно
 оправился. Но разумъ его
 пришелъ въ чувствительный
 упадокъ. Я замѣтилъ это по
 первой сочиненной имъ про-
 повѣди. При всемъ томъ не
 нашелъ я въ ней большой
 разности съ прежними, и не
 могъ утвердительно сказать,
 дѣйствительно ли началъ
 Ораторъ слабѣть. Я ждалъ
 еще другой проповѣди для
 рѣшительнаго о томъ заклю-
 ченія. О ! эта не дала уже

мнѣ болѣе сомнѣваться. Проповѣдникъ то дѣлалъ частыя повшоренія, то поднимался слишкомъ высоко, то опускался слишкомъ низко. Словомъ: это была совершенная нескладица, витійство обвѣщалаго школьнаго Ректора—проповѣдь, какую могъ сказать всякой Капуцинъ.

Не одинъ я замѣтилъ такую переменѣну. Большая часть слушателей (какъ будто получали жалованье за то, чтобъ разсмапривать Пастырскія поученія) шептали другъ другу на ухо: „эта проповѣдь пахнетъ параличемъ!“— Ну, цензоръ Архіепископскихъ твореній, ска-

залъ я тогда самъ себѣ, готовься исполнять свою должность. Ты видишь, что Его Высокопреосвященство упадаешь; надобно тебѣ о томъ его увѣдомишь, не только для исполненія принятой на себя обязанности и для оправданія сдѣланной имъ тебѣ довѣренности, но даже изъ предосторожности, чтобъ кто нибудь изъ пріятелей его не предупредилъ тебя своимъ чистосердечіемъ. Въ такомъ случаѣ, ты знаешь, что изъ того послѣдуешь; ты будешь выключенъ изъ его духовной, въ которой ошказано тебѣ конечно больше, нежели библіотека Лиценціата Седилло. —

Послѣ сихъ разсужденій приходили мнѣ на умъ и другія совсемъ прошивныя мысли. Мнѣ казалось опасно приступить къ шакому щекотливому объясненію: я полагалъ, что оно будетъ очень худо принято самолюбивымъ авторомъ; однако представлялъ себѣ и то, что не лзя ему на меня осердиться, когда самъ настоятельно опъ меня эшаго требовалъ. Сверхъ того полагалъ я говорить съ нимъ со всевозможною осторожностью, и сколько можно болѣе позолотить для него горькую пилюлю. Заключивъ наконецъ, что молчаніе подвергнетъ меня бѣль-

шей опасности, нежели оп-
кровенность, рѣшился я при-
ступить къ дѣлу.

Одно только затрудняло
меня: я не зналъ, какъ на-
чашь объ этомъ рѣчь. Къ
счастію, самъ Орапоръ вы-
велъ меня изъ недоумѣнія,
спросивъ, что говоряшъ объ
немъ въ городѣ, и довольны
ли послѣднею его проповѣдью.
Я отвѣчалъ, что и понынѣ
удивляюсь его поученіямъ,
но, мнѣ кажется, будто въ
прошедшій разъ не столько
поражены были слушатели.—
„Какъ эшо, другъ мой, пре-
рвалъ онъ съ изумленіемъ,
не ужели нашелся какой ни-

будь Аристархъ?“ *)—Нѣтъ ;
 Ваше Высокопреосвященство,
 сказалъ я, нѣтъ; ваши сочи-
 ненія не таковы, чѣмъ кто
 дерзнулъ криптиковать ихъ ;
 всѣ плѣняющія ими. Одна-
 кожъ, такъ какъ вы прика-
 зали мнѣ быть искреннимъ
 и откровеннымъ, то я беру
 смѣлость доложить, что ва-
 ша послѣдняя проповѣдь по-
 казалась мнѣ не такъ силь-
 на, какъ прежнія. Не поже-
 ли и вы изволите объ ней
 думать?—

---

*) Великій Криптикъ, жившій въ
 царствованіе Пшоломея Фила-
 дельфа.

При сихъ словахъ Архі-
епископъ поблѣднѣлъ, и съ
принужденною улыбкою ска-
залъ мнѣ: „Господинъ Жил-
базъ, и такъ она вамъ не
нравится?“—Не говорю эша-
го, Милоспивѣйшій Государь,
отвѣчалъ я, пришедъ въ ве-
λικое смущеніе: я нахожу ее
превосходною, хотя, по мнѣ-
нію моему, она уступаетъ
нѣсколько прочимъ вашимъ
сочиненіямъ.—„Разумѣю: те-
бѣ кажется, что я упадаю;
не правда ли? Говори прямо:
ты думаешь, что уже пора
мнѣ отказатьсь отъ пропо-
вѣдей?“— Я никогда не былъ
бы столько дерзокъ, и не
открылъ бы моихъ мыслей

съ такою вольностью, если бы Ваше Высокопреосвященство сами того не приказали. И такъ исполняю только волю вашу, и нижайше прошу простить мою дерзость.— „Сохрани Богъ, прервалъ онъ съ поспѣшностію, чтобы я поставилъ это тебѣ въ вину! Я былъ бы очень несправедливъ. Мнѣ нисколько не противно, что ты сказалъ свое мнѣніе; только мнѣніе твое нахожу самымъ неосновательнымъ, глупымъ. Я чрезвычайно обманулся, положясь на ограниченный твой разумъ.“—

Я ошолбенѣлъ отъ сихъ словъ, однакожь искалъ сред-

спва, какъ нибудь вывернуись изъ бѣды. Но можно ли смягчить раздраженнаго автора, а особливо автора, привыкшаго къ похваламъ?— „Переспанемъ говоришь объ этомъ, сказалъ онъ мнѣ; ты еще такъ молодъ, что не можешь различать хорошаго отъ худаго. Знай, что я никогда не сочинялъ лучшей проповѣди, какова послѣдняя, хотя она и не удостоилась твоего одобренія. Разумъ мой, благодаря Бога, еще во всей своей силѣ. Впередъ съ бѣльшимъ разсмотрѣніемъ буду я избирать себѣ повѣренныхъ; мнѣ надобны люди, которые были бы способнѣе тебя су-

дишь о моихъ сочиненіяхъ.
 Поди, продолжалъ онъ, тол-
 кая меня изъ своего кабине-
 та, поди, скажи моему Ка-
 значею, чшобъ онъ выдалъ
 тебѣ сто червонныхъ; и съ
 этими деньгами да упра-
 вишь Господь Богъ пушъ
 твой! Прощай, господинъ
 Жилблазъ; желаю тебѣ вся-
 каго блага и немного побо-
 лѣ вкуса!“—

ГЛАВА V.

На што рѣшился Жил-бразъ лишася мѣста у Архієпископа. Какиѣ слугаемиѣ встрѣтился онѣ съ Лиценціатомѣ, которому оказалѣ благодѣяніе, и какѣ отблагодариѣ его сей послѣдній.

Я вышелъ изъ кабинета, проклиная своенравіе, или лучше сказать, слабость Архієпископа, и болѣе досадуя на него, нежели печалясь о потерѣ его милостей. Даже сомнѣвался нѣсколько времени, идти ли мнѣ за червонцами; но, подумавъ хорошень-

ко, почелъ за глупость отъ нихъ отказатьсь. Я разсудилъ, что эти деньги не опшумутъ у меня права смѣяшьяся надъ моимъ Прелатомъ; и принялъ швердое намѣреніе не пропускашь ни одного къ тому случая, гдѣ бы ни зашла при мнѣ рѣчь о его проповѣдяхъ.

И шакъ пошелъ я къ Казначею, взялъ у него сто червонныхъ, и не сказалъ ему ни слова о томъ, что произошло между мною и Преосвященнымъ. Послѣ того сыскалъ Мельхіора де ла Ронду, чтобы навсегда съ нимъ проститься. Онъ столько любилъ меня, что не могъ

не сожалѣть о моемъ несчастіи. Между тѣмъ, какъ я объ этомъ ему рассказывалъ, на лицѣ его примѣтно было сильное огорченіе. Не смотря на все свое благоговѣніе къ Преосвященному, никакъ не одобрялъ онъ поступка его со мною. Но когда я, въ сердцахъ, спалъ клясться, что опомщу Архіепископу, разгласивъ по всему городу о его слабостяхъ, тогда благо-разумный Мельхіоръ сказалъ мнѣ: „Послушайся меня, любезный Жилбазъ, оставь свое намѣреніе. Мы, просные люди, должны всегда уважать знатныхъ особъ, какія бы ни имѣли причины на нихъ

жаловаться. Знаю, что многіе изъ знапныхъ не заслуживаютъ ни малѣйшаго уваженія; но они могутъ вредить; и такъ надобно ихъ опасаться.“

Я поблагодарилъ стараго Келейника за добрый его совѣтъ, и обѣщалъ воспользо-ваться онымъ. Послѣ того сказалъ онъ мнѣ: „Ежели ты будешь въ Мадридѣ, то найди шамъ Іосифа Наварро, моего племянника, который служитъ у Дона Балпазара де Цуниги. Этого малой, смѣю сказать, достоинъ по своей дружбы: онъ откровененъ, веселъ, обходителенъ, услужливъ. Мнѣ очень будетъ при-

яшно, если вы между собою подружитесь. — Я отвѣчалъ ему, что не премину опы-скашь Іосифа Наварро, коль скоро буду въ Мадридѣ, куда и дѣйствительно думалъ отправиться. Наконецъ оставилъ я Архіепископской домъ, давъ самъ себѣ клятву, что впредь нога моя въ немъ не будетъ. Мнѣ очень досадно было, что я продалъ свою лошадь, а то прямо бы пустился въ Толедо. И такъ нанялъ я квартиру, въ на-мѣреніи пробытъ еще съ мѣсяцъ въ Гренадѣ, а потомъ ѣхать къ Графу Полану.

Такъ какъ наступалъ часъ обѣда, то я спросилъ у моей

хозяйки, нѣтъ ли по близости какого нибудь трактира.— „Есть славной, ошвѣчала она, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моего дома; тамъ хорошо кормятъ, и собирается много порядочныхъ людей.“— Мнѣ указали этотъ трактиръ и я тотчасъ туда отправился. Я вошелъ въ огромную залу, которая довольно походила на монастырскую трапезу. Человѣкъ десять или двѣнадцать, сидя за длиннымъ столомъ, накрытымъ запачканою скатертью, разговаривали между собою; каждый ѣлъ небольшую свою порцію; и для меня принесли такую же.

Подобной обѣдѣ, безъ сомнѣ-
 нія, заставилъ бы меня въ
 другое время пожалѣть о
 столѣ Архіепископа; но я въ
 такой былъ тогда прошивъ
 него досадѣ, что скудное у-
 гощеніе въ этомъ шракширѣ
 казалось мнѣ предпочтитель-
 нѣе предъ бывшимъ въ его
 домѣ изобиліемъ. Я охуждалъ
 излишество въ пищѣ; и, раз-
 суждая, какъ Валладолидской
 Докторъ, который извѣстенъ
 уже моимъ читателямъ, го-
 ворилъ самъ себѣ: „Горе пи-
 рующимъ за большими сто-
 лами, обремененными слад-
 кими яствами, которыя
 ошлгчаютъ желудокъ и раз-
 строиваютъ здоровье! Развѣ

не можно бышь сышу немногими и простыми кушаньями? — Въ негодованіи моемъ превозносилъ я похвалами правила Доктора Санградо, копорыя такъ худо наблюдалъ до сего времени.

Между тѣмъ, какъ я занялся поданною мнѣ порціею, не опасаясь выдти изъ предѣловъ умѣренности, Лиценціашъ Людовикъ Гарціасъ, опредѣленный по милости моей Священникомъ въ Габію, вошелъ въ залу. Лишь только онъ меня увидѣлъ, какъ подбѣжавъ ко мнѣ, привѣтствовалъ меня со всѣми знаками чрезвычайной радости. Прижималъ меня къ

груди своей; и я принужденъ былъ выслушать предлинную благодарственную рѣчь за оказанное ему мною одолженіе. Онъ замучилъ меня изъясненіями своей признавательности. Потомъ, сѣвши подлѣ меня, сказалъ: „Почтеннѣйшій благодѣтель! воля ваша, а для радости, что я встрѣтился съ вами, надобно выпить! Жаль только, что въ этомъ пракширѣ нѣтъ хорошаго вина; сдѣлайте милость, пойдёмъте со мною послѣ обѣда въ одно мѣсто, гдѣ я поподчую васъ самымъ лучшимъ Люценскимъ сектомъ, и мускателемъ Фонкаральскимъ. Ахъ! если бы я

былъ сполько счастливъ, что-бы вы пріѣхали ко мнѣ хотя на нѣсколько часовъ въ Габію! Тамъ принялъ бы я васъ, какъ великодушнаго покровителя, которому обязанъ безбѣдною и спокойною жизнію.“—

Между тѣмъ, какъ онъ изъяснялся передо мною такимъ образомъ, принесли ему порцію. Онъ началъ ѣсть, не переставая однакожь, по временамъ, говоришь мнѣ комплименты. Я также не молчалъ; и какъ онъ спросилъ меня о здоровьѣ своего пріятеля, управителя Архіерейскаго, то я и не скрылъ отъ него, что уже не служу болѣе

у Его Высокопреосвященства: рассказалъ ему подробно всѣ обстоятельствоства моего несчастія. Онъ слушалъ меня со вниманіемъ. Послѣ всѣхъ увѣреній въ его ко мнѣ преданности, не лзя было не ожидать отъ него негодованія на Архіепископа. Но это не приходило ему и на умъ: вдругъ онъ сдѣлался пасмуренъ и задумчивъ; кончилъ свою порцію, не говоря ни слова; напоследокъ вспалъ поспѣшно изъ за стола, поклонился мнѣ съ холодно-стію, и пошелъ вонъ изъ комнаты. Неблагодарный, видя, что я не могу болѣе быть ему полезнымъ, не взялъ да-

же на себя труда скрыть
 отъ меня своихъ подлыхъ
 чувствованій. Я только по-
 смѣялся его неблагодарно-
 сти; и посмотрѣвъ на него
 съ должнымъ презрѣніемъ,
 закричалъ ему въ слѣдъ такъ
 громко, что онъ, безъ сомнѣ-
 нія, слышалъ: „Эй! благоче-
 стивый и цѣломудренный
 духовникъ монахинь, вели
 прохладишь то прекрасное
 Люценское вино, которымъ
 ты хопѣлъ меня поподчи-
 вать!“—

ГЛАВА VI.

Жилблазъ ходилъ смотрѣть Комедію. Онъ удивился, увидѣвъ одну актрису; то изъ того послѣдовало.

Гарціасъ былъ еще въ залѣ, какъ вошли два щегольски одѣтыхъ кавалера и сѣли подлѣ меня. Они завели разговоръ о Гренадскихъ актеряхъ и о новой комедіи, кошую хотѣли въ томъ день представлять. Эта піеса, по словамъ ихъ, надѣлала много шуму въ городѣ. Мнѣ захопѣлось ее видѣть. Я не былъ въ театрѣ съ самаго

моего прїѣзда въ Гренаду. Живучи въ Архіепископскомъ домѣ, гдѣ такія зрѣлища преданы проклятію, не смѣлъ я ходить на оныя: проповѣди были единственною моею забавою.

И такъ въ назначенное время отправился я въ театръ, и нашелъ тамъ многочисленное собраніе. Я слышалъ около себя разныя сужденія о комедіи прежде, нежели она началась, и замѣтилъ, что всѣ наперерывъ давали объ ней свое мнѣніе: одинъ хвалилъ, другой хулилъ. „Какъ превосходно написана піеса!“ говорили на правой сторонѣ.— „Какой жалкой слогъ!“

кричали на лѣвой.— Надобно сказашь правду, что хоша и много есть дурныхъ сочинителей, но дурныхъ кришниковъ гораздо еще болѣе; и когда подумаю, какимъ неприятностямъ подвергаются драматическіе писатели, то не могу надивиться, какъ не спрашались они невѣжества толпы и опасныхъ полковъ полуученыхъ, которыхъ единственно должно обвинять въ несправедливомъ сужденіи Публики.

Наконецъ выходитъ на сцену *Граціозо* *). Лишь

---

*) Такъ называютъ арлекиновъ въ Испаніи и Португалліи.

только онъ появился, всѣ захлопали въ ладоши. Изъ эпаго я заключилъ, что онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ избалованныхъ актеровъ, коимъ зрители прощаютъ все. И дѣйствительно, при каждомъ его словѣ, при каждомъ тѣлодвиженіи, раздавались рукоплесканія. Я замѣтилъ, что онъ употреблялъ во зло благорасположеніе къ себѣ Публики, и даже забывался на сценѣ. вмѣсто того, чтобы осыпать его рукоплесканіями, по справедливости надобно бы было осви-стать его.

Рукоплескали также и при появленіи другихъ актеровъ,

особливо актрисы, представлявшей служанку. Я спалъ въ нее всматриваться и — представьте мое удивленіе, когда узналъ въ ней Лауру, мою любезную Лауру, о которой думалъ, что она все еще въ Мадридѣ у Арсеніи. Я не могъ сомнѣваться, чшобъ это была не она: ея станъ, черты лица, звукъ голоса, все увѣряло меня, что я не ошибся. Однакожь, не вѣря еще глазамъ и ушамъ своимъ, спросилъ стоявшаго подлѣ меня челоѣка объ ея имени. — „Да откуда вы? — сказалъ онъ мнѣ: конечно вы здѣсь недавно, когда не знаете прекрасной Эшеллы!“ —

Сходство было такъ разитель-
 нельно, что я не могъ оши-
 биться. Понявъ легко, что
 Лаура, съ переменною состоя-
 нія, переменила и имя, и
 любопытствуя знать о дѣ-
 лахъ ея, (дѣла театральныхъ
 героинь всегда извѣстны Пу-
 бликѣ) спросилъ я у того же
 человека, нѣтъ ли у этой
 Эстеллы какого нибудь важ-
 наго любовника? Онъ отвѣ-
 чалъ мнѣ, что уже два мѣ-
 сяца живешь въ Гренадѣ
 одинъ знаменитый Португалецъ,
 по имени Маркизь де Ма-
 ріальва, который дѣлаетъ
 для нее великія издержки.—
 Я узналъ бы отъ него кое-
 что и болѣе, еслибъ не боял-

ся обезпокоить его моими
 вопросами. Извѣстіе, слы-
 шанное отъ незнакомца, за-
 нимало меня болѣе, чѣмъ са-
 мая комедія; и когда бы
 спросили у меня, по выходѣ,
 о содержаніи оной, то вѣр-
 но не получили бы удовле-
 творительнаго отвѣта. Я
 только и думалъ о Лаурѣ,
 объ Эспеллѣ, и рѣшился не-
 премѣнно на другой же день
 идти къ этой актрисѣ.
 Однакожь безпокоился о томъ,
 какъ она меня приметъ: не
 безъ основанія разсуждалъ,
 что свиданіе мое съ нею,
 при счастливомъ положеніи
 дѣлъ ея, не очень ей будетъ
 пріятно. Я даже опасался,

чтобы такая ловкая актри-
са, имѣя справедливую при-
чину быть мною недоволь-
ною, не притворилась, буд-
то совсемъ меня не знаетъ.
Но ничто меня не устраша-
ло. Послѣ умѣреннаго ужива
(иныхъ и не бывало въ мо-
емъ трактирѣ) пошелъ я
спать, ожидая съ нетерпѣ-
ніемъ слѣдующаго дня.

Эту ночь спалъ я мало, и
всталъ на разсвѣтъ. Пола-
гая, что любовница знатна-
го господина никого рано къ
себѣ не принимаетъ, употре-
билъ я часа два или три на
прическу и одѣванье. Мнѣ
хотѣлось явиться передъ нею
въ такомъ состояніи, кошо-

рое не заставило бы ее стыдѣться моего посѣщенія. Въ десять часовъ пошелъ я со двора, и навѣдавшись прежде отъ актеровъ о ея жилищѣ, пустился къ ней прямо. Она занимала нижній этажъ въ огромномъ домѣ. Я сказалъ служанкѣ, копорая отворила мнѣ двери, что одинъ молодой человѣкъ желаетъ видѣться съ Эстеллою. Служанка пошла доложить обо мнѣ, и я тотчасъ услышалъ, что госпожа сказала ей громко: „Какой молодой человѣкъ? За чѣмъ онъ пришелъ? Пусти его сюда.“

Изъ этихъ словъ я заключилъ, что пришелъ не во

время; что влюбленный Португалецъ конечно прислушавуется при ея шуалетѣ, и что она нарочно говорила такъ громко для отвращенія отъ себя всякаго подозрѣнія. Я и не ошибся: Маркизь де Маріальва проводилъ у нее почти всякое утро. Я ожидалъ худаго пріема, какъ эта неподражаемая актриса, увидѣвъ меня, бросилась ко мнѣ съ распростертыми руками и вскричала: „Ахъ! любезный брашецъ, тебѣ ли я вижу?“ — При сихъ словахъ, она поцѣловала меня нѣскольکو разъ; потомъ, оборотясь къ Португальцу, сказала: „простите, сударь, что въ

присутствіи вашемъ уступаю я силѣ родства! Послѣ прехлѣпней разлуки, не могу видѣть брата, нѣжно мною любимаго, не оказавъ ему знаковъ моей дружбы. Ну, любезный Жилблазъ, продолжала она, обративъ опять ко мнѣ рѣчь свою, скажи мнѣ, какъ поживають наши родные? Въ какомъ состояніи ты ихъ оставилъ? —

Тутъ я пришелъ было въ замѣшательство; но скоро понялъ намѣреніе Лауры; и, помогая ея хитроспи, отвѣчалъ пономъ приличнымъ комедіи, которую мы оба играли готовились: „Слава Богу, любезная сестрица,

родные наши всѣ въ добромъ здоровьѣ.“—Конечно ты удивляешься—начала она опять говорить—нашедши меня актрисою въ Гренадѣ; однако не вини меня, не выслушавъ. Тому уже при года (ты это самъ знаешь), какъ бапюшкѣ угодно было выдать меня за Капишана Дона Антонио Колло. Мы пріѣхали съ нимъ изъ Аспуріи въ Мадридъ, гдѣ обыкновенно онъ жилъ и родился. Спустя шесть мѣсяцовъ по нашемъ шуда пріѣздѣ, вызванъ онъ былъ на поединокъ, къ чему вспыльчивый нравъ его подалъ поводъ. Онъ закололъ одного кавалера, кошорый показы-

валъ ко мнѣ ошмѣнное вни-
маніе. Этотъ кавалеръ былъ
въ родствѣ со многими знаш-
ными и сильными особами.
Мужъ мой, не имѣя подоб-
ныхъ заспунниковъ, скрылся
въ Капалонію, забравъ съ со-
бою всѣ дорогіе каменья и
наличныя деньги, которыя
были у насъ въ домѣ. Въ
Барцеллонѣ сѣдѣлся онъ на
корабль, отпрапляется въ
Италію, вступаешъ въ Ве-
неціанскую службу, и нако-
нецъ теряешъ жизнь въ
Мореѣ, на сраженіи про-
тивъ Турокъ. Между эшимъ
временемъ небольшое по-
мѣстѣе, которое соспавляло
все наше имущество, было

конфисковано, и я осталась
бѣдною вдовою. Что дѣлать
въ такой крайности? Не
было средства возвратиться
въ Астурію. Да къ чему бы
мнѣ это и послужило? Опѣ
моихъ родителей, кромѣ со-
жалѣнія, ожидать было не-
чего. Съ другой стороны, во-
спитаніе мое не позволяло
имѣть мнѣ ни съ кѣмъ пред-
осудительныхъ связей. За-
чѣмъ же было приняться? И
такъ для сохраненія чест-
наго имени сдѣлалась я ак-
трисою. “

При концѣ Лауриной по-
вѣсти, едва было не захохо-
тѣла я во все горло; но скрѣ-
пившись сколько могъ, ска-

залъ ей съ важнымъ видомъ:
 „Сестрица, хвалю вашъ по-
 ступокъ, и очень радъ, что
 нашелъ васъ въ Гренадѣ въ
 такомъ хорошемъ состоя-
 ніи.“

Маркизь де Маріальва, ко-
 торый не пропустилъ мимо
 ушей ни одного слова изъ
 нашего разговора, повѣрилъ
 всему тому, что угодно бы-
 ло насказать вдовѣ Дона Ан-
 тонію. Вмѣшавшись даже въ
 наши рѣчи, спросилъ онъ ме-
 ня, имѣю ли я какую ни-
 будь должностъ въ Гренадѣ
 или въ другомъ мѣстѣ. Я
 нѣсколько подумалъ, лгашъ
 ли мнѣ, или нѣтъ; но нако-
 нецъ, считая за излишнее

прибѣгать ко лжи, объявилъ
 сущую правду: разсказалъ со
 всею подробностію, какъ по-
 пался къ Архіепископу, и
 какъ отошелъ отъ него; это
 весьма позабавило Порту-
 гальца. Признаться, что не
 смотря на данное мною Мель-
 хіору обѣщаніе, я довольно
 пошушилъ на счетъ Его Вы-
 сокопреосвященства. Всего
 смѣшнѣе было то, что Лау-
 ра, вообразивъ, будто и я,
 по ея примѣру, выдумалъ та-
 кую же какъ и она сказку,
 хохотала изо всей силы; че-
 го конечно не сдѣлала бы,
 когда бы знала, что я го-
 ворилъ испину.

Повѣсть свою окончилъ я тѣмъ, что переѣхалъ отъ Архіепископа въ наемную квартиру. Въ это самое время пришли сказать, что на столъ подано; я хотѣлъ было отправиться въ свой трактиръ, но Лаура остановила меня. „Куда ты, братецъ?— сказала она; не ужь ли не останешься у меня обѣдать? Я не позволю даже, чтобъ ты оставался долѣе на наемной квартирѣ: хочу, чтобъ ты всегда кушалъ и жилъ въ моемъ домѣ. Нынче же вечеромъ прикажи перенести сюда свои пожитки; а постеля для тебя здѣсь найдется.“ —

Португалець, которому такое гостепріимство, можешь быть, не очень нравилось, сказалъ Лауръ: „Нѣтъ, Эспелла, ты живешь не такъ просторно, чтобъ могла принять къ себѣ кого нибудь еще другаго. Братецъ твой, примолвилъ онъ, кажется мнѣ, прекрасной молодой человѣкъ, и ближнее его родство съ тобою заставляетъ меня подумать о его пользѣ. Я принимаю его къ себѣ въ службу. Онъ будетъ у меня однимъ изъ секретарей, котораго больше всѣхъ стану любить и сдѣлаю его своимъ повѣреннымъ. Пусть онъ придетъ нынѣ же ночевать ко

мнѣ: я велю приготовить для него комнату. Жалованья обещаю ему по чешыреста червонныхъ въ годъ; и если въ послѣдствіи буду, какъ и надѣюсь, имъ доволенъ, то приведу его въ такое состояніе, что не станешь сожалѣть объ излишней откровенности съ Архіепископомъ.“ —

Изъявленіе моею признательности къ милостямъ Маркиза сопровождалось еще чувствительнѣйшею благодарностію Лауры.— „Перестанемъ говорить объ этомъ, прервалъ онъ: дѣло уже кончено.“ — При сихъ словахъ поклонился онъ театральной

Принцессъ и ушелъ. Какъ только остались мы одни, Лаура или Эстелла потчасъ ввела меня въ свой кабинетъ. „Я задохлась бы, вскричала она, еслибъ долѣе принуждена была удерживаться опъ смѣху!“—Тутъ бросилась она въ кресла, и начала хохотать какъ сумасшедшая. Я не могъ не послѣдовать ея примѣру; и когда оба насмѣялись досыта, она сказала мнѣ: „Признайся, Жилблазъ, что мы сыграли презабавную комедію; но я не ожидала такой счастливой развязки. Мнѣ хотѣлось только дать тебѣ квартиру и споль въ моемъ домѣ; а что-

бы безъ нарушенія благопри-
стойности все это предло-
жить тебѣ, выдала тебя за
своего брата. Радуюсь, что
случай доставилъ тебѣ столь
выгодное мѣсто. Другая на
моемъ мѣстѣ, продолжала она,
не приняла бы, можетъ быть,
такого участія въ челоѣкѣ,
который, не простиая оспа-
вляешъ друзей своихъ; но я
изъ числа тѣхъ добродуш-
ныхъ дѣвушекъ, которыя
всегда и съ удовольствіемъ
возобновляютъ знакомство съ
любимымъ обманщикомъ.“

Я признался искренно въ
моей винѣ, и просилъ про-
щенія. Послѣ этого она вве-
ла меня въ столовую, весь-

ма чисто прибранную. Мы
 съли за столъ; и какъ при
 насъ были служанка и слуга,
 то называли мы другъ дру-
 га братомъ и сестрою. Опо-
 бѣдавъ, вошли опять въ ка-
 бинетъ. Тутъ несравненная
 моя Лаура, предавшись при-
 родной своей веселости, спра-
 шивала меня обо всемъ, что
 ни случилось со мною послѣ
 нашей разлуки. Я рассказаль
 ей обстоятельно мои похож-
 денія; и когда удовольство-
 валь ея любопытство, она
 ошплашила мнѣ и тѣмъ же,
 описавъ свою исторію слѣ-
 дующимъ образомъ.

ГЛАВА VII.

Исторія Лауры.

Разскажу тебѣ, сколько можно короче, по какому случаю приняла я на себя ремесло актрисы.

Послѣ того, какъ ты меня оставилъ, случились со мною необыкновенныя происшествія. Арсенія, госпожа моя, болѣе ушомясь, нежели наскучивъ жизнь въ большомъ свѣтѣ, оставила театръ, и увезла меня съ собою въ прекрасное помѣстье, которое купила близъ Заморы на чужія деньги. Въ этомъ городѣ мы скоро свели знаком-

ства: ѣздили шуда очень часто; проводили шамъ по дню и по два; а потомъ заключались въ своемъ замкѣ.

Въ одно изъ сихъ путешествій, Донъ Феликсъ Мальдонадо, единственный сынъ Коррежидора, какъ-то увидѣлъ меня, и я ему понравилась. Онъ искалъ случая поговорить со мною наединѣ, и нашелъ его — сказать тебѣ правду — не безъ моего содѣйствія. Донъ Феликсъ едва ли въ то время былъ двадцати лѣтъ; прекрасенъ, какъ Амуръ, статенъ и—что еще плѣнительнѣе самой наружности — учтивъ и благороденъ въ обращеніи. Онъ

предложилъ мнѣ богатой
брильянтовой перстень, ко-
торый былъ у него на рукѣ,
съ такимъ милымъ доброду-
шіемъ, что я не могла не
принять его. Я чрезвычай-
но радовалась, что нашла
такого любовника. Но какъ
безразсудно посшупаютъ гор-
ничныя, гоняясь за знашны-
ми молодыми людьми, кошо-
рые не вышли еще изъ подъ
власши родителей! Коррежи-
доръ, самый строгій отецъ,
пшовъ давъ о нашей связи, по-
спѣшилъ предупредить по-
слѣдствія оной: приказалъ
взять меня Алгвазиламъ, ко-
торые, не смотря на мои
вопли, отвели меня въ рабо-

чій домъ (*Hospitale de la Pietad*).

Тамъ, безъ дальнихъ обрядовъ, Смотрительница велѣла снять у меня съ руки перстень, и вмѣсто собственнаго моего плащя одѣшь меня въ длинной сѣраго цвѣта шерстяной балахонъ и опоясашь широкимъ чернымъ ремнемъ, къ которому привѣшены были прекрушныя и длинные чопки. Потомъ отвели меня въ одну комнату, гдѣ нашла я сѣраго монаха — не знаю уже какого ордена. — Этотъ монахъ началъ увѣщевать меня къ покаянію точно шакъ, какъ госпожа Леонарда убѣждала тебя въ

подземельѣ къ терпѣнію. Онъ увѣрялъ меня, что я должна благодарить тѣхъ людей, которые заключили меня въ это мѣсто, и что они оказали мнѣ великую услугу, изхитивъ меня изъ сѣтей демонскихъ. Чистосердечно признаюсь въ моей неблагодарности: я не только не чувствовала себя обязанною тѣмъ, кои сдѣлали мнѣ это одолженіе, но еще всячески ихъ ругала и проклинала.

Восемь дней провела я здѣсь въ совершенномъ отчаяніи, но въ девятый — я считала и самыя минувшія — блеснулъ мнѣ лучъ надежды. Переходя черезъ маленькой

дворъ, встрѣпилась я съ Экономомъ, человѣкомъ, которому все въ домѣ было подвласно; сама Смопрительница ему повиновалась. Онъ не отдавалъ отчета въ своихъ дѣлахъ никому, кромѣ Коррежидора, отъ котораго единственно зависѣлъ, и который имѣлъ къ нему полную довѣренность. Его звали Педро Зендоно; родомъ былъ онъ изъ мѣстечка Салседона, въ Бискаіи. Представъ себѣ высокаго, блѣднаго, сухощаваго человѣка, съ самою гнусною и лукавою образиною. Едва удостоивалъ онъ заключенницъ своего взгляду. Ты никогда не ви-

дывалъ такой лицемѣрной хари, хотя и жилъ въ Архіерейскомъ домѣ.

И такъ я встрѣпилась, продолжала она, съ господиномъ Зендоно, который, остановивъ меня, сказалъ: „Не печалься, дочь моя; несчастіе твое меня пронуло.“— Только опъ него я и слышала; онъ пошелъ своей дорогой, оставивъ меня на свободѣ размышлять о лаконическомъ его изреченіи. Сочтя его, по простотѣ моей, за честнаго человека, подумала я, будто онъ принялъ на себя трудъ изслѣдовать причины моего заключенія, и не нашедъ меня слишкомъ

виновною, хотѣлъ попросить
 обо мнѣ Коррежидора. Я не
 знала Бискайца. У него было
 совсемъ другое намѣреніе.
 Онъ располагалъ въ умѣ планъ
 путешествія, о которомъ
 нѣсколько дней спустя объя-
 вилъ мнѣ за тайну — „Лю-
 безная Лаура, сказалъ онъ
 мнѣ, я сколько сожалею о
 своемъ несчастіи, что рѣ-
 шился, во что бы ни стало,
 тебя отъ него избавить.
 Знаю, что могу чрезъ это
 погибнуть; но не въ силахъ
 уже владѣть самъ собою. На-
 дѣюсь завтра же освободить
 тебя и уѣхать вмѣстѣ съ
 тобою въ Мадридъ.“

Чуть было съ радости не лишилась я чувствъ, и благодарила опо всего сердца Зендоно, который, услышавъ, что я ничего столько не желаю, какъ уйти, на другой же день увезъ меня въ виду у всѣхъ, и вошъ какимъ образомъ: объявивъ Смотришельницъ, будто имѣетъ приказаніе представить меня Коррежидору, который жилъ тогда въ загородномъ своемъ домѣ, верстахъ въ двухъ отъ Заморы, спокойно сѣлъ онъ со мною въ почтовую коляску, заложенную двумя добрыми мулами, нарочно имъ для того купленными. Съ нами былъ одинъ только слуга,

который занималъ мѣсто кучера , и на котораго Экономъ могъ совершенно во всемъ положиться. Мы поскакали не по дорогѣ къ Мадрипу, какъ я воображала, а къ границамъ Португалліи, куда пріѣхали гораздо прежде, нежели Заморской Коррежидоръ узналъ о нашемъ побѣгѣ , и послалъ за нами погоню.

Не въѣзжая въ Браганцу , Бискаецъ переодѣлъ меня въ мужское платье , которымъ запасся еще до нашего отъѣзда ; и когда остановились мы отдохнувъ въ шракширѣ, сказалъ мнѣ: „Прекрасная Лаура , не сердись на меня ,

что я завезъ тебя въ Пор-
 тугаллію. Заморской Корре-
 жидоръ велишъ насъ искашъ
 въ нашемъ отечесствѣ, какъ
 двухъ преступниковъ, кото-
 рымъ Испанія не должна
 дать убѣжища. Но, приба-
 вилъ онъ, въ чужомъ Госу-
 дарствѣ мы можемъ укрыть-
 ся отъ его поисковъ: мы бу-
 демъ тамъ въ бóльшей без-
 опасности, чѣмъ въ нашей
 землѣ. Послѣдуй за человѣ-
 комъ, который тебя обо-
 жаешъ. Поѣдемъ жить въ
 Коимбру: тамъ опредѣлюсь
 я Шпіономъ при Инквизиціи,
 и, подъ сѣнію эшаго спраш-
 наго Судилища, проведемъ
 дни наши въ мирныхъ удо-
 вольствіяхъ.“—

Столь скорое предложеніе
дало мнѣ знать, что я имѣ-
ла дѣло съ такимъ кавале-
ромъ, который не любитъ
сопутствованіе Принцессамъ
для одной рыцарской славы.
Я видѣла, что онъ очень
много полагался на мою бла-
годарность, а еще болѣе на
мою бѣдность. Не смотря на
то и на другое, съ гордостью
опровергла я его предложеніе.
Двѣ важныя причины побу-
ждали меня быть непреклон-
ною: я не чувствовала ни-
малѣйшей къ нему склонно-
сти, и не почиала его бо-
гатымъ. Но, когда приampo-
ричномъ приступѣ далъ онъ
обѣщаніе на мнѣ женишься,

и показалъ, сколько собралъ крохъ во время исправленія Экономской должности—тогда, не пошаю, начала я слушать его съ бóльшею прошивъ прежняго благосклонностію. Золото и дорогіе каменья, которыми блеснулъ онъ передо мною, ослѣпили меня, и я узнала собственнымъ опытомъ, что корысть дѣлаетъ такія же точно превращенія, какъ и любовь. Бискаецъ мой мало по малу становился въ глазахъ моихъ другимъ человѣкомъ: его исполинской росшъ и сухое шѣло начали казаться мнѣ тонкою и складною шаліей; а блѣдный цвѣтъ лица — нѣж-

нымъ , бѣлымъ ; даже лице-
мѣрный видъ его не произ-
водилъ во мнѣ отвращенія.
Тогда безъ всякаго прекосло-
вія приняла я руку его: онъ
поклялся Небомъ хранишь не-
нарушимо союзъ нашъ. Мы
опяшь пустились въ путь ,
и Коимбра увидѣла вскорѣ
новую чешу въ спѣнахъ сво-
ихъ.

Мужъ мой накупилъ мнѣ
довольно хорошаго плащя, и
подарилъ немало брильян-
товъ, между которыми узна-
ла я и перстень Дона Фе-
ликса Мальдонадо. Не пруд-
но мнѣ было угадать, откуда
взялись всѣ эти дорогіе
каменья, и при томъ увѣришь-

ся, что я вышла замужъ не за строгаго наблюдашеля осьмой заповѣди. Но, почитая себя первою причиною такого его поползновенія, охотно ему прощала. Женщина извиняетъ и самыя худыя дѣла, когда красота ея подаетъ къ нимъ поводъ.

Первые два или три мѣсяца была я довольна своимъ мужемъ. Онъ угождалъ мнѣ во всемъ, и, казалось, любилъ меня нѣжно; но знаки его ко мнѣ дружбы были только притворные: бездѣльникъ меня обманывалъ. Въ одно утро, возвращаясь изъ церкви, нашла я на кварширѣ однѣ голыя сѣны; мебе-

ли, и даже собственныя мои вещи, все было унесено. Зендоно и достойный слуга его приняли такія вѣрныя мѣры, что менѣе, нежели въ часъ, опустошили совершенно весь домъ: у меня осталось одно плащье, которое въ томъ день надѣла, и перстень Дона Феликса, который по счастію былъ у меня на рукѣ. Подобно Аріаднѣ оставлена я была неблагодарнымъ, только не въ пустынь, а въ пустыхъ комнахъ. Однако, увѣряю тебя, не думала оплакивать моего несчастья, а благодарила еще Небо, что оно освободило меня отъ злодѣя, который рано или поз-

до могъ бы попасться въ
руки Правосудія. Проведен-
ное съ нимъ время почи-
ла я потеряннымъ, и мнѣ
хотѣлось, какъ можно ско-
рѣе, вознаградить оное. Если
бы я вздумала оспашься въ
Поршугалліи, и вступишь въ
услуженіе къ какой нибудь
знашной госпожѣ, то конечно
бы въ этомъ успѣла; но,
по привязанности ли къ ро-
динѣ, или по предопредѣле-
нію судьбы, которая гопо-
вила мнѣ лучшую участь, я
только и помышляла о томъ,
какъ бы возвратиться въ
Испанію. Ошнесла къ Ювели-
ру свой перстень, взяла за
него настоящую цѣну чер-

вонцами, и отправилась съ одною пожилою Испанкою, которая ѣхала въ Севиллу въ почтовой коляскѣ.

Эта дама, по имени Дорошея, посѣтивъ одну изъ своихъ родственниковъ, жившую въ Коимбрѣ, возвращалась въ Севиллу, гдѣ имѣла всегдашнѣе свое мѣстопробываніе. По сходству нашихъ нравовъ, мы съ перваго же дня полюбили другъ друга; и дружба наша въ дорогѣ утвердилась до того, что Дорошея, по пріѣздѣ нашемъ въ Севиллу, принудила меня остановиться въ ея домѣ. Я не имѣла причины раскаяваться, что свела такое

знакомство: никогда не удавалось мнѣ видѣть женщины лучшихъ качествъ. По чертамъ лица ея и по живоспи глазъ можно было заключать, что въ молодости своей не имѣла она недостатка въ обожашеляхъ. Дорошея вдова не въ первый уже разъ. Она лишилась нѣсколькихъ мужей, которые всѣ были благороднаго происхожденія, и оставшимися послѣ нихъ на часть ея доходами могла жить безъ всякой нужды.

Между прочими превосходными качествами, имѣла она и шу добродѣтель, что была очень сострадашельна къ несчастнымъ обольщеннымъ дѣ-

вущкамъ. Когда я разсказала ей мои приключенія, то она приняла столь большое участіе въ моемъ положеніи, что осыпала тысячью проклятіями Зендоно. — „Негодные мущины! — вскричала Доротея такимъ тономъ, по которому легко я могла догадаться, что и она нѣкогда имѣла дѣло съ человѣкомъ столь же совѣстнымъ, каковъ былъ мой Экономъ. — „Есть же на свѣтѣ бездѣльники, которые почидаютъ забавою обманывать женщинъ! Одно еще утѣшаетъ меня, моя милая, продолжала она, что ты, какъ вижу изъ словъ твоихъ, совсемъ раз-

вязалась съ вѣроломнымъ Бискайцомъ . Конечно замужство твое съ нимъ хорошо съ одной стороны потому , что служишь къ твоему извиненію ; но съ другой оно такъ дурно , что позволяетъ тебѣ искашь лучшаго , когда предскажешь къ тому случай . “ —

Всякой день ходила я съ Дорошеею въ церковь , или посѣщала съ ней вмѣстѣ ея пріятельницъ ; а это было вѣрнымъ способомъ къ возобновленію любовныхъ приключеній . Я тотчасъ обратила на себя взоры многихъ молодыхъ кавалеровъ . Нѣкоторые изъ нихъ хотѣли ис-

пышались свое счастіе: забѣ-
гали къ моей старой хозяй-
кѣ; но одни не имѣли доволь-
но доспашка для поддержа-
нія брачнаго соспоянія, а
другіе не достигли еще со-
вершеннолѣтія; что и за-
прещало мнѣ принимать ихъ
предложенія. Однажды взду-
малось намъ съ Дорошеей по-
смотръѣшь Севильскихъ ак-
теровъ. Объявлено было о
предсшавленіи комедіи Ло-
пеца де Вега Карпіо: *Послан-
никъ отъ самаго себя* *).

Между актрисами, пока-
завшимися на сценѣ, увидѣла

---

*) La famosa Comedia: *El Embaxador
de Si-mismo.*

я одну изъ старинныхъ своихъ подругъ, Феницію, шу полную и веселую дѣвушку, которая, помнишь, была горничной у Флоримонды—шмы ужиналъ иногда съ нею въ домъ у Арсеніи. Я знала, что болѣе двухъ лѣтъ Фениціи не было въ Мадридѣ, но не знала, что она сдѣлалась актрисою. Мнѣ ужасно хотѣлось съ нею поговорить; отъ чего комедія показалась мнѣ чрезвычайно длинною. А можетъ спастись, причиною этому были и тѣ, которые ее представляли: въ игрѣ ихъ не нашла я ни сколько хорошаго, ни сколько худаго, что могло

бы меня позабавишь. При-
знаюсь тебѣ, я великая охот-
ница похихотать: самый
дурный актеръ не менѣе до-
составляетъ мнѣ удовольствія,
какъ и превосходный.

Напоследокъ ожиданіе мое
исполнилось, то есть, *la fa-
tosa Comedia* кончилась, и
мы пошли со вдовою за ку-
лисы, гдѣ увидѣли, какъ Фе-
ниція, жеманясь, слушала
нѣжное пѣніе красиваго пше-
ника, котораго, по видимому,
заманила въ сѣти своею и-
грою. Лишь только она узна-
ла меня, какъ оставивъ съ
улыбкою подлипалу, броси-
лась ко мнѣ съ распростер-
тыми объятіями и обласкала

меня, какъ нельзя болѣе. Мы изъявили взаимную радость, что увидѣлись другъ съ другомъ; но какъ ни время, ни мѣсто не дозволяли намъ подробно обо всемъ перегово-
ришь, но и согласились, что-бы на другой день я пришла къ ней для дальнѣйшихъ объ-ясненій.

Охота говорить есть одна изъ живѣйшихъ страстей женскихъ. Я не могла во всю ночь сомкнуть глазъ ни на минуточку; столь велико было мое желаніе сразиться на словахъ съ Фениціею! Можно себѣ представить, съ какою поспѣшностію я встала и пошла въ назначенное для

свиданія мѣсто. Она жила въ большемъ наемномъ домѣ со всѣми прочими акшерами. При входѣ туда попалась мнѣ служанка.— „Гдѣ комната Фениціи?“ спросила я ее.— Она ввела меня въ большой коридоръ, въ которомъ было десять или двѣнадцать каморокъ, отдѣлявшихся одна отъ другой деревянными перегородками. Проводница моя постучалась у одной двери, и Фениція, у которой языкъ чесался столько же, какъ у меня, сама отворила мнѣ. Лишь только мы сѣли, какъ слова полились у насъ рѣкою: намъ хотѣлось узнать другъ отъ друга о столь

многихъ вещахъ, что вопросы и отвѣсы попеременно слѣдовали съ удивительною скоростью.

Послѣ того, какъ рассказали мы одна другой свои приключенія, и узнали взаимно о настоящемъ положеніи дѣлъ нашихъ, Фениція спросила меня, на что я думаю рѣшиться?— Я отвѣчала, что, въ ожиданіи лучшаго, намѣрена идти въ услуженіе къ какой нибудь знатной госпожѣ.— „Какой вздоръ!— вскричала моя подруга — не съ ума ли ты сошла? Не ужь ли служба тебѣ еще не надѣла? Не ужь ли въ самомъ дѣлѣ пріятно тебѣ зависѣть

во всемъ опіѣ воли другихъ, угождать всякимъ причудамъ, слышать безпрестанно выговоры, брань; словомъ, бытъ совершенной невольницей? Почему ты не вступишь на театръ, какъ сдѣлала я? Нѣтъ ничего лучше для людей умныхъ, но бѣдныхъ и незнающихъ. Это состояніе есть среднее между дворянскимъ и мѣщанскимъ, состояніе свободное, неподверженное скучнымъ пристойностямъ общества. Мы получаемъ доходы чистыми деньгами съ капитала, который находится въ рукахъ публики. Живемъ всегда весело, и что ни достаемъ, все издерживаемъ для своего удовольствія.“

„Театръ, продолжала она, выгоденъ особливо для женщинъ. Не могу вспомнить безъ стыда, что, когда я жила у Флоримонды, то принуждена была слушать любовныя объясненія отъ однихъ только прислужниковъ Принцесы пружпы; а порядочные люди не обращали на меня никакого вниманія. Отъ чего это? Конечно отъ того, что я была не на виду. Самая лучшая картина не поражаетъ ни чьихъ взоровъ, когда стоитъ не на своемъ мѣстѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ я на своемъ пьедесталѣ, то есть, на театрѣ, какая переменна! Во всѣхъ городахъ,

гдѣ мы ни бываемъ, знатные молодые люди не дають мнѣ проходу. И такъ актриса находишь въ ремеслѣ своемъ много пріятностей. Когда она умна, то есть, когда держится одного любовника, то превозносятъ ее до небесъ, восхищаются ея постоянствомъ; а когда перемѣняетъ любовника, то почтишають ее, такъ сказать, за вдову, которая опять выходитъ замужъ. Настоящую вдову, когда она вступаетъ въ третій бракъ, всѣ почти осуждаютъ и презираютъ: напротивъ того наша сеспіра чѣмъ болѣе имѣла любовниковъ, тѣмъ болѣе привае-

каешь къ себѣ новыхъ обожателей. Молодая и ловкая актриса, послѣ сощни любовныхъ связей, все еще есть самой лакомой кусочикъ для знатныхъ господъ.“—

—Кому ты говоришь это?— прервала я рѣчь ея; не ужь ли думаешь, что не извѣстны мнѣ всѣ эти выгоды? Право я не такъ глупа, чтобы добровольно отъ нихъ отказалась. Чувствую склонность къ театру; но этого не довольно: нужно дарованіе, а у меня его нѣтъ. Я декламировала иногда передъ Арсеніей нѣкоторыя мѣста изъ драматическихъ піесъ; однако она не была мною до-

вольна, и это отвратило меня отъ декламаціи.— „Вольно тебѣ было ей повѣрить!“ возразила Фениція. „Развѣ не знаешь, что вошедшія въ славу актрисы всегда бываютъ завистливы? Не смотря на свое щеславіе, онѣ опасаются, чтобъ другія не помрачили ихъ достоинства. Словомъ, я не вѣрю Арсеніи: ты сама знаешь, какъ во всемъ она была искренна и откровенна. Скажу тебѣ безъ ласкашельства, что ты родилась для театра; въ тебѣ нѣтъ ничего принужденнаго: ухватки твои натуральны и пріятны, голосъ плѣнителенъ, грудь прекрасная; а личико....

Ахъ , плушовка ! сколько будетъ у тебя любовниковъ , когда вступишь въ наше общество!“—

Много еще кое-чего наговорила она для моего убѣжденія, и заставила меня декламировать нѣсколько стиховъ. Послѣ сего испытанія Фениція еще болѣе восхищалась мною: осыпала меня похвалами, и превознесла выше всѣхъ актрисъ въ Мадридѣ. Тогда непростительно бы уже мнѣ было усумниться въ моемъ достоинствѣ: рѣшено, что Арсенія завислива и несправедлива. На ту пору какъ нарочно пришли къ Фе-

ниціи двое актеровъ; она принудила меня повпорить предъ ними продекламированные мною стихи; актеры также поражены были моимъ искусствомъ и льстили мнѣ безъ мѣры. Хотя бы всѣ трое ударились объ закладъ, кто изъ нихъ больше разхвалилъ меня, то и тогда не выдумали бы спранныйшихъ иперболъ. Скромность моя не могла устоять противъ такого искушенія. Я начала вѣрить, что не имѣю недостатка въ дарованіи, и устремила всѣ свои мысли къ театру.

„Ну, любезная Фениція, сказала я, дѣло кончено: по-

слѣдую по моему совѣту, вступи-
 лю въ вашу труппу, если
 согласятся принять меня.“
 Тутъ подруга моя обняла
 меня, вѣвъ себя отъ радости,
 и оба актера, казалось, столь-
 ко же, какъ и она, восхища-
 лись, услыша о моемъ намѣ-
 реніи. Мы уговорились, чтобъ
 я на другой день по утру
 пришла въ театръ, и пока-
 зала предъ собраніемъ всѣхъ
 актеровъ опытъ моего иску-
 сства въ декламаціи. Ежели,
 въ бытность мою у Фени-
 ции, подала я выгодное о се-
 бѣ мнѣніе, то здѣсь всѣ ак-
 теры изъявили мнѣ еще боль-
 шую благосклонность, когда
 продекламировала я предъ

ними десяпка два стиховъ. Съ радоспію приняли они меня въ свое общество; послѣ чего занялась я моимъ дебютомъ. Чѣмъ придавъ ему какъ можно болѣе блеску, истрапила я всѣ деньги, оставшіяся отъ продажи моего перстня; а чего недоставало къ великолѣпію моего наряда, то умѣла я дополнить, прибѣгнувъ къ пособію изящнаго вкуса.

Наконецъ явилась я въ первый разъ на сцену. Какія рукоплесканія! Какія похвалы! Мало еще, другъ мой, если скажу тебѣ, что привела зрителей въ восхищеніе. Надобно быть свидѣтелемъ шу-

му, какого надѣлала я въ Севиллѣ, чшобы тому повѣришь. Обо мнѣ только одной и говорили въ городѣ. Цѣлая три недѣли народъ толпами собирался въ театръ, такъ, что шруппа эшою новостью приманила опять публику, которая начинала было уже оставлять наши спектакли. Игра моя всѣхъ плѣнила. Такой удачный дебютъ значилъ поже, какъ бы я торжественно объявила, что буду принадлежать тому, кто дастъ болѣе. Около двадцати кавалеровъ всякаго разбора наперерывъ предлагали мнѣ свои услуги. Если бы я хотѣла слѣдовать моею

склонности, то конечно выбрала бы самого молодого и самого пригожаго; но должно смотрѣть на однѣ только выгоды, когда желаешь сдѣлать себѣ, какъ говоришся, состояніе: таково правило театральныя героини. По сей-то причинѣ предпочла я другимъ Дона Амброзіо де Низана, человекъ уже старого и безобразнаго, но богатаго, щедраго и одного изъ сильнѣйшихъ вельможъ въ Андалузіи. Правду сказать, не дешево я ему доспалась: онъ нанялъ для меня прекрасный домъ, убралъ его великолѣпно, далъ мнѣ хорошаго повара, двухъ лакеевъ,

горничную, и опредѣлилъ на расходы мои по тысячѣ червонныхъ въ мѣсяцъ. Прибавь еще къ тому богатые плашья и множество дорогихъ камней.

Какая перемѣна въ моемъ счастіи! Я не могла перенести ее равнодушно и не узнавала сама себя. Не дивлюсь теперь, что наши сестры забываютъ въ короткое время ту ничтожность и нищету, изъ которыхъ извлечены глупостію знашнаго господина. Признаюсь тебѣ чистосердечно: рукоплесканія публики, лестные обо всѣхъ отзывы и любовь Дона Амброзіо сдѣлали меня шще-

славною до безумія. Дарованіе мое казалось мнѣ шипіломъ благородства: я приняла на себя видъ знашной госпожи, и начавъ сполько же дорожить приманчивыми взглядами, сколько распочала ихъ прежде, рѣшилась не останавливать взоровъ своихъ ни на комъ, кромѣ Герцоговъ, Графовъ, или, по крайней мѣрѣ, Маркизовъ.

Господинъ де Низана ужиналъ у меня всякой вечеръ съ нѣкоторыми изъ своихъ пріятелей. Я, съ своей стороны, приглашала самыхъ веселыхъ изъ подругъ моихъ, и мы проводили большую часть ночей въ смѣхѣ и пишѣ.

Мнѣ очень нравилась такая пріятная жизнь, но она продолжалась только полгода. Знашныя господа очень непостоянны; а безъ того были бы самыя любезныя люди. Донъ Амброзіо бросилъ меня для одной молодой Гренадской кокетки, которая пріѣхала въ Севиллу съ прелестями и искусствомъ употреблять ихъ въ свою пользу. Я однако тужила объ этомъ не долѣе сутокъ. Выбрала на его мѣсто молодаго двадцати двухъ лѣтъ кавалера, Дона Людовика Алкацера, съ которымъ немногіе изъ Испанцевъ могли сравниться въ красотѣ.

Ты конечно спросишь меня, да и не безъ причины, для чего выбрала я себѣ въ любовники такого молодого господина, зная, какія могли произойти отъ сего послѣдствія. Но, кромѣ того, что Донъ Людовикъ не имѣлъ ни отца, ни матери, и распоряжалъ самъ своимъ имѣніемъ, я скажу тебѣ, что подобныя послѣдствія опасны только для дѣвокъ рабскаго, или неизвѣстнаго состоянія. Женщины же нашего ремесла лица привилегированныя: мы не отвѣчаемъ за дѣйствія нашихъ прелестей; имѣмъ хуже для фамилій, которыхъ

наслѣдники для насъ разоря-
ются.

Мы, то есть, Алкацеръ и
я, такъ пристрастились
другъ къ другу, что, казалось,
взаимно были обворожены.
Тѣ, кои знали связь нашу,
почишали насъ счастливей-
шими любовниками; а мы
были, можетъ быть, самые
несчастливые. Донъ Людовикъ
былъ совершенный красавецъ;
но за то такъ ревнивъ, что
безпрестанно мучилъ меня
несправедливыми подозрѣні-
ями; мнѣ нимало не помогало
и то, что я, угождая его
слабости, остерегалась даже
смотрѣть на мужчинъ: не-
довѣрчивость его, находя во

мнѣ всегда проступки, дѣла-
ла осторожность мою без-
полезною. Въ самые нѣжные
наши разговоры вмѣшивались
бранные упреки. Не стало
средства выносить долѣе;
мы оба вышли изъ терпѣнія,
и дружелюбно расстались.
Повѣришь ли ты, что день,
въ который оставили мы
навсегда другъ друга, былъ
для насъ самый пріятнѣйшій?
Упомясь ошъ прешерпѣнныхъ
нами страданій, не могли
мы скрыть при прощаньѣ
взаимной нашей радости: мы
походили на двухъ жалкихъ
невольниковъ, которые по-
слѣ жестокаго рабства полу-
чаютъ свободу.

Послѣ этого приключенія я чрезвычайно осперегаюсь любви, и не намѣрена вступать въ такія связи, которыя могли бы нарушить мое спокойствіе. Намъ актрисамъ не годится вздыхать, какъ вздыхаютъ другія: мы сами не должны чувствовашь той страсти, которую осмѣиваемъ передъ публикою.

Между тѣмъ молва обо мнѣ не умолкала; она разглашала повсюду, что я неподражаемая актриса. Повѣря этой богинѣ, Гренадскіе актеры пригласили меня вступить въ ихъ труппу; а чтобы я не отвергла ихъ предложенія, прислали мнѣ

счетомъ своимъ ежедневнымъ
 приходамъ и расходамъ, изъ
 котораго я увидѣла, что оно
 для меня очень выгодно. И
 такъ я рѣшилась, хотя мнѣ
 и жаль было, расстаться съ
 Фениціею и Доротеею, ко-
 торыхъ сполько любила,
 сколько женщина можетъ
 любить другихъ женщинъ.
 Первая осталась въ Севиллѣ
 помогать въ расплавкѣ се-
 ребренной посуды одному
 купчику, который торговалъ
 ею и которому, изъ тщес-
 лавія, захопѣлось имѣть лю-
 бовницейю актрису. Я и за-
 была сказать тебѣ, что при
 вступленіи на театръ взду-
 малось мнѣ, вмѣсто настоя-

щаго своего имени, назваться Эстеллою; и подъ эпимъ названіемъ опшравилась я въ Гренаду.

Я появилась тамъ на сцену съ такимъ же счастьемъ, какъ и въ Севиллѣ, и пошчасъ увидѣла около себя множество вздыхателей; но, желая вступишь только въ выгодныя связи, вела себя очень осторожно, и пустила всѣмъ пыль въ глаза. Однакожь, чтобъ не потерпѣть опъ такой безполезной и неспродной мнѣ жестокости, рѣшилась было я осчастливишь одного молодого Оидора *) изъ

---

*) Оидоръ, городской судья.

мѣщанъ, котораго, по его должности, открытому столу и хорошему экипажу можно было счесть за настоящего господина, какъ увидѣла въ первый разъ Маркиза де Маріальву. Этого Португальской дворянинъ, путешествуя изъ любопытства въ Испаніи, остановился пожить нѣсколько времени въ Гренадѣ. Онъ пришелъ къ намъ въ Комедию. Въ этотъ день я не играла. Онъ смотрѣлъ со вниманіемъ на всѣхъ актрисъ, которыя представлялись его взорамъ; нашелъ одну по своему вкусу, и на другой же день, познакомясь съ ней, только что хотѣлъ

заклучить торгъ, какъ явилась я на театрѣ. Видъ мой и уловки въ одинъ мигъ все перемѣнили; Португалецъ влюбился въ меня по уши. Надобно сказать правду: я знала, что подруга моя понравилась этому господину, а потому не щадила ничего, чтобъ у нее перехватить его; и мнѣ удалось это. Знаю, что она на меня сердится; да какая мнѣ нужда? Ей должно бы было разсудить, что между женщинами это дѣло очень обыкновенное: въ такихъ случаяхъ и лучшія пріятельницы ни мало не совѣщаются другъ передъ другомъ.

ГЛАВА VIII.

*Какъ приняла Жилблаза
Гренадскіе актеры, и съ
какимъ старымъ знаком-
цемъ встрѣтился онъ въ
театрѣ за кулисами.*

Въ ту самую минуту, какъ
Лаура окончила свою исто-
рію, пришла къ ней старая
актриса звать ее съ собою
въ Комедію. Эша почтенная
театральная героиня могла
бы очень удачно предста-
влять богиню Кофису. Се-
стрица моя опрекомендова-
ла меня этой обветшалой
фигуръ, и шутъ пошли у насъ
съ обѣихъ сторонъ компли-
менты.

Я оставилъ ихъ , сказавъ вдовѣ Эконома , что увижусь съ нею въ театрѣ , какъ только опнесу мои пожилки къ Маркизу де Маріальвѣ , котораго домъ она мнѣ описала. Сперва пошелъ я на свою кварширу , а опшуда , распла- тясь съ хозяйкой , въ боль- шой постоялой домъ , гдѣ жилъ новый мой господинъ ; наемной слуга несъ за мною мой чемоданъ. Человѣкъ , по- павшійся мнѣ въ самыхъ во- ротахъ , вспрѣшилъ меня во- просомъ , не брашецъ ли я госпожи Эстеллы ? Я опвѣ- чалъ , что такъ точно. — „Милости просимъ , господинъ кавалеръ ! — сказалъ онъ съ

учтивостью. Маркизь де Маріальва, у котораго я имѣю честь быть управителемъ, приказалъ мнѣ принять васъ какъ можно лучше. Для васъ приготовлена и комната; когда угодно, я васъ туда провожу.“— Онъ зашащилъ меня почти подъ самую крышку, и ввелъ въ такую каморку, въ которой узенькая кровать, шкафъ и два стула едва помѣщались. Это была моя горница.— „Вамъ будетъ здѣсь не такъ-то просторно, сказалъ провожатой; но за то въ Лиссабонѣ, могу васъ увѣришь, будете имѣть великолѣпные покои.“— Я заперъ чемоданъ въ шкафъ, и взялъ

къ себѣ ключъ. Потомъ спросилъ, въ какомъ часу у нихъ ужинають? Управитель отвѣчалъ, что Португальской господинъ не держитъ стола дома, а даетъ помѣсячно каждому служившему харчевыя деньги. Сдѣлавъ ему еще нѣсколько вопросовъ, узнавъ, что слуги Маркизовы были счастливые пунейдцы. Поговоривъ немного съ управителемъ, оставилъ я его и пошелъ къ Лаурѣ, размышляя съ удовольствіемъ о будущемъ моемъ положеніи.

Лишь только приблизился я къ дверямъ театра и сказался братомъ Эшеллы, какъ всюду для меня открылся

входъ. Всѣ оспанавливались, давали мнѣ дорогу, какъ знаменитому Гренадскому вельможѣ. Всѣ собиратели марокъ и конпрмарокъ, всѣ служители, встрѣчавшіеся со мною, дѣлали мнѣ пренизкіе поклоны. Желалъ бы я описатьъ, какъ можно лучше, чисташелю важный и комическій пріемъ, сдѣланный мнѣ за кулисами, гдѣ нашель я всю труппу одѣшную и въ готовності уже начинашь піэсу. Актеры и актрисы, копорымъ представила меня Лаура, со всѣхъ сторонъ меня окружили. Мущины чуть не задушили меня въ своихъ объятіяхъ; а женщины, при-

кладывая и люминированные лица свои къ моему лицу, вымарали его красною и бѣлою краскою. Одинъ передъ другимъ спѣшилъ сдѣлать мнѣ привѣтствіе, и всѣ говорили вдругъ. Я не успѣвалъ отвѣчать; но, къ счастью, сестрица моя пришла ко мнѣ на помощь; проворной язычокъ ея не оставилъ меня ни у кого въ долгу.

Не съ одними только актерами и актрисами имѣлъ я шутъ дѣло: надобно мнѣ было еще выслушать разныхъ учтивости отъ театральнаго машиниста, музыкантовъ, суфлёра, снимателя со свѣчь, его помощника, наконецъ ото

всѣхъ служителей, копорые сбѣжались смопрѣшь меня. Казалось, будто всѣ они были подкидыши, копорые никогда еще не видывали брата.

Между тѣмъ началось представленіе. Бывшіе изъ постороннихъ за кулисами побѣжали на свои мѣста; а я, какъ госпъ, продолжалъ разговаривать съ актерами, копорые не вышли еще на сцену. Одного изъ нихъ называли при мнѣ Мельхіоромъ. Это имя меня поразило. Я посмопрѣлъ пристально въ лице сему чловѣку; и мнѣ показалось, что гдѣ-то его видѣлъ. Наконецъ вспомнилъ,

и узналъ въ немъ Мельхіора Цапаху, того бѣднаго деревенскаго актера, кошорый, какъ сказано во второй части моей исторіи, обмакивалъ въ водоемъ сухія корки хлѣба.

Я потчасъ опвелъ его на сторону, и сказалъ ему: „Конечно вы потъ самый господинъ Мельхіоръ, съ копорымъ я имѣлъ честь нѣкогда завпракашъ у водоема, между Валладолидомъ и Сеговіею. Со мной былъ тогда цырюльникъ. У насъ было нѣсколько съѣстныхъ припасовъ, которые присоединивъ къ вашимъ, составили мы всѣ ирое маленькой веселой

пирь .“— Цапаша , подумавъ
немного , опвѣчалъ мнѣ:—Вы
говорише о такомъ дѣлѣ , о
кошпоромъ не шрудно мнѣ
вспомнить. Тогда , показавъ
небольшой опытъ моего иску-
ства въ Мадридѣ , возвра-
щался я въ Заморю. Не поза-
былъ также , что дѣла мои
были въ худомъ состояніи.—
„Эпо и мнѣ очень памятно,
подхвaтилъ я: на васъ былъ
тогда камзолъ , подбитый
театральными афишками;
вы жаловались на излишнее
цѣломудріе вашей супруги....“
О! теперь я на нее не жа-
луюсь , прервалъ рѣчь мою
Цапаша. Слава Богу! она ис-
правилась; пошому-шо и подѣ

камзолѣ у меня подкладка
лучше.—

Лишь только хотѣлъ я его
поздравить съ такою сча-
стливою переменѣю, какъ онъ
принужденъ былъ оставить
меня, и выйти на сцену. Лю-
бопытствуя знать жену его,
просилъ я одного изъ акте-
ровъ указать мнѣ ее. Онъ
исполнилъ мою просьбу и
сказалъ: „вотъ она; ее зовутъ
Нарциссою; послѣ вашей се-
стрицы она у насъ первая
красавица.“—Я подумалъ, что
это должна быть та самая
актриса, въ которую влю-
бился Маркизъ де Маріальва,
не видавъ еще Эстеллы; и
не обманулся.

По окончаніи піэсы, проводилъ я Лауру домой, и увидѣлъ тамъ множество поваровъ, которые готовили огромной ужинъ.—„Ты можешь оспаться здѣсь“—сказала она мнѣ.— Какъ это можно? отвѣчалъ я; Маркизу, конечно, будетъ гораздо пріятнѣе ужина съ побою одному.—„О! нѣтъ; онъ придетъ сюда съ двумя своими пріятелями и однимъ изъ нашихъ актеровъ; останься, такъ будетъ насъ шестеро. Развѣ ты не знаешь, что у актрисъ секретари имѣютъ право садиться за столъ вмѣстѣ со своими господами?“—Правда; но не слишкомъ ли рано мнѣ

поставить себя на степенъ
эпихъ любимцевъ — секретарей? Надобно прежде заслужить это почетное право исполненіемъ какого нибудь важнаго порученія.—Поговоривъ такимъ образомъ, вышелъ я отъ Лауры, и побрелъ въ свой практиръ, куда положилъ ходить всякой день, за неимѣніемъ спола въ домъ моего господина.

ГЛАВА IX.

Сѣ какимѣ необыкновен-
нымѣ теломѣкомѣужиналѣ
Жилблалѣ въ этотѣ ве-
терѣ; и то между ними
происходило.

Я замѣшилѣ въ споловой
спарика, который одеждою
своею походилѣ на монаха;
онѣ ужиналѣ одинѣ, сидя въ
углу. Мнѣ вздумалось, изѣ
любопытства, сѣсть напро-
тивѣ его. Я поклонился ему
учтиво; онѣ ошпашилѣ мнѣ
тѣмѣ же. Принесли мнѣ пор-
цію; я началѣ ѣсть, не го-
воря ни слова, а между тѣмѣ
время отѣ времени посма-

привалъ на незнакомца, копорый глазъ съ меня не спускалъ. Наконецъ, видя, что онъ не перестаетъ пристально смотрѣть на меня, вышелъ я изъ терпѣнія, и спросилъ его: „Преподобный отецъ, не видались ли мы гдѣ нибудь прежде? Вы смотрите на меня, какъ на человека, не вовсе вамъ незнакомаго.“—

Онъ отвѣчалъ мнѣ съ важностью: „Я смотрю на васъ такъ пристально потому, что вижу на лицѣ вашемъ удивительное разнообразіе приключеній.“— Изъ эпаго заключить можно, сказалъ я съ насмѣшкою, что Ваше

Преподобіе занимаетесь *Метопоскопією* *).—, Могу похвалиться, что знаю ее совершенно, и дѣлалъ такія предсказанія, которыя сбывались на самомъ дѣлѣ. Не менѣе искусень я и въ *Хиroman-tiи* **), и смѣю увѣришь, что предвѣщанія мои не ложны, когда соображу чершы руки съ чершами лица.“

Хопя эшопъ спарикъ и походилъ съ виду на умнаго челоуѣка, однако увѣренія его показались мнѣ споль глу-

*) Наука познавашъ челоуѣка изъ чершъ лица его.

**) Наука предсказывашъ по чершамъ, находящимся на рукахъ.

пыми, что я не могъ удер-
 жаться отъ смѣху. Вмеѣсто
 того, чтобъ осердился на
 мою невѣжливостъ, онъ толь-
 ко улыбнулся, и продолжалъ
 говорить, окинувъ сперва
 глазами залу, и увѣрясь, что
 никто насъ не подслушиваетъ:
 „Не дивлюсь, видя васъ въ
 такомъ предубѣжденіи про-
 шивъ двухъ наукъ, которыя
 почищаются нынѣ пустыми;
 онѣ пребываютъ долговремен-
 наго и шруднаго занятія, а
 шѣмъ самымъ опнимаютъ
 охоту у всѣхъ ученыхъ, ко-
 торыя осшавляютъ ихъ и
 поносятъ съ досады, что у-
 спѣтъ въ нихъ не могли.
 Чшожь касается до меня, я

не убоюся ни мрака, ко-
 торый покрываетъ ихъ, ни за-
 трудненій, кошорыя непре-
 рывно слѣдуютъ одно за дру-
 гимъ въ изысканіи химиче-
 скихъ таинствъ и въ чуде-
 сной наукѣ превращать ме-
 таллы въ золото.“

„Да я и позабылъ, про-
 должалъ онъ, что говорю съ
 такимъ молодымъ кавалеромъ,
 кошорому слова мои долж-
 ны дѣйствительно показаться
 бреднями. Опытъ моего
 искусства скорѣе заспавитъ
 васъ перемѣнитъ обо мнѣ мы-
 сли.“—Тутъ вынувъ изъ кар-
 мана пузырекъ съ краснова-
 тою жидкостью, сказалъ мнѣ:
 „вотъ элексиръ, составлен-

ный мною сегодня поупру
изъ соковъ нѣкоторыхъ рас-
тѣній. Подобно Демокрипу,
употребилъ я почти всю
жизнь свою на изысканіе
свойствъ правъ и минерал-
ловъ. Судите сами о новомъ
моемъ изобрѣщеніи. Вино, ко-
торое у насъ за споломъ,
очень дурно; посмотрите же,
каково оно будетъ теперь.“
При сихъ словахъ, влилъ онъ
капли двѣ своего элексира въ
мою бутылку, и вино сдѣ-
лалось несравненно вкуснѣе
всѣхъ дорогихъ Испанскихъ
винъ.

Всякое чудо поражаетъ на-
ше воображеніе; и тогда уже
не дѣйствуетъ разсудокъ.

Будучи очарованъ столь великимъ таинствомъ, и полагая, что тошъ, кто открылъ его, долженъ быть мудренѣе самаго дьявола, вскричалъ я въ удивленіи: „О отецъ мой! простите меня великодушно, что я счелъ было васъ сперва за стараго сумазброда. Теперь отдаю вамъ справедливость. Вѣрю, что вы сію же минушу, если захопите, сдѣлаете изъ куска желѣза слишкомъ золоша. Какъ бы я былъ счастливъ, когда бы зналъ это чудесное искусство!“— Сохрани тебя Богъ отъ того!—прервалъ съ тяжелымъ вздохомъ спарикъ. Знаешь ли, сынъ мой, что

ты желаешь себѣ величайшаго несчастія? Не завидуй мнѣ, а лучше пожалѣй, что я употребилъ столько труда для своей пагубы. Я во всегдашнемъ безпокойствѣ боюсь, чшобъ меня не узнали, и чшобы вѣчное заключеніе въ темницу не было наградой за всѣ мои открытія и изобрѣшенія. Въ такомъ опасеніи, веду странническую жизнь, скрываясь, то подъ одеждою священника или монаха, то подъ нарядомъ кавалера, или подъ рубищемъ крестьянина. Къ чему же служить искусство дѣлать золото? И богатство не есть ли истинное наказаніе для

тѣхъ, кошорые не могутъ
имѣ спокойно наслаждаться
ся? —

„Это разсужденіе весьма
основательно, сказалъ я фи-
лософу. Нѣтъ ничего лучше,
какъ жить въ покоѣ. Вы про-
извели во мнѣ отвращеніе
къ философскому камню. Я
желалъ бы только узнать ошъ
васъ о будущей моей уча-
сти.“ — Съ охотою исполню
твое желаніе, сынъ мой. Я
уже разсмотрѣлъ черпы ли-
ца твоего. Теперь покажи
мнѣ руку. — Тутъ подалъ я
ему руку съ такою довѣрен-
ностію, кошорая въ умѣ иныхъ
читателей не много чести
мнѣ сдѣлаешь. Онъ поглядѣлъ

на мою руку съ великимъ вниманіемъ и вскричалъ въ изумленіи: „Ахъ! сколько переходовъ отъ печали къ радости, и отъ радости къ печали! Какая странная смѣсь несчастныхъ и счастливыхъ приключеній! Но ты уже испышалъ бóльшую часть превращеній форшунъ. Немного уже непріятностей остается перенести тебѣ: одинъ знашый господинъ устроитъ судьбу твою такъ, что она не будетъ болѣе подвержена прискорбнымъ переменамъ.“

Обнадеживъ меня, что могу положиться на сіе предсказаніе, онъ простился со

мною , и вышелъ изъ шпакшира ; а я остался шупъ размышлять обо всемъ слышанномъ мною. Я не сомнѣвался, чшобъ Маркизь де Маріальва не былъ шопъ знашный господинъ , о которомъ говорилъ старикъ ; и слѣдовательно, по мнѣнію моему, не было ничего легче , какъ исполненіе предвѣщанія. Да хопя бы я не усмапривалъ нималѣйшей къ шому возможности, шо и въ шакомъ случаѣ не перешалъ бы имѣть полной вѣры къ мнимому монаху. Вошъ какую елать пріобрѣлъ онъ надъ умомъ моимъ посредствомъ своего элексира! Съ моей спо-

роны , для ускоренія пред-
сказаннаго мнѣ благополучія,
положилъ я служишь Марки-
зу съ бóльшимъ усердіемъ ,
чѣмъ служилъ прежнимъ го-
сподамъ. Принявъ такое на-
мѣреніе, пошелъ домой съ не-
изъяснимою радостью: ника-
кая женщина не выходила
въ такомъ удовольствіи отъ
ворожеи.

ГЛАВА X.

Какое порученіе сдѣлалъ Маркизъ де Маріальва Жилблазу, и какииъ образомъ этотъ вѣрный секретарь исполнилъ оное.

Маркизъ не возвратился еще опъ своей актрисы; и я нашелъ въ его покояхъ камердинеровъ, которые, въ ожиданіи господина, играли въ карты. Я познакомился съ ними; мы шутили и смѣялись до двухъ часовъ по полуночи, то есть, до самаго возвращенія Маркиза. Увидя меня, онъ нѣсколько удивился, и сказалъ съ ласко-

вымъ видомъ, по которому я могъ судить, что онъ былъ весьма доволенъ тѣмъ вечеромъ: „Какъ! ты еще не спишь, Жилблазъ?“—Я отвѣчалъ, что хотѣлъ знать напередъ, не будетъ ли мнѣ какого приказанія.—„Можешь быть, подхвашилъ онъ, дамъ тебѣ препорученіе завтра по утру; но и тогда еще успѣемъ съ тобою переговорить. Поди спать, и впередъ по вечерамъ не дожидайся меня; мнѣ нужны въ это время одни только камердинеры.“—

Послѣ такого объявленія, которое было мнѣ очень пріятно, потому что избавляло меня отъ спорогой и скучной

подчиненности, оставилъ я Маркиза въ его комнашѣ, а самъ убрался на свой чердакъ. Легъ на постелю; но не могши заснуть, вздумалъ послѣдовать совѣту Пифагора, который велитъ приводить на память ввечеру то, что мы дѣлали во весь день, и радоваться добрымъ дѣламъ своимъ, а за дурныя охуждать себя.

Я нашелъ совѣсть свою не столь чистою, чтобъ могъ быть доволенъ собою. Прицалъ себя за то, что способствовалъ Лаурѣ въ обманѣ общаго нашего благодѣтеля. Для извиненія своего, сколько ни представлялъ се-

бѣ, что безчеловѣчно было бы
обнаруживъ ложь дѣвушки,
которая имѣла въ виду ока-
зать мнѣ же услугу, и что
слѣдовательно сдѣлался я у-
частникомъ въ ея хитрости
почти по нуждѣ; однакожь и
это извиненіе показалось мнѣ
не совсемъ достапочнымъ.
Не должно мнѣ по крайней
мѣрѣ, думать я, простираеть
далѣе начашаго бездѣльниче-
ства: иначе съ моей споро-
ны было бы очень безсовѣст-
но остаться при такомъ го-
сподинѣ, которому за довѣ-
ренность плачу столь худо.
Наконецъ, по строгомъ раз-
смотрѣніи, согласился самъ
съ собою, что если я не со-

всемъ еще плушъ , то очень близко подхожу къ нему.

Потомъ , обращаясь къ послѣдствіямъ, какія изъ эшаго произойти могутъ, представилъ я себѣ, что на многое отваживаюсь, обманывая знашнаго господина , который, по грѣхамъ моимъ, не замедлитъ , можетъ быть, провѣдать о нашемъ съ Лаурою плутовствѣ. Столь благоразумное размышленіе поселило въ умъ моемъ нѣкоторый ужасъ; но надежда удовольствій и корысти потчасъ его разсѣяла. Впрочемъ и одно предсказаніе изобрѣташеля элексира могло бы ободрить меня. И такъ я

предался самымъ пріятнымъ
 мечшаніямъ. Принявшись за
 Ариѳметпику, вачалъ исчи-
 сляшь сумму, какую соспа-
 вишь мое жалованье по про-
 шеспвіи десятилѣшней служ-
 бы. Прибавлялъ къ шому по-
 дарки, копорые буду полу-
 чашъ ошъ моего господина;
 и, соразмѣряя ихъ щедроспи
 его, или лучше сказашь, мо-
 имъ желаніямъ, былъ шакъ не
 умѣренъ въ воображеніи, что
 не полагаалъ и предѣловъ мое-
 му счаспію. Мысли о буду-
 щемъ богашспвѣ мало по ма-
 лу навели на меня дремошу,
 и я заснулъ, строя въ голо-
 вѣ воздушные замки.

На другой день вспалъ я въ восемь часовъ, чтобъ идти къ своему господину для полученія опъ него приказаній; но лишь только отворилъ двери своей каморки, какъ, къ величайшему удивленію, увидѣлъ самаго его предъ собою въ шлафрокъ и колпакъ. При немъ никого не было. „Жилблазъ, сказалъ онъ мнѣ, вчера вечеромъ, прощаясь съ твоею сестрою, обѣщаль я быть у нее нынче утромъ; однако нѣкоторое важное дѣло не позволяетъ мнѣ сдержать даннаго слова. Поди, скажи ей опъ меня, что мнѣ очень досадень такой неожиданный случай, и

увѣрь ее, что сегодня же буду
опять у нее ужинать. Это еще
не все—прибавилъ онъ, пода-
вая мнѣ кошелекъ и портретъ
въ осыпанномъ брильяншами
футлярѣ — отнеси ей мой
портретъ, а кошелекъ возь-
ми себѣ: въ немъ пятьдесятъ
пистолей, которыя дарю те-
бѣ въ знакъ моей дружбы.“—
Принявъ одной рукой порт-
ретъ, а другой кошелекъ, ко-
тораго былъ такъ мало до-
стоинъ, побѣжалъ я немед-
ленно къ Лаурѣ, говоря самъ
про себя въ радостномъ вос-
торгѣ: „Браво! предсказаніе
очевидно сбывается! Какое
счастіе быть братомъ при-
гожей и ласковой дѣвушки!

Жаль одного, что нѣтъ тутъ столько же чести, сколько прибыли и удовольствія.“

Лаура, противъ обыкнове-
нія подобныхъ ей женщинъ,
вставала рано. Я засталъ ее
уже за туалетомъ, при ко-
торомъ, ожидая своего Пор-
тугальца, прибавляла къ при-
родной красотѣ своей всѣ
вспомогательныя прелести,
какія только могло ей до-
спавить искусство кокетокъ.
„Магнитъ иностранцевъ, лю-
безная Эстелла!—сказалъ я,
входя къ ней — я могу уже
теперь быть за однимъ сто-
ломъ съ моимъ господиномъ;
онъ удостоилъ меня такого
порученія, которое даетъ мнѣ

это право, и которое испол-
 нить я пришелъ къ вамъ.
 Онъ не будетъ имѣть удо-
 вольствія видѣться съ вами,
 какъ предполагалъ, сегодня
 поутру; но, въ утѣшеніе
 ваше, вечеромъ придетъ къ
 вамъ ужинавъ. Между тѣмъ
 посылаетъ вамъ свой порт-
 ретъ, который, надѣюсь, еще
 болѣе можетъ утѣшить васъ
 въ его отсутствіи.“

Тутъ вручилъ я ей фут-
 ларецъ. Блескъ украшающихъ
 его брильянтовъ произвелъ
 живѣйшую радость въ гла-
 захъ ея. Она открыла его, и,
 взглянувъ изъ благодарности
 на живопись, опять закрыла;
 но снова обратила вниманіе

на брильянты; хвалила ихъ, и сказала, улыбаясь: „такія копіи нравящія театральнымъ героинямъ гораздо болѣе, нежели самые оригиналы.“

Наконецъ я увѣдомилъ ее, какимъ образомъ щедрый Португалецъ подарилъ мнѣ кошелекъ съ пятьюдесятью пистоллями.— „Поздравляю тебя, сказала она: эшопъ господинъ начинаешъ шѣмъ, чѣмъ другіе рѣдко оканчивающъ.“— Тебѣ, милая, при-
молвилъ я, обязанъ я за эшопъ подарокъ: Маркизь сдѣлалъ мнѣ его изъ уваженія къ нашему родству.— „Я желала бы, подхватила Лаура, чтобъ

каждый день дѣлалъ онъ тебѣ такіе подарки. Не могу изъяснить, сколько ты милъ мнѣ. Съ перваго разу, какъ я тебя увидѣла, почувствовала къ тебѣ такую склонность, что время не могло уменьшить ее. Лишившись тебя въ Мадридѣ, не опчаявалась опять бытъ вмѣстѣ съ тобою; и вчера увидя тебя, приняла какъ человека, котораго давно уже ожидала. Право, мы родились другъ для друга. Ты будешь моимъ мужемъ, но прежде надобно намъ понажишься. Мнѣ хочется имѣть у себя еще трехъ или чепырехъ любовниковъ, чтобъ доставить тебѣ порядочное состояніе.“—

Я благодарилъ ее въ самыхъ
нѣжныхъ выраженіяхъ за всѣ
труды, кошорые намѣрена
она была предпринять для
моей пользы; и мы нечув-
ствительно продолжали раз-
говоръ нашъ до самаго полу-
дня. Тогда пошелъ я отъ нее
къ своему господину съ до-
несеніемъ, какъ принялъ былъ
его подарокъ. Хопія Лаура
не дала мнѣ для сего ника-
кого наставленія, однако же
я не забылъ сочинить доро-
гою краткую, но замысло-
вашую благодарственную рѣчь
отъ имени моей сестрицы.
Впрочемъ этотъ трудъ былъ
напрасенъ. По приходѣ моемъ
домой, сказали мнѣ, что Мар-

изъ пошелъ со двора; и судьба угодно было, чшобы я уже болѣе не видалъ его, такъ какъ чипашель узнаешъ это подробно изъ слѣдующей главы.

ГЛАВА XI.

Жилблазъ получилъ извѣстiе, которое поразило его, какъ громомъ.

Я пошелъ обѣдать въ свой трактиръ, гдѣ встрѣшась съ двумя весельчаками, просидѣлъ съ ними за споломъ до самаго того времени, въ которое обыкновенно начи-

налась комедія. Тутъ мы раз-
спались: они пошли куда имъ
было надобно, а я отправил-
ся въ театръ. Замѣчу мимо-
ходомъ, что я имѣлъ доста-
точныя причины быть ве-
селымъ: забавная бесѣда съ
упомянутыми мною кавале-
рами, и благопріятный обо-
ротъ дѣлъ моихъ, должны
были расположить меня къ
удовольствію: однако я, самъ
не зная отъ чего, предался
непреодолимой грусти; безъ
сомнѣнія, предчувствовалъ
угрожавшее мнѣ несчастіе.

Мельхіоръ Цапаша, встрѣ-
тясь со мною за кулисами,
сказалъ мнѣ тихонько, что-
бы я за нимъ слѣдовалъ. Мы

пришли въ такое мѣсто, гдѣ
 никого не было, и онъ на-
 чаль говорить мнѣ слѣдую-
 щимъ образомъ: „Господинъ
 Жилблазъ, я почишаю дол-
 гомъ увѣдомишь васъ о важ-
 номъ дѣлѣ. Вы знаете, что
 Маркизь де Маріальва влю-
 бился сперва въ Нарциссу,
 жену мою: уже назначилъ бы-
 ло и день, чтобы у насъ
 опужинашь, какъ хитрая
 Эшелла нашла способъ пре-
 рвать договоръ, и привлечь
 къ себѣ эшаго Порпугальца.
 Вы можете разсудить, что
 актриса не лишается такой
 хорошей добычи безъ досады:
 жена моя приняла это къ
 сердцу, и въ состояніи сдѣ-

лать все для своего отмщенія. Она имѣетъ къ тому весьма удобный случай. Вчера, какъ всѣ наши служители сбѣжались изъ любопытства смотрѣть васъ, помощникъ сощикашеля со свѣчь сказалъ нѣкоторымъ изъ насъ, что онъ васъ знаетъ, и что вы никогда не бывали братомъ Эшеллы.“

„Такая молва, продолжалъ Мельхіоръ, дошла сегодня до ушей Нарциссы, которая сама разспрашивала эшаго служителя, и онъ подтвердилъ слышанное ею. Онъ знаетъ васъ, по словамъ его, слугою Арсеніи въ то время, какъ Эшелла, подъ именемъ Лауры,

служила у ней въ Мадридѣ. Жена моя, обрадовавшись такому открытію, хочешь уведомить Маркиза де Маріальву, который нынче же будетъ въ театрѣ. Примите свои мѣры. Если вы въ самомъ дѣлѣ не братъ Эспеллы, то соѣшную вамъ дружески, какъ старинный пріятель, подумайте о своей безопасности. Нарцисса, которой надобна одна только жертва, позволила мнѣ предувѣдомить васъ объ этомъ, чѣмъ вы могли заблаговременно удалиться и спасти себя отъ бѣды.“—

Болѣе этого говорить мнѣ было не нужно. Я поблаго-

дарилъ за такое дружеское предувѣдомленіе актера, который изъ смущеннаго моего вида вѣроятно заключилъ, что я не въ состояніи обличить во лжи помощника сощикашеля со свѣчь. Я ни мало не чувствовалъ себя способнымъ къ такому безстыдству. Не хотѣлъ даже проститься съ Лаурой, опасаясь, чтобы она не убѣдила меня остаться и прибѣгнуть къ дерзскому обману. Я зналъ, что она, какъ искусная актриса, легко можетъ выпутаться изъ хлопотъ; но для себя предвидѣлъ одно неизбежное наказаніе, и не былъ столько влюбленъ, чтобы

подвергнуть себя оному. Я думалъ только о томъ, какъ бы мнѣ спастись съ моими Пенашами, то есть, съ пожишками. Въ ту же минуту побѣжалъ изъ театра домой, взялъ свой чемоданъ и отнесъ его къ извознику, который на слѣдующій день, въ три часа утра, отправлялся въ Толедо. Я желалъ бы уже быть у Графа Полана, котораго домъ казался мнѣ однимъ надежнымъ убѣжищемъ; однакожь до него было еще далеко, и я не могъ безъ страха помыслишь о времени, которое оставалось мнѣ пробыть въ городѣ, опасаясь, чтобъ въ ту же ночь не вздумали искасть меня.

Я пошелъ ужинашь въ
трактиръ, хоша находился
въ такомъ же безпокойствѣ,
какъ должникъ, который
знаешь, что за нимъ по пя-
тамъ слѣдуютъ Алгвазилы.
Опъ сегоднешняго ужина, я
чаю, въ желудкѣ моемъ не
много отдѣлилось въ пита-
тельные соки. Я окидывалъ
глазами всѣхъ входящихъ въ
залу; и когда, по несчастію,
примѣчалъ лица подозритель-
наго вида, что нерѣдко въ
такихъ мѣстахъ случается,
то весь дрожалъ опъ ужаса.
Опужинавъ въ безпреспанной
боязни, вспалъ я изъ за спо-
ла, и возвратился къ моему
извощику, гдѣ, въ ожиданіи

опѣзда, бросился на свѣжую солому.

Во все это время терпѣніе мое подвержено было ужасному испытанію: множество безпокойныхъ мыслей приходило мнѣ въ голову. Ежели я засыпалъ на минуту, то видѣлъ во снѣ, какъ раздраженный Маркизь бьетъ Лауру по прекрасному ея лицу, обогренному уже кровью, и все ломаетъ въ ея домѣ, или слышалъ, будто онъ приказываетъ своимъ слугамъ бить меня до смерти палками. Тутъ пробужался я отъ испуга; и пробужденіе, которое послѣ страшнаго сна обыкновенно бываетъ очень

пріятно, спановилось для мене мучительнѣе самага сновидѣнія.

По счастію, извощикъ освободилъ меня отъ столь ужаснаго положенія, пришедши сказать, что мулы его запряжены. Я тотчасъ всталъ, и, благодаря Бога, пустился въ путь, совершенно излѣчась отъ любви къ Лаурѣ и отъ довѣренности къ Хиромантіи. По мѣрѣ, какъ удалялись мы отъ Гренады, мысли мои спановились спокойнѣе. Я началъ разговаривать съ извощикомъ; смѣялся забавнымъ его рассказамъ, и нечувствительно избавился отъ страха. Въ Убедѣ, гдѣ

осшановились мы ночевать, спалъ я самымъ сладкимъ сномъ, а въ четвертый день пріѣхалъ въ Толедо. Прежде всего старался я развѣдать, гдѣ живешь Графъ Поланъ; и пошелъ къ нему въ полномъ увѣреніи, что онъ предложитъ мнѣ у себя квартиру. Но обманулся въ своей надеждѣ: въ домъ нашелъ одного только дворника, который сказалъ мнѣ, что господинъ его уѣхалъ вчера въ замокъ Лейву, откуда писали къ нему, что Серафина опасно больна.

Я не воображалъ объ отсутствіи Графа: это самое уменьшило мою радость, что

я уже въ Толедо, и побудило
 принявъ другое намѣреніе.
 Находясь такъ близко отъ
 Мадриша, вздумалъ шуда от-
 правиться. Разсудилъ, что,
 можетъ быть, найду счастье
 при Дворѣ, гдѣ, какъ я слы-
 халъ, не всегда нуженъ вели-
 кій геній, чтобъ выдти въ
 люди. На другой же день
 сѣлъ я на лошадь, которую
 гнали шуда порожнякомъ, и
 пушился въ столицу Испа-
 ніи. Счастье вело меня въ
 Мадришъ для важнѣйшихъ
 приключеній, нежели какія
 были со мною до того вре-
 мени.

ГЛАВА XII.

Жилблазъ располагается
жить въ постояломъ домѣ.
Онъ знакомится тамъ съ
Капитаномъ Хинхил-
лою. Что за человекъ былъ
этотъ офицеръ, и затѣмъ
пріѣхалъ въ Мадридъ.

По пріѣздѣ въ Мадридъ,
основалъ я свое жилище въ
постояломъ домѣ, гдѣ между
прочими постояльцами нани-
малъ комнату одинъ отстав-
ной Капитанъ, который изъ
отдаленнѣйшаго края Новой
Каспильи прибрелъ просить
ошъ Двора пенсіи, давно уже,
по его мнѣнію, имъ заслу-

женной. Онъ назывался Донъ Аннибалъ де Хинхилла. Не безъ удивленія въ первый разъ я его увидѣлъ. Это былъ человекъ лѣтъ шестидесяти, превысокаго росту и чрезвычайно сухъ. Густые завитые усы его съ обѣихъ сторонъ лица доставали до самыхъ висковъ. Онъ былъ безъ руки и безъ ноги; широкой плащырь изъ зеленой шафты закрывалъ у него одинъ глазъ, а лице все въ рубцахъ отъ сабельныхъ ударовъ. Впрочемъ онъ былъ таковъ же, какъ и другіе люди. Не имѣлъ недостатка въ разумъ, а еще менѣе въ важности. Нравственность про-

спираль до величайшей спро-
госпи, и особливо разборчивъ
былъ въ отношеніи къ че-
спи.

Послѣ двухъ или трехъ
свиданій, онъ почпилъ меня
своею довѣренностію. Я ско-
ро узналъ обо всѣхъ его об-
стоятельствахъ. Онъ раз-
сказалъ мнѣ, какимъ обра-
зомъ лишился глаза въ Неа-
полѣ, руки въ Ломбардіи, а
ноги въ Нидерландахъ. При
повѣствованіи его объ оса-
дахъ и сраженіяхъ всего бо-
лѣе удивлялся я тому, что
у него не вырвалось ни од-
ного слова въ собственную
свою похвалу, хошя и весь-
ма проспешельно было бы

ему повеличатся остальною половиною самого себя, въ вознагражденіе за потерю другой. Офицеры, которые возвращаются съ войны здоровы и невредимы, не всѣ бывающъ такъ скромны.

Но всего прискорбнѣе для него, какъ онъ сказывалъ мнѣ, было то, что въ походахъ своихъ прожилъ значительное имѣніе, такъ что осталось у него не болѣе сша червонныхъ годоваго доходу; а эшаго едва доставало на содержаніе его усовъ, на плату за кварширу и за переписку челобитныхъ. „Я подаю ихъ—примолвилъ онъ, пожимая плечами—каждый день

безъ всякаго успѣха. Можно подумашь, будто бы мы съ первымъ Министромъ уда-
рились объ закладъ, кто изъ насъ скорѣе усшанетъ, я ли подавать просьбы, или онъ принимать ихъ. Я упруж-
далъ ими нерѣдко и самаго Короля; но видно поѣ не
лучше прихода; а между тѣмъ замокъ мой Хинхилла валиш-
ся безъ починокъ.“—

—Не надобно опшчаяваться, сказалъ я тогда Капипану; можешъ бышь завтра же вознаграждаться съ лихвою всѣ ваши труды и заслуги.—, Не могу ласкать себя такою на-
деждою, опвѣчалъ Донъ Ая-
вибалъ. Нѣтъ еще шрехъ дней,

какъ я говорилъ съ однимъ
 изъ Секретарей Министра; и,
 если вѣришь словамъ его, то
 остаеися мнѣ только сидѣть
 у моря и ждашь погоды.“—
 А чпожь онъ сказалъ вамъ?
 Не ужь ли положеніе ваше не
 показалось ему достойнымъ
 награды? — „Разсудите сами.
 Секретарь сказалъ мнѣ на-
 прямки: Господинъ Капитанъ!
 не хвалишесь вашимъ усер-
 діемъ и вѣрностію; вы испол-
 няли только долгъ вашъ,
 подвергаясь опасностямъ за
 отечество. Слава, неразлуч-
 ная съ великими подвигами,
 служишь за то воздаяніемъ;
 особливо для Испанца долж-
 но бышь достаточно этого.

И такъ надобно вывести васъ изъ заблужденія, когда вы просите пенсіи какъ принадлежащей вамъ за службу награды; если же и получите пенсію, то должны будете почитать это за особенную къ себѣ милость и благоволеніе Короля, который не обязанъ награждать своихъ подданныхъ за всѣ оказанныя ими Государству заслуги.— Вы видите, продолжалъ Капитанъ, что я же не правъ; и мнѣ остается ѣхать отсюда съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пріѣхалъ.“—

Видя честнаго человека въ нуждѣ, не лзя не принять въ немъ участія. Я увѣще-

валъ его вооружиться пер-
пѣніемъ; обѣщаль ему даромъ
переписывать набѣло чело-
бишныя; предложилъ даже и
кошелекъ мой къ его услу-
гамъ. Но онъ былъ не изъ
числа тѣхъ людей, которые
охотно принимающъ такія
предложенія. Напротивъ то-
го, поблагодаривъ меня съ
гордостью за мое къ нему
усердіе, рѣшительно отка-
зался отъ предлагаемаго мною
вспоможенія и признался, что
онъ, не хошя быть никому
въ тягость, помаленьку при-
учился жить шакъ умѣренно,
что довольствовался самою
скудною пищею. Это была
сущая правда: онъ былъ шоль-

ко лукъ и чеснокъ; и попо-
 му-то оспалась у него одна
 кожа да коспи. Чтось не
 имѣшь свидѣтелей худымъ
 своимъ обѣдамъ и ужинамъ,
 запирался онъ обыкновенно
 на то время въ своей камор-
 кѣ. Однако мнѣ удалось на-
 конецъ убѣдить его, чтобы
 онъ ѣлъ вмѣстѣ со мною; и,
 прошивополагая его гордости
 невинную хитрость, прика-
 зывалъ я подавать себѣ ку-
 шанья и вина гораздо боль-
 ше, нежели сколько для меня
 было надобно. Я уговаривалъ
 его всячески пить и ѣсть.
 Сперва онъ церемонился; на-
 послѣдокъ уступилъ моему
 настоянію. Потомъ нечув-

спвишительно сдѣлавшись смѣ-
лѣе, уже самъ помогаль мнѣ
очищать мои блюда и опо-
ражнивать бутылку.

Выпивъ рюмки четыре,
или пять, и примиривъ свой
желудокъ съ хорошею пищею,
онъ вскричалъ съ веселымъ
видомъ: „Правду сказахъ,
господинъ Жилблазъ, вы пря-
мой колдунъ: дѣлаете изъ
меня все, что вамъ угодно!
Ваше со мною обхожденіе
оснимаесть у меня боязнь
пользоваться вашею благо-
творительностію.“ — Капи-
танъ мой показался мнѣ по-
гда такъ незастѣнчивъ, что
если бы я попросилъ его сно-
ва принять мой кошелекъ,

то, думаю, онъ не опказался бы опъ него. Однакожь мнѣ не хошѣлось подвергать его испытанію; я рѣшился только раздѣлять съ нимъ сполъ, и переписывать для него челобитныя, а иногда и сочинять ихъ съ нимъ вмѣстѣ. Занимаясь довольное время перепискою набѣло проповѣдей, научился я хорошимъ выраженіямъ, и сдѣлался самъ почти авторомъ. Старой офицеръ думалъ о себѣ, что и у него перо остро. Такимъ образомъ оба мы, трудясь взапуски, сочиняли краснорѣчивыя челобитныя, копорыя и славнѣйшіе Саламанкскіе Профессора не по-

стыдился бы признать за свои. Но сколько ни истощали мы свой разумъ, украшая прошенія риторическими цвѣтками, однако все понапрасну. Сколько ни выхваляли заслуги Дона Аннибала, Дворъ не обращалъ на нихъ вниманія, и старой инвалидъ не очень одобрялъ тѣхъ офицеровъ, которые проживающіе на службѣ. Въ досадѣ, проклиналъ онъ судьбу свою, и предавалъ анаѹемъ Неаполь, Ломбардію и Нидерланды.

Къ бóльшему его огорченію, случилось однажды, что стихотворцу, представленному Герцогомъ Альбою и прочитавшему предъ Коро-

лемъ сонетъ на рожденіе Ин-
фанты, объявлена была,
въ самомъ присутствіи из-
увѣченнаго инвалида, пенсія
въ пять сотъ червонныхъ.
Думаю, что Капишанъ мой
сошелъ бы совершенно съ
ума, если бы я его не успо-
коилъ.—, Что вамъ сдѣлалось?
—сказалъ я ему, видя его внѣ
себя. Тутъ нѣтъ ничего для
васъ оскорбительнаго. Не съ
самыхъ ли опдаленныхъ вре-
менъ стихотворцы дѣлаютъ
Государей данниками Музъ
своихъ? Нѣтъ ни одной ко-
ронованной главы, копорая
бы не содержала нѣсколькихъ
изъ эпихъ господъ на своемъ
иждивеніи. Между нами будь

сказано, такія пенсіи, дохода до свѣденія потомства, изъясвляющъ щедрость Царей, а напрошивъ того другія ошъ нихъ награды бывающъ часшо безгласны для ихъ славы. Сколько награжденій раздавалъ Августъ, сколько опредѣлялъ пенсій, о которыхъ не дошло до насъ никакого свѣденія! Но въ самыя поздныя времена извѣстно будетъ, какъ и намъ теперъ, что Виргилій получилъ ошъ эшаго Имперашора въ даръ около двухъ сотъ тысячъ ефимковъ.“ —

Что ни говорилъ я Дону Аннибалу, награда за сонетъ лежала у него, какъ свинецъ,

на сердцѣ. Не могши забыть
эшаго, рѣшился было уже онъ
оставить всѣ свои исканія.
Однако, по убѣжденію моему,
согласился въ послѣдній разъ
подать еще просьбу Герцогу
Лермѣ, и для того пошли
мы оба къ Министру. Тамъ
попался намъ одинъ молодой
человѣкъ, который, поклонясь
Капитану, сказалъ ему съ ла-
сковымъ видомъ: „Любезный
старинный мой господинъ,
васъ ли я вижу? За какимъ
дѣломъ вы пришли сюда?
Когда вамъ надобенъ чело-
вѣкъ, который бы здѣсь былъ
въ силѣ, то извольте рас-
полагать мною: я къ вашимъ
услугамъ.“—По словамъ шво-

имъ , Педрилло , возразилъ
старой воинъ , ты занима-
ешь въ этомъ домѣ какую
нибудь важную должность?—
„По крайней мѣрѣ, отвѣчалъ
молодой человекъ , я въ со-
стояніи услужить такому
честному дворянину , какъ
вы.“— Когда такъ , сказалъ
Капитанъ съ улыбкою, то я
прибѣгаю къ своему покро-
вительству.—„О! положишь
на меня , подхватилъ Пед-
рилло; объясните только ва-
шу нужду , а я обещаюсь
вамъ , что Министръ ни въ
чемъ не откажетъ.“—

Лишь только объяснили мы
этому доброхоту дѣло , какъ
онъ спросилъ , гдѣ живешь

Донъ Аннибалъ; потомъ увѣ-
 ривъ насъ, что на другой
 день непременно съ нами
 увидится, пропалъ изъ глазъ
 нашихъ, не открывъ намъ,
 какъ думаетъ прислупить къ
 исполненію своего обѣщанія,
 и даже не сказавъ, служи-
 тель ли онъ Герцога Лермы,
 или нѣтъ. Я спросилъ изъ
 любопытства, кто былъ
 этотъ скорохватъ Педрилло?
 —, За нѣсколько лѣтъ предъ
 симъ, отвѣчалъ Капитанъ,
 онъ служилъ у меня; но уви-
 дя мою бѣдность, оставилъ
 меня и пошелъ искать луч-
 шаго мѣста. За это я не сер-
 жусь на него: рыба ищетъ,
 гдѣ глубже, а человѣкъ, гдѣ

лучше. Онъ малой неглупой, очень распоропенъ и такой проныра, какого не скоро найдешь. Не смотря однако на его проворство и усердіе ко мнѣ, я не полагаю на него большой надежды. — Можеть бышь, сказалъ я Капитану, онъ вамъ и пригодится. Если онъ находится, на примѣръ, въ услужени у кого нибудь изъ главныхъ чиновниковъ Герцога, то вѣрно будешь вамъ полезенъ. Вы знаете, что у вельможъ все дѣлается чрезъ пронырство и происки; они имѣютъ своихъ любимцовъ, копорые управляютъ ими, а любимцами управляютъ ихъ камердинеры. —

На другой день поутру
 пришелъ къ намъ Педрилло.
 „Господа, сказалъ онъ намъ,
 какимъ образомъ могу слу-
 житъ почтенному Капитулу
 Хинхиллѣ, не объяснилъ я вче-
 ра пошому, что мѣсто не
 позволяло говорить съ вами
 опікровеннѣе. Сверхъ того,
 хотѣлось мнѣ расположить
 все хорошенько прежде, не-
 жели сообщу вамъ свои на-
 мѣренія. Знайте же, что я
 камердинеръ и наперсникъ
 Дона Родригеца де Калдеро-
 на, старшаго Секретаря Гер-
 цога Лермы. Господинъ мой
 ходитъ почти всякой вечеръ
 слушать одного Аррагонска-
 го соловья, котораго держитъ

въ клѣшкѣ недалеко отъ Дворца. Этого соловей есть молодая дѣвушка изъ Албаразина: прекрасна, какъ ангелъ, умна и поетъ прелестно; почему и называется Сеньора Сирена. Я ношу къ ней всякое утро любовныя записочки, и теперь иду отъ нее. Я предложилъ ей назвать Дона Аннибала своимъ дядею, и подъ этимъ видомъ склонить своего любовника принять его въ свое покровительство. Она охотно на то согласилась. Кромѣ небольшого подарка, котораго отъ васъ надѣишься, ей очень пріятно будетъ слыть племянницею такого храбраго и

честнаго дворянина, какъ
вы. —

При сихъ словахъ господинъ Хинхилла наморщился; ему никакъ не хотѣлось участвовать въ этомъ обманѣ, а еще менѣе позволишь такой дѣлкѣ называться его родственницей. Не только лично себѣ вмѣнялъ онъ это въ безчестіе, но даже и въ поруганіе своимъ предкамъ. Такая разборчивость показалась Педриллѣ слишкомъ неумѣстнойю. Онъ вскричалъ съ досадою: „Не ужь ли вы въ самомъ дѣлѣ такъ думаете? Воиъ каковы вы, голые дворяне! Куда смѣшны вы съ вашею спѣсью! Господинъ ка-

валеръ, продолжалъ онъ, обо-
рошась ко мнѣ, не смѣшно ли
вамъ это кажется? Скажите,
можно ли при Дворѣ смот-
рѣть на все такими глазами?
Подъ какимъ бы гнуснымъ
видомъ ни являлось тамъ
счастіе, его никогда изъ рукъ
не выпускаютъ.“—

Я взялъ сторону Педрил-
лы; и мы оба такъ присту-
пили къ Капитану, что на-
силъно сдѣлали его дядею
Сирены. Преодолевъ его гор-
досць, принялись всѣ трое
писать къ Министру новую
просьбу, которая была пере-
смотрѣна, умножена и испра-
влена. Я переписалъ ее на-
чисто, а Педрилло отнесъ

къ Аррагонянкѣ, которая въ
 томъ же вечерѣ вручила ее
 Дону Родригецу. Секретарь,
 повѣривъ ей, что она въ са-
 момъ дѣлѣ племянница Ка-
 питану, обѣщаль за него по-
 стараться. Скоро увидѣли
 мы дѣйствіе этой хитро-
 сти. Педрилло пришелъ къ
 намъ съ торжествующимъ
 видомъ.—„Добрыя вѣсши! ска-
 залъ онъ Хинхиллѣ. Король
 будетъ жаловать Коммандор-
 ствами, чинами и пенсіями;
 при этомъ случаѣ и васъ не
 забуду. Но мнѣ велѣно
 спросить у васъ, чѣмъ вы
 думаете подарить Сирену.
 Что касается до меня, я ни-
 чего не хочу: всему золоту

на свѣтъ предпочитаю по
удовольствіе, что способ-
ствовалъ поправленію со-
стоянія прежняго моего го-
сподина. Не такова Албара-
зинская наша Нимфа: она
походишь немного на Жида,
когда надобно пособить бли-
жнему; съ роднаго отца возъ-
мешь деньги; судишь же,
одолжишь ли даромъ назва-
наго дядю.“—

—Пусть скажешь, чего она
оцъ меня пребуешь, ошвѣ-
чалъ Донъ Аннибалъ. Если
хочешь каждый годъ имѣшь
третью долю пенсіи, кото-
рую получу, то я охотно
соглашаюсь; и устою въ мо-
емъ словѣ, хотя бы пожела-

вали мнѣ всѣ доходы Его
 Каполическаго Величества.—
 „Очень вѣрю, возразилъ Род-
 ригецовъ Меркурій; слово ва-
 ше свято; но вы имѣете дѣ-
 ло съ особою, крайне недо-
 вѣрчивою. Впрочемъ, она охот-
 нѣе возьметъ впередъ, еди-
 нажды на всегда, двѣ пре-
 ши наличными деньгами.“—
 Да гдѣ мнѣ ихъ взять? пре-
 рвалъ Офицеръ съ досадою.
 Не думаетъ ли она, что я
 Коншадоръ - Маіоръ? *) На-
 добно бы тебѣ увѣдомить ее
 о моемъ положеніи.— „Изви-
 ните: она знаетъ, что вы
 бѣднѣе Іова; изъ моего объ-

---

*) Государственный Казначей.

васъ описанія ей должно
быть это извѣстно. Впро-
чемъ, не безпокойтесь; я пот-
часъ вамъ пособлю. Мнѣ зна-
комъ одинъ старой плутъ, ко-
торый даетъ деньги въ долгъ
по десяти на сто. Вы дади-
те ему вѣрующее письмо, за-
свидѣтельствованное Нопа-
ріусомъ, на полученіе за пер-
вый годъ вашей пенсіи, упо-
мянувъ въ этой бумагѣ, буд-
то вы ему должны такую
почто сумму, которую вы
отъ него и дѣйствительно
получите, за вычетомъ про-
центовъ. Чтожь касается
до заклада, займодавецъ до-
воленъ будетъ замкомъ ва-
шимъ Хинхиллою, каковъ

онъ теперь ни есть; дѣло обойдется безъ спору.“—

Капитанъ поклялся исполнить все это, если будетъ имѣть участіе въ милостяхъ Короля, назначенныхъ на другой день къ раздачѣ; что и сбылось на самомъ дѣлѣ. Ему положили приспа пистолей годовой пенсіи съ одного Коммандорства. Услышавъ такую радостную вѣсть, далъ онъ требованныя отъ него обязательства, исправилъ небольшія свои надобности, и съ остальными деньжонками возвратился въ Новую Каспилью.

ГЛАВА XIII.

Жилблазъ встрѣчается
при Дворѣ съ другомъ сво-
имъ Фабриціемъ. Какъ
они оба тому обрадова-
лись; куда пошли, и ка-
кой любопытный имѣли
между собою разговоръ.

Я сдѣлалъ привычку хо-
дить всякое утро во Дворецъ,
и проводилъ тамъ часа по
два и по три, смотря на
входящихъ и выходящихъ
вельможъ. Здѣсь казались они
мнѣ совсемъ безъ того блес-
ку, который обыкновенно
озаряетъ ихъ въ другихъ
мѣстахъ.

Однажды, прогуливаясь съ важностію взадъ и впередъ по Королевскимъ комнатамъ, и предсавляя, подобно многимъ другимъ, довольно глупую фигуру, примѣшилъ я Фабриція, котораго оставилъ въ Валладолидѣ въ услуженіи у Госпитальнаго надзирающаго. Меня очень удивило то, что онъ разговаривалъ дружески съ Герцогомъ де Медина Сидоніа и съ Маркизомъ де Сентъ-Кроа. И потѣ и другой, какъ мнѣ казалось, слушали его съ удовольствіемъ. Да и одѣтъ онъ былъ не хуже какого нибудь дворянина.

„Не обманываюсь ли я? —

сказалъ я самъ себѣ: не ужь ли это сынъ цырюльника Нуннеца? Можетъ быть ка- кой нибудь молодой придвор- ной, на него похожій.— Я недолго былъ въ сомнѣніи. Оба господина оставили Фа- бриція. Подхожу къ нему. Онъ узналъ меня въ минушу, взялъ за руку, и когда мы, пробравшись сквозь толпу придворныхъ, вышли изъ Королевскихъ комнатъ, об- нялъ меня и сказалъ: „Какъ я радъ, любезный Жилблазъ, что опять съ тобой увидѣл- ся! Что дѣлаешь ты въ Ма- дридѣ? Не занимаешь ли ка- кой должности при Дворѣ? Въ какомъ положеніи дѣла

твоя? Расскажи мнѣ все, что случилось съ тобою послѣ поспѣшнаго твоего отъѣзда изъ Валладолида. “ — Ты о многомъ вдругъ меня спрашиваешь, отвѣчалъ я ему; да здѣсь и не мѣсто рассказывать приключенія. — „Правда твоя: намъ лучше будешь у меня дома. Пойдемъ; я живу недалеко отсюда: наслаждаюсь свободою, занимаю прекрасную квартиру, имѣю во всемъ изобиліе, и счастливъ, потому что почитаю себя счастливымъ. “

Я принялъ предложеніе, и пошелъ за Фабриціемъ, который приведя меня къ од-

ному весьма красивому дому, сказалъ, что онъ живешъ тушъ. Мы прошли черезъ дворъ, на которомъ была съ одной стороны большая лѣспница, ведущая въ великолѣпные покои, а съ другой маленькая, темная и узкая, по которой вскарабкались мы въ хваленое жилище. Оно состояло въ одной комнатѣ, изъ которой оспроумный другъ мой сдѣлалъ себѣ чешыре, отдѣливъ одну отъ другой сосновыми перегородками. Первая служила прихожею, вторая спальнею, въ прешей былъ кабинетъ, а въ послѣдней кухня. Стѣны въ спальнѣ и при-

хожей обклѣены были ланд-картами и философскими тезесами. Мебели соотвѣтствовали обоямъ: кровать съ шелковыми изорванными занавѣсками; нѣсколько старыхъ стульевъ, обитыхъ желтою саржею съ шелковою Гренадскою бахрамою такого же цвѣта; столъ съ позолоченными ножками, покрытый кожею, которая когда-то была красною, и обитый кругомъ мишурнымъ позументомъ, почернѣвшимъ отъ времени, и шкафъ изъ чернаго дерева, украшенный грубыми фигурами рѣзной работы. Въ кабинетѣ его была маленькой письменный

столикъ; а библиотека состояла изъ нѣсколькихъ книгъ и множества пепрадей, которыя лежали на полкахъ вдоль стѣны. Кухня не уступала въ убранствѣ прочимъ комнатамъ, и заключала въ себѣ горшки и другую необходимую посуду.

Фабрицій, давши мнѣ время осмотрѣть со вниманіемъ его жилище, спросилъ меня: „Каково тебѣ кажется мое житье-бытье? Не правда ли, что все здѣсь обворожаетъ тебя?“ — Какъ же! отвѣчалъ я, улыбаясь. Видно, тебѣ очень хорошо въ Мадридѣ. Безъ сомнѣнія ты имѣешь прекрасное мѣсто? — „Боже

меня сохрани ! Избранный мною родъ жизни выше всѣхъ должностей на свѣтѣ. Знап- ный господинъ, которому принадлежить эшопъ домъ, далъ мнѣ въ немъ одну ком- нашу; изъ нее сдѣлалъ я се- бѣ чешыре, и убралъ ихъ, какъ видишь. Я занимаюсь только шѣмъ, что доспа- вляешъ мнѣ удовольствіе, и ни въ чемъ не имѣю недо- статка. — Говори со мной яснѣе, прервалъ я : ты воз- буждаешь во мнѣ желаніе знать, чѣмъ ты занимаешь- ся. — „Хорошо, удовольствую твое любопытство. Я сдѣ- лался авторомъ, пустился въ ученой свѣтъ : пишу и

прозой и стихами; словомъ, способенъ ко всему. —

— Какъ? ты любимецъ Аполлона! — вскричалъ я смѣючись. Вотъ чего бы я не угадалъ никогда! Для меня не диво было бы, еслибъ ты сдѣлался чѣмъ нибудь другимъ. Какія прелести могъ ты найти на поприщѣ литераторовъ? Мнѣ кажется, что эти люди у всѣхъ въ презрѣніи и что ремесло ихъ очень невыгодно. — „Какой вздоръ! Ты говоришь о тѣхъ жалкихъ авторахъ, копорыхъ маранье за ничто спа-
вятъ книгопродавцы и актеры. Можно ли удивляться, если не уважаются по-

добные писатели? Но хоро-
шіе, другъ мой, на самомъ
лучшемъ счету; и, не хва-
стаясь скажу, что я изъ чи-
сла послѣднихъ.“—Не сомнѣ-
ваюсь! Ты малой умный: про-
изведенія пера твоего не мо-
гутъ быть дурны. Мнѣ хо-
тѣлось бы только узнать,
какимъ образомъ страсть къ
авторству овладѣла тобою.—

„Удивленіе твое справед-
ливо. Я былъ такъ доволенъ
своимъ положеніемъ у госпо-
дина Мануеля Ордонеца, что
не желалъ лучшаго. Но геній
мой вознесся мало по малу,
какъ геній Плавта, превыше
рабскаго состоянія; я напи-
салъ комедію, и отдалъ ее

сыграть Валладолидскимъ актерамъ. Хопя она никуда не годилась, однакожь имѣла великой успѣхъ. Изъ этого заключилъ я, что Публика есть смиренная корова, позволяющая доить себя безъ всякаго сопротивленія. Такія мысли и страсть къ сочиненію комедій отврашили меня отъ госпиталю. Любовь къ поэзіи преодолѣла во мнѣ любовь къ богатству. Я рѣшился отправиться въ Мадридъ, какъ въ средоточіе ученыхъ, и образовать тамъ вкусъ свой. И такъ попросилъ я надзирающаго, чшобъ онъ уволилъ меня; онъ сдѣлалъ это весьма неохотно: столько имѣлъ ко мнѣ

привязанности.— „Фабрицій, сказалъ онъ мнѣ, что тебѣ вздумалось меня оставить? Не имѣешь ли какой нибудь причины быть недовольнымъ мною?“—Нѣтъ, сударь, отвѣчалъ я; не найти мнѣ господина лучше васъ, и я никогда не забуду вашихъ милостей; но вы знаете, что нельзя прошивиться судьбѣ своей. Я чувствую, что рожденъ сдѣлать безсмертнымъ имя свое произведеніями разума.— „Какое безуміе! Ты уже привыкъ къ госпиталю; изъ себя вышелъ бы со временемъ хорошій экономъ и даже надзиратель. Ты оставляешь вѣрное и гонишься за

тѣнью: самъ себѣ ищешь по-
гибели, другъ мой!“

„Надзирашеть, видя, что
напрасно прошивишся моему
намѣренію, выдалъ мнѣ за-
служенное жалованье, и въ
награду за мою усердную
службу подарилъ пятьдесятъ
червонныхъ. Съ этими день-
гами и съ тѣмъ, что нако-
пилъ я въ бытность свою
при госпиталѣ отъ неболь-
шихъ порученій, которыя воз-
лагали на мое безкорыстіе,
въ состояніи былъ, пріѣхав-
ши въ Мадридъ, хорошенько
одѣться; чего и не преминулъ
сдѣлать, хотя писатели на-
ши не очень занимающіся сво-
имъ нарядомъ. Скоро я по-

знакомился съ Лопецомъ де Вега Карпіо, Михаиломъ Сервантесомъ де Сааведра и съ другими славными авторами; но предпочелъ симъ великимъ людямъ и избралъ себѣ въ наставники молодаго Кордуанскаго Баккалавра, несравненнаго Дона Людовика де Гонгору, опличнѣйшаго генія, какого никогда еще не бывало въ Испаніи. Онъ не хочеть, чтобъ сочиненія его напечатаны были при его жизни, и довольствуется тѣмъ, что читаетъ ихъ друзьямъ своимъ. Всего удивительнѣе то, что природа одарила его рѣдкимъ талантомъ упражняться съ успѣ-

хомъ во всѣхъ родахъ поэзіи. Особенно же опличается онъ въ сатирическомъ. Его нельзя уподобишь, такъ какъ Луцілія, мушному попоку, несущему съ собою много илу: онъ какъ рѣка Тагъ, которая капится чистыми струями по золотому песку.“—

—Ты описываешь мнѣ, сказалъ я Фабрицію, эшаго Баккалавра превосходными красками, и я не сомнѣваюсь, чѣмъ такой достойный мужъ не имѣлъ завистниковъ.—

„Всѣ сочинители, отвѣчалъ онъ, и хорошіе и дурные, сильно на него нападаютъ. Одни говорятъ, будто у него слогъ надутый, метафоры

неудачныя, выраженія изысканныя и разстановка словъ самая неправильная. Другіе утверждаютъ, что стихи его такъ темны, какъ гимны Жрецовъ Салійскихъ, которыхъ никто не понимаетъ. Иные даже охуждаютъ его и за то, что онъ пишетъ то сонеты или романсы, то комедіи, эпиграммы и мадригалы, стараясь будто бы помрачить чрезъ то славу лучшихъ писателей во всѣхъ сихъ родахъ. Но всѣ сіи стрѣлы, пускаемыя завистью и невѣжествомъ, не вредятъ Музѣ, покровительствуемой Вельможами и любимой Публикою.“

„Подъ руководствомъ ша-
кого-то искуснаго настав-
ника началъ я учиться, и,
смѣю сказать, геній его ви-
дѣнъ въ моихъ сочиненіяхъ.
Я такъ примѣнился къ его
слогу, что самъ уже сочиняю
важныя и отвлеченныя піэсы,
которыя не постыдится онъ
признать за свои. Слѣдуя его
примѣру, разношу свой то-
варъ по знаемымъ домамъ,
въ которыхъ принимаюшъ
меня съ восхищеніемъ, и въ
которыхъ я имѣю дѣло съ
людьми разсудительными и
снисходительными. Правда,
я самъ всѣми мѣрами спа-
раюсь заслужить ихъ благо-
склонность, что, конечно, спо-

собствуетъ къ успѣху моихъ сочиненій. Многіе знашныя господа меня любяшъ, а съ Герцогомъ де Медина Сидоніа нахожусь я въ такой связи, въ какой былъ Горацій съ Меценатомъ. Вотъ, продолжалъ Фабрицій, какимъ образомъ превратился я въ автора. Болѣе рассказывать тебѣ нечего. Теперь твоя очередь, Жилблазъ, воспѣвать твои подвиги.“

Тогда началъ говорить я, и, умолчавъ о томъ, что не заслуживало особеннаго вниманія, рассказалъ ему свои приключенія. Настало время обѣда. Фабрицій вынулъ изъ своего шкапа салфешки, хлѣбъ,

остатки жареной баранины и бутылку лучшаго вина. Мы сѣли за столъ со всею веселостію двухъ друзей, которые нечаянно вспрѣпились послѣ долговременной разлуки.— „Видишь, сказалъ онъ, какъ я живу свободно и независимо. Еслибъ хотѣлъ, то могъ бы всякой день обѣдать у знатныхъ особъ; но кромѣ того, что спрасъ къ занятіямъ часто удерживаетъ меня дома, я другой Ариспиппъ: для меня все равно, быль ли въ большомъ обществѣ, или въ уединеніи, живь въ изобиліи, или наблюдашь умѣренность.“

Вино намъ такъ понравилось , что надобно было вынуть изъ шкапа другую бутылку. При концѣ стола я далъ знать Фабрицію , что мнѣ пріятно было бы видѣть нѣкоторыя изъ его произведеній. Тутъ сыскалъ онъ въ бумагахъ своихъ сонетъ , и прочелъ его съ жаромъ и со всевозможною важностію. Однакожь, не смотря на выразительное его чтеніе, стихи были такъ темны , что я не понялъ ни одного слова. Замѣшивъ это , сказалъ онъ мнѣ: „Не правда ли, что сонетъ кажется тебѣ не довольно яснымъ?“—Я признался, что желалъ бы болѣе чи-

стопы въ слогъ и вразуми-
 тельности.—Онъ началъ надо-
 мной смѣяться.—„Тѣмъ луч-
 ше, продолжалъ онъ, если
 эпосъ сонетъ непонятенъ.
 Сонеты, оды и прочія сти-
 хопворенія, пребывающія воз-
 вышенности, не перпятъ
 простоты и естественности;
 все ихъ достоинство
 составляетъ невразумитель-
 ность: довольно, когда поэтъ
 воображаетъ, что пони-
 маетъ самъ себя.“—Ты шу-
 пишь надо мною, другъ мой,
 прервалъ я рѣчь его: здра-
 вый смыслъ и ясность нуж-
 ны во всякомъ стихопворе-
 ніи, какого бы оно рода ни
 было; и если несравненный

твой Гонгора пишетъ не яснѣ тебя, но, признаюсь, я объ немъ не слишкомъ хорошаго мнѣнія. Онъ можетъ обмануть только своихъ современниковъ.... Посмотримъ теперь, какова твоя проза.—

Нуннецъ показалъ мнѣ предисловіе, написанное имъ къ собранію его комедій, которое было тогда въ печати. Онъ спросилъ меня, каково мнѣ кажется это предисловіе?—„Я столь же мало доволенъ, сказалъ я, твоею прозой, сколько и стихами. Сонетъ твой не что иное, какъ высокопарная бессмыслица, а предисловіе наполнено выраженіями изыскан-

ными, словами неупотребительными, оборотами неправильными: словомъ, у тебя самой странной слогъ. Не таковы произведенія древнихъ и новыхъ нашихъ отличныхъ авторовъ.“—Жалкой невѣжда! вскричалъ Фабрицій; ты не знаешь, что нынѣ всякой прозаикъ, старающійся пріобрѣсть славу отличнаго писателя, нарочно соблюдаетъ въ слогъ сію опмѣну и употребляетъ сіи новыя выраженія и обороты, кошорые тебѣ не нравятся. Насъ, такихъ смѣлыхъ новизновводителей, человекъ пять или шесть; мы рѣшились преобразовать языкъ, и,

при помощи Божіей, достиг-
немъ своей цѣли, въ досаду
Лопецу де Вегъ, Сервантесу
и другимъ славнымъ лишпе-
рашорамъ, которые охужда-
ютъ насъ за новости, вво-
димыя нами въ словесность.
Насъ поддерживають многія
знашныя особы, и въ загово-
рѣ нашемъ участвуютъ да-
же и нѣкоторые Богословы.—

—При всемъ томъ, продол-
жалъ онъ, намѣреніе наше
похвально; и, предразсудки
въ спорону, мы имѣемъ боль-
шое преимущество предъ шѣ-
ми писателями, которые го-
ворятъ языкомъ общимъ. Для
меня непонятно, за что мно-
гіе порядочные люди оказы-

ваюшъ къ нимъ уваженіе.
 Это хорошо было въ Аѳи-
 нахъ и въ Римѣ, гдѣ всѣ со-
 стоянія были смѣшаны; и
 потому-то Сократъ сказалъ
 Алкивіаду, что народъ есть
 самый лучшій учитель языка.
 Но у насъ въ Мадридѣ сло-
 ва имѣютъ хорошее и худое
 употребленіе: придворные на-
 ши изъясняются иначе, не-
 жели мѣщане. Ты можешь
 мнѣ въ этомъ повѣришь.
 Нашъ новый слогъ прево-
 сходнѣе слога нашихъ про-
 тивниковъ. Я потчасъ по-
 кажу тебѣ разность между
 благородствомъ и понкоспію
 нашихъ выраженій и ихъ не-
 складницею. Они сказали бы,

на примѣръ, просто: интермедіи украшаютъ комедію; а мы говоримъ гораздо лучше: интермедіи дѣлаютъ красоту въ комедіи. Замѣть выраженіе: дѣлаютъ красоту. Чувствуешь ли шутъ всю тонкость, все благородство, всю нѣжность?...

Я прервалъ рѣчь моего затѣйника громкимъ хохотомъ. „Ну! Фабрицій, сказалъ я ему, ты настоящій оригиналъ съ твоимъ непонятнымъ и изюверканнымъ языкомъ.“ — А ты, ошвѣчалъ онъ, прямой осель съ твоимъ естественнымъ, простымъ слогомъ. *Поди*, продолжалъ онъ, обращая ко мнѣ слова Гренадскаго

Архієпископа, поди, скажи моему Казначею, чтобъ онъ выдалъ тебѣ сто тервонныхъ; и съ этими деньгами да управитъ Господь Богъ путь твой! Прощай, господинъ Жилблазъ; желаю тебѣ всякаго блага и нелиного побольше вкуса! — Эта насмѣшка заспавила меня хохотать еще болѣе; и (Фабрицій, проспивъ мнѣ не уваженіе къ его сочиненіямъ, былъ также веселъ, какъ и прежде. Мы опорожнили и другую бутылку; потомъ встали изъ за стола, наѣвши и напившись досыта, и пошли прогуляться въ Прадо; но, идучи мимо лавки, гдѣ продавались лучшіе ликеры, вздумали завернуть туда.

Здѣсь обыкновенно соби-
лось самое веселое общество.
Въ двухъ отдѣльныхъ залахъ
увидѣлъ я кавалеровъ, кошо-
рые проводили время различ-
нымъ образомъ. Въ одной иг-
рали въ карты и шахматы;
а въ другой человѣкъ десятъ
или двѣнадцать слушали съ
великимъ вниманіемъ двухъ
записныхъ ученыхъ, спорив-
шихъ между собою. Мы, и не
подходя къ нимъ близко, мо-
гли слышать, что предме-
томъ ихъ спора была одна
Метафизическая задача; ибо
они говорили съ такимъ жа-
ромъ и остервененіемъ, что
походили совершенно на бѣ-
снующихся. Думаю, если бы

кто поднесъ имъ въ то время подъ носъ кольцо Елеазарово, то изъ ноздрей ихъ выскочили бы черти. — „Боже мой! сказалъ я моему товарищу, какая пылкость, какая твердая грудь! Эти спорщики очень годились бы въ публичные крикуны. Большая часть людей не на своихъ мѣстахъ.“ — Правда твоя, отвѣчалъ онъ, эти рыцари происходятъ конечно отъ Новія, того извѣстнаго Римлянина, котораго голосъ былъ громче стука колесницы. Но, прибавилъ онъ, для меня всего несноснѣе въ ихъ разговорахъ то, что они безъ всякой пользы оглушаютъ слу-

шашелей. — Мы опомши опъ шумливыхъ Метафизиковъ, и шѣмъ избавился я опъ головной боли, которая начинала меня мучить. Съли въ углу другой залы, опкуда, прихлебывая изъ рюмокъ ликеръ, могли видѣть входящихъ и выходящихъ кавалеровъ. Нунецъ зналъ ихъ почти всѣхъ. — „Ну! вскричалъ онъ, сраженіе нашихъ Философовъ кончится еще не скоро! Вотъ явились свѣжія войска. Три человекъ, которые сей часъ вошли, безъ сомнѣнія, вмѣшаются въ ихъ споръ. Но видишь ли двухъ выходящихъ оригиналовъ? Эту маленькую, смуглую, сухощавую фигуру,

у которой гладкіе длинные
 волосы висятъ поравну сза-
 ди и спереди, зовутъ Дономъ
 Іуліаномъ де Виллануно. Это
 молодой Оидоръ, играющій
 ролю пепиметра. Однажды
 пришель я съ однимъ изъ
 моихъ пріятелей къ нему обѣ-
 дашъ. Мы застали его въ до-
 вольно странномъ упражне-
 ніи. Онъ забавлялся, въ сво-
 емъ кабинетѣ, бросая на
 полъ огромное тяжёбое дѣло,
 которое долженъ былъ при-
 готовить къ докладу; боль-
 шая гончая собака приноси-
 ла ему это дѣло въ зубахъ,
 шерзая его изо всей силы.
 Лиценціантъ съ красною ро-
 жею, который идетъ за нимъ,

называется Донъ Херубинъ Тонпо. Онъ Каноникъ соборной Толедской церкви, самое глупое животное въ свѣшѣ. Однакожь, по его веселому и довольному виду можно заключить, будто онъ съ большимъ умомъ. Взоръ у него быстрой, улыбка выразительная и лукавая. Всякой почтеть его за остроумнаго человека. Когда читаютъ при немъ какое нибудь хорошее сочиненіе, онъ слушаетъ со вниманіемъ знакока, и при всемъ томъ ничего не понимаетъ. Онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ нами у Оидора. За столомъ говорено было много остраго и забавнаго. Донъ Херубинъ

молчалъ ; но изъясняясь свое
удовольствіе разными тѣло-
движеніями и кривляньями,
которыя, казалось, превосхо-
дили даже и самыя наши
шутки.“—

— Знаешь ли ты, сказалъ
я Нуннецу, эсихъ двухъ не-
ряхъ, которые, облокотясь
на столъ, разговаривають
пихонько въ томъ углу и
дышуть въ рошъ другъ дру-
гу? — „Нѣтъ, отвѣчалъ онъ,
лица ихъ мнѣ незнакомы; но,
по всему видно, что они по-
лищики кофейныхъ домовъ,
порицающіе Правительство.
Взгляни на эшаго ловкаго
кавалера, который, посви-
сывая, прохаживается по

залъ и качается то на той, то на другой ногъ. Это Донъ Августинъ Морето, молодой стихотворецъ; онъ не безъ дарованій, но льстецы и невѣжды лишили его ума. Человѣкъ, къ которому онъ подходитъ, братъ ему по Аполлонъ. Этотъ поэтъ пишетъ прозаическіе стихи, и также, какъ и тотъ, пораженъ Діаною.“

„Еще сочинители!“—вскричалъ онъ, указывая мнѣ на двухъ вошедшихъ въ лавку человѣкъ со шпагами.— „Кажется, всѣ они сговорились явиться къ тебѣ на смотръ. Ты видишь Дона Бернарда Десленгвадо и Дона Себастіа

на де Вилла Виціоза. Первый, съ умомъ наполненнымъ желчи, естъ авторъ, родившійся подъ созвѣздіемъ Сатурна, человекъ коварный, который находить удовольствіе въ томъ, чтобы ненавидѣть весь свѣтъ, и котораго также никто не любитъ. Что касается до Дона Себастіана, онъ малой откровенный и авторъ добросовѣстный. Недавно играли на театрѣ его комедію, которая имѣла чрезвычайный успѣхъ; онъ отдалъ ее напечатать, чтобы не употреблѣть долѣе во зло уваженія Публики къ его сочиненію.“—

Исполненный Христіянскою любви къ ближнему пишомецъ Гонгоры готовился было продолжать описаніе фигуръ перемѣняющейся въ глазахъ нашихъ картины, какъ служитель Герцога де Медина Сидоніи, вошедъ въ залу, сказалъ ему : „Господинъ Донъ Фабрицій, я вездѣ искалъ васъ: Его Свѣшлости угодно видѣться съ вами. Онъ ожидаетъ васъ у себя.“—Нуннецъ, зная, что желаніямъ вельможи должно удовлетворять немедленно, оставилъ меня въ ту же мину, и пошелъ къ своему Меценату. Я не мало удивился, услышавъ, что его величаютъ *Дономъ*,

и чшо сынъ цырюльника
Хризосптома сдѣлался дворя-
ниномъ.

ГЛАВА XIV.

*Ф а б р и ц і й доставилъ
Жилблазу мѣсто у Гра-
фа Галіано.*

Мнѣ крайне хошѣлось уви-
дѣться съ Фабриціемъ; поче-
му на другой же день по-
шелъ я къ нему очень рано.
„Мое почтеніе, сказалъ я вхо-
дя, господинъ Донъ Фабри-
цій, цвѣтъ, или лучше, грибъ
Астурійскаго дворянства!“
Услышавъ такое привѣтствіе,

онъ захохоталъ.— „Такъ ты замѣтилъ, спросилъ онъ, что меня величаютъ *Дономъ*?“—
 Замѣтилъ, Милоспивый Государь; но позвольте вамъ доложить, что вчера рассказывая мнѣ о вашемъ превращеніи, вы пропустили самое главное обстоятельство.— „Виноватъ; но признаюсь тебѣ, что сталъ называться дворяниномъ не столько для удовлетворенія собственной моей суешности, сколько изъ подражанія тщеславію другихъ. Ты знаешь Испанцевъ: они ни во что ставятъ честнаго человека, когда онъ, по несчастію, не богатъ и не изъ

благородныхъ. При томъ же вижу, что многіе, и Богъ вѣсть, какіе люди называющъ себя Донами Францисками, Донами Педрами и проч. и проч. такъ что, если нѣтъ въ томъ съ ихъ стороны обмана, то ты согласишься, что благородство есть нѣчто весьма обыкновенное, и что простой гражданинъ съ достоинствомъ дѣлаешь ему честь, когда захочешь назвать себя благороднымъ.“

„Но поговоримъ о другомъ, примолвилъ онъ. Вчера за ужиномъ у Герцога де Медина Сидоніи, гдѣ между прочими гостями былъ Графъ

Галіано, знаменитый Сицилійской вельможа, зашла рѣчь о смѣшныхъ дѣйствіяхъ самолюбія. Будучи радъ случаю позабавить собраніе, разсказалъ я повѣсть твою о проповѣдяхъ. Ты можешь себѣ представить, сколько тому смѣялись, и что досталось твоему Архіепископу. Это имѣло для тебя нехудое слѣдствіе: о тебѣ сожалѣли; и Графъ Галіано, послѣ многихъ о тебѣ разспросовъ, на которые отвѣчалъ я, какъ должно, поручилъ мнѣ привести тебя къ нему. Я только что хотѣлъ теперь идти за тобою. Конечно онъ намеренъ взять тебя къ себѣ

въ Секретари. Не совѣшую
 тебѣ пропускать эшаго слу-
 чая. Графъ богашъ, и живетъ
 въ Мадридѣ шакъ пышно,
 какъ Посоль. Говорятъ, что
 онъ пріѣхалъ ко Двору для
 совѣщанія съ Герцогомъ Лер-
 мою о Королевскихъ дохо-
 дахъ, которые Министръ сей
 имѣетъ намѣреніе отдать на
 откупъ въ Сициліи. Словомъ,
 Графъ Галіано, хоша и Сици-
 ліянецъ, но, кажется, щедръ,
 справедливъ и откровененъ.
 Вѣроятно, Графъ есть пошъ
 самый знашый господинъ,
 который, какъ предсказано
 тебѣ въ Гренадѣ, составишъ
 швое счастіе.“

—Мнѣ хотѣлось было, сказалъ я Нуннецу, пошатавшись нѣсколько времени по волѣ и повеселиться прежде, нежели вступлю въ новую службу; но слыша отъ тебя о Графѣ столько хорошаго, охотно оставляю первыя мои мысли. Я желалъ бы уже бытъ въ его домѣ.—„Ты скоро у него будешь, подхватилъ онъ, или я очень обманулся.“—Мы тотчасъ пошли оба къ Графу, который занималъ домъ Дона Санхи Авилы, своего пріятеля, жившаго тогда въ деревнѣ.

Мы увидѣли на дворѣ множество пажей и лакеевъ въ богашой и щегольской ливреѣ,

а въ прихожей конюшихъ, камердинеровъ и другихъ служителей. Всѣ они были одѣты великолѣпно, но имѣли такія странныя хари, что мнѣ показалось, будто вижу предъ собою стаю обезьянъ, одѣтыхъ по Испански. Бывающъ же такія лица, которыхъ никакой уборъ украситъ не можетъ.

Доложили о Донѣ Фабриціѣ; и мы вошли вмѣстѣ въ пріемную. Графъ, въ шлафрокъ, сидѣлъ на софѣ и кушалъ шоколадъ. Мы поклонились ему съ глубочайшимъ почтеніемъ; а онъ отвѣчалъ намъ легкимъ наклоненіемъ головы, съ такимъ пріятнымъ видомъ, что

я потчасъ имъ плѣнился. Удивительное и, при всемъ томъ, обыкновенное дѣйствіе, которое происходитъ въ насъ отъ ласковаго пріема знатныхъ господъ! Тогда только они намъ не понравятся, когда уже слишкомъ грубо насъ примушъ.

Напившись шеколаду, Графъ забавлялся нѣсколько времени съ большою обезьяною, которая около него прыгала, и которую называлъ онъ Купидономъ. Не знаю, для чего дали этому гнусному живошному такое прекрасное имя, развѣ только потому, что оно было также лукаво, какъ и сынъ Кипридинъ; ибо ни-

чѣмъ другимъ на него не по-
 ходило. Не смотря на то,
 обезьяна проказами своими
 сполько веселила своего го-
 сподина, что онъ не спускалъ
 ее съ рукъ. Нуннецъ и я хо-
 тя немного находили удо-
 вольствіа въ прыжкахъ ея,
 однако притворились, будто
 и мы тѣмъ восхищаемся.
 Это очень пріятно было Си-
 циліянцу, который, оставивъ
 на минуту свою забаву, ска-
 залъ мнѣ: „Опъ тебя зави-
 симъ, другъ мой, быть въ
 числѣ моихъ Секретарей. Если
 ты находишь это мѣсто для
 себя выгоднымъ, то я дамъ
 тебѣ жалованья двѣсти пи-
 снолей въ годъ. Довольно и

шого, что Донъ Фабрицій
 мнѣ тебя представилъ и ру-
 чается за швое поведеніе.“—
 Такъ, Ваше Сіяшельство
 —вскричалъ Нуннецъ—я оп-
 важнѣ Плафона: онъ не смѣлъ
 поручиться за одного изъ
 друзей своихъ, котораго оп-
 правлялъ къ Діонисію Тира-
 ну; а я смѣю увѣришь васъ,
 что вы будете довольны мо-
 имъ пріятелемъ.

Я поблагодарилъ поклономъ
 Астурійскаго поэта за его
 обязательную смѣлость. По-
 томъ оборотясь къ моему
 папірону, увѣрялъ его, что бу-
 ду служишь ему съ усердіемъ
 и вѣрностію. Видя, что я
 охотно принимаю его пред-

ложеніе, велѣлъ онъ позвать
своего управителя, съ кошо-
рымъ поговоривъ шихонько,
сказалъ мнѣ: „Жилблазъ, ты
скоро узнаешь, на что я хо-
чу употребить тебя; а те-
перь поди за моимъ управи-
телемъ; ему дано уже о те-
бѣ приказаніе.“— Я повино-
вался и вышелъ, оставя Фа-
бриція съ Графомъ и Купи-
дономъ.

Управитель, самый хит-
рый Мессинецъ, повелъ меня
въ свои покои, осыпая учпи-
воспями. Послалъ за порш-
нымъ, который работалъ на
весь домъ, и велѣлъ ему сдѣ-
лать для меня такое же вели-
кольцное платье, какое было

и на всѣхъ главныхъ служив-
 шеляхъ. Поршной, снявъ съ
 меня мѣрку, вышелъ.— „Что
 касается до того, гдѣ вамъ
 жить, сказалъ Мессинецъ, то
 опведу вамъ такую комна-
 ту, копорою будете доволь-
 ны.... Да завпракали ли вы?“,
 продолжалъ онъ.—Нѣтъ еще,
 опвѣчалъ я.—„Ахъ, Боже мой!
 А вы сами и не скажете!
 Пойдемъ-те со мною: я оп-
 веду васъ въ такое мѣсто,
 гдѣ извольте только спро-
 сить, чего вамъ угодно.“

Онъ повелъ меня въ бу-
 фетную. Тутъ нашли мы
 дворецкаго, родомъ изъ Неа-
 поля, который былъ не луч-
 ше Мессинца: можно сказать

объ немъ и объ управителѣ,
 что они споили другъ дру-
 га. Этотъ честный дворец-
 кой угощалъ пять или шесть
 человѣкъ своихъ пріятелей,
 копорые набивали брюхо вѣп-
 чиною, копченными языками и
 прочимъ соленымъ кушаньемъ;
 а это побуждало ихъ пить
 рюмку за рюмкою. Мы при-
 соединились къ нимъ, и по-
 могли опоражнивать бушыл-
 ки съ самыми лучшими ви-
 нами Его Сіятельства. Меж-
 ду тѣмъ, въ кухнѣ дѣлалось
 почти тоже самое, что и
 въ буфетной. Поваръ подчи-
 валъ троихъ или четверыхъ
 знакомыхъ, копорые пили не
 меньше нашего и нагружали

желудки пирогами, зайцами и рябчиками. Даже самые послѣдніе поваренки и ложко-мои пащили все, что только могли. Мнѣ показалось, что я нахожусь въ домѣ, оставленномъ на расхищеніе. Однако это ничего еще не значишь въ сравненіи съ тѣмъ, что я увидѣлъ въ послѣдствіи.

ГЛАВА XV.

Какую должность поручилъ Жилблазу Графъ Галіано.

Послѣ этаго пошелъ я за своими пожитками, и велѣлъ перенести ихъ на новое мое жилище. Когда я возвратился, Графъ сидѣлъ уже за столомъ со многими знапными особами и позтомъ Нуннецомъ, который кушалъ и говорилъ столь же свободно, какъ и другіе. Я даже замѣтилъ, что всѣ слова его и шушки принимались съ особеннымъ удовольствіемъ. Умъ есть даръ превосходный: съ

умомъ можно представить
изъ себя что хочешь.

Что касается до меня, я
обѣдалъ съ главными служи-
телями, у которыхъ столъ
былъ не хуже господскаго.
Послѣ обѣда отправился я
въ свою комнату, и началъ
размышлять о своемъ поло-
женіи.—,,Ну, Жилблазъ, гово-
рилъ я самъ себѣ, ты те-
перь у Сицилійскаго Графа,
котораго нравъ тебѣ еще не
извѣстенъ. Судя по наруж-
ности, ты будешь здѣсь,
какъ рыба въ водѣ. Но какъ
можно вѣришь наружности?
И можешь ли ты полагасть-
ся на счастіе, котораго вѣ-
роломство испыталъ столько

разъ? При томъ же не знаешь, къ чему Графъ прочишь тебя. Секретари у него есть, управитель тоже: какихъ же услугъ отъ тебя онъ потребуетъ? Повидимому хочешь вручить тебѣ жезлъ Меркурія. Охотно радъ принять его. Нѣтъ легче и выгоднѣе этой должности при знающемъ господинѣ. Лучше скакать на почтовыхъ къ Фортунѣ, чѣмъ брести пѣшкомъ и, можетъ быть, еще сбиться съ дороги.“—

Между тѣмъ какъ я углублялся въ столь основательныя размышленія, вошелъ ко мнѣ лакей сказать, что всѣ гости разъѣхались, и что

Его Сіяшельство перебуєть
меня къ себѣ. Я топчасть
побѣжалъ къ нему; онъ ле-
жалъ на софѣ и только что
расположился ошдохнуть со
своею обезьяною, которая
была при немъ неоплучно.

„Подойди поближе, Жил-
базъ, сказалъ онъ; сядь и
выслушай меня.“—Я сѣлъ; а
онъ началъ говорить слѣдую-
щее: „Донъ Фабрицій, исчи-
сляя мнѣ всѣ похвальныя швои
качества, увѣрялъ меня въ
искренней твоей привязан-
ности къ господамъ и въ при-
мѣрномъ безкорыстіи. Эти
два обстояшельства заста-
вили меня предложить тебѣ
у себя мѣсто. Мнѣ нуженъ

вѣрный человекъ, который берегъ бы мое добро, какъ свое собственное. Правда, я богатъ; но расходы мои всякой годъ превyšають приходы. А отъ чего? Отъ того, что меня обманываютъ, грабятъ. Я въ моемъ домѣ, какъ въ лѣсу, наполненномъ разбойниками. Подозрѣваю, что у меня управитель и дворецкой мошенничаютъ за-одно; и если подозрѣнія мои справедливы, то уже эшаго и довольно для совершеннаго моего разоренія. Ты скажешь, что когда почишаю ихъ за бездѣльниковъ, то споить мнѣ только согнать ихъ со двора. Хорошо; да гдѣ же

взяшь другихъ честнѣе? И такъ мнѣ хочется, чшобы за шѣмъ и другимъ присматривалъ такой человекъ, который бы имѣлъ власть надъ ними; и я избираю тебя къ исполненію эшаго порученія. Если исполнишь его, какъ должно, то будь увѣренъ, что окажешь услугу не неблагодарному. Я постараюсь доставить тебѣ въ Сициліи самое выгодное мѣсто.“

Сказавши это, онъ оппустилъ меня; и въ томъ же вечеръ, передъ всѣми служителями, провозглашенъ я былъ главнымъ управителемъ въ его домѣ. Мессинецъ и Неаполишанецъ сперва шѣмъ не

оскорбились, потому что я казался имъ малымъ сговорчивымъ; и они надѣялись, что дѣлясь со мною, могушъ поступать по старому. Но на другой же день увидѣли, что очень обманулись: я объявилъ имъ, что не могу терпѣть никакихъ плушней. Опъ дворецкаго потребовалъ росписи съѣспнымъ припасамъ. Осмотрѣлъ погребъ. Освидѣтельстввовалъ все, что ни было въ буфетѣ, то еспъ, серебряную посуду, столовые приборы и бѣлье. Потомъ увѣщевалъ ихъ обоихъ беречь господское добро, ничего не трашить понапрасну; и кончилъ увѣщаніе моее кляшвою;

что непременно увѣдомлю
Графа, когда примѣчу за ни-
ми какія нибудь шалости.

Это еще не все. Мнѣ за-
хотѣлось имѣть у себя шпи-
она, чѣобы знать, подлинно
ли была между ними спачка.
Для эшаго избралъ я одного
поваренка, который, поло-
жась на мои обѣщанія, раз-
сказалъ мнѣ все, что ни дѣ-
лалось въ домѣ; что деорец-
кой и управитель плушуютъ
за одно, и жгутъ свѣчу съ
обоихъ концовъ; что воруютъ
всякой день половину съѣс-
ныхъ запасовъ, которые по-
купаются для дома; что Не-
аполишанецъ содержишь лю-
бовницу, для которой нани-

маешь квартиру противъ
 Училища Св. Ѳомы; а у Мес-
 синца на содержаніи другая
 близъ воротъ Солнца; что
 шотъ и другой посылають
 каждое утро къ своимъ Ним-
 фамъ всякіе припасы; что
 поваръ также отправляетъ
 самыя лучшія кушанья къ
 одной вдовѣ, живущей по со-
 сѣдству; и что въ награду
 за услуги и преданность уп-
 равишелю и дворецкому, рас-
 полагаетъ винами господска-
 го погреба; наконецъ, что
 эти три служителя причи-
 ною, что у Графа исходятъ
 такое множество денегъ.—
 „Если вы мнѣ не вѣрите,
 прибавилъ поваренокъ, то по-

прудитесь придти сами завтра ушпромъ, часу въ седьмомъ, къ Училищу Св. Ѳомы; вы увидите, какую я понесу корзину и что въ ней будетъ.“—Такъ ты, спросилъ я его, повѣреннымъ у эшихъ влюбленныхъ поспавщиковъ? „Меня, отвѣчалъ онъ, посылаетъ дворецкой; а другаго изъ моихъ товарищей управитель.“

На другой день, изъ любопытства, вышелъ я въ назначенное время къ Училищу Св. Ѳомы. Не долго ждалъ я своего шпиона: скоро показался онъ съ огромною корзиною, наполненною мясомъ разнаго рода, дворовыми пше-

цами и дичиной. Я пере-
 смотрѣлъ все и внесъ въ за-
 писную свою книжку, чтобъ
 показать Графу; а поваренку
 велѣлъ исполнить порученіе
 по обыкновенію.

Сицилійской господинъ, бу-
 дучи весьма вспыльчивъ опъ
 природы, хошѣлъ было въ
 первомъ жару согнать со
 двора Неаполистанца и Мес-
 синца; но, подумавъ немно-
 го, отпустилъ только по-
 слѣдняго, и поручилъ мнѣ
 его должность. И такъ я
 недолго былъ главнымъ упра-
 вляющимъ; да правду сказать,
 и не жалѣлъ о томъ; ибо въ
 самомъ дѣлѣ, это было одно
 почетное званіе шпиона, ни

какой прибыли не приносящее; а сдѣлавшись просто управителемъ, имѣлъ я у себя на рукахъ деньги, что несравненно лучше пустого шила. Управитель въ большомъ домѣ и безъ того почитается первымъ изъ служителей: съ этою должно-стью соединено столько вы-годъ, что умной человѣкъ и безъ грѣха можешь шутъ довольно понажишься.

Неиспощимый въ хитро-стяхъ Неаполипанецъ, видя, что я всякое утро осматриваю покупаемые имъ припасы и веду всему счетъ, пересталъ опускать на сторону; но закупалъ, какъ и

прежде, по же самое количество. Такимъ образомъ получая всѣ остатки отъ стола, копорые по праву ему принадлежали, онъ могъ посылать къ своей любовницѣ по крайней мѣрѣ гошное кушанье, когда уже нельзя было снабжать ее съѣсными припасами. Словомъ, бездѣльникъ не терялъ шутъ ничего, а Графъ нимало не выигривалъ, имѣя у себя Феникса изъ всѣхъ управителей. Чрезвычайное изобиліе, копорое замѣшилъ я въ столѣ, заставило меня догадаться о новой хитрости дворецкаго, и я топчасъ убавилъ излишекъ отъ вся-

каго кушанья; однакожь во всемъ этомъ распорядился такъ искусно, что тупъ не видно было ни малѣйшей скупости. Всякой бы изъ постороннихъ сказалъ, что въ нашемъ домѣ существуетъ тоже самое изобиліе; но на самомъ дѣлѣ расходы значительно были сокращены. Эшаго-то и желалъ мой господинъ; ему хотѣлось жить великолѣпно, и неслишкомъ много издерживать: скупость его подчинена была тщеславію.

Мнѣ надлежало искоренить еще другое злоупотребленіе. Я нашель, что напиво въ исходило очень много. Ког-

да случилось за столомъ у Графа, напрымѣръ, человекъ двѣнадцать госшей, то выходило вина бутыллокъ пятьдесятъ, а иногда и до шестидесяти. Это было для меня не понятно. Не сомнѣваясь, чтобъ не было шутъ плутовства, я прибѣгнулъ опять къ моему оракулу, то есть, къ поваренку, съ которымъ часто имѣлъ тайныя сношенія, и который вѣрно пересказывалъ мнѣ все, что ни говорилось и что ни дѣлалось на кухнѣ, гдѣ не имѣли на него никакого подозрѣнія. Онъ открылъ мнѣ, что чрезвычайный расходъ въ винахъ, на который я

жаловался, происходить отъ новаго заговора между дворецкимъ, поваромъ и официантами; что сіи послѣдніе уносятъ со стола едва почашья бутылки, которыя дѣлятся потомъ бражки между всѣми заговорщиками. Я сдѣлалъ сстрожайшій выговоръ официантамъ и грозилъ, что сгоню ихъ со двора, если не перестанутъ плутовать; а эшаго и довольно было для ихъ исправленія. Господинъ мой, которому сказывалъ я обо всемъ, что ни дѣлалъ для сбереженія добра его, осыпалъ меня похвалами, и день ото дня становился ко мнѣ благо-

склоннѣе. Я, съ своей стороны, въ награду за оказанныя мнѣ поваренкомъ услуги, произвелъ его въ помощники кухмистера.

Неаполишанецъ бѣсился, что я не давалъ ему нигдѣ запускить лапу; а пуще всего досаждали ему выговоры, которые онъ принужденъ былъ слушать отъ меня всякой разъ, какъ только подавалъ мнѣ свои счета. Чтوبъ пресѣчь ему всѣ способы къ плутовству, не лѣнился я самъ ходить на рынокъ и освѣдомляться тамъ о цѣнѣ съѣстныхъ припасовъ; такъ что, когда онъ послѣ того являлся ко мнѣ

со своими покупками и прибавлялъ, по обыкновенію, ко всему цѣны, но всегда получалъ отъ меня жесточайшіе упреки. Я былъ очень увѣренъ, что онъ по крайней мѣрѣ сто разъ на день проклиналъ меня; но я не спрашивался неправедныхъ проклятій. Не знаю, какъ могъ онъ сносить отъ меня такія гоненія, и не оставилъ службы Графской: безъ сомнѣнія, не смотря на всѣ мои предосторожности, находилъ онъ еще свои выгоды.

Фабрицій, съ которымъ я иногда видался, и которому рассказывалъ о всѣхъ моихъ подвигахъ, неслыханныхъ до-

полъ между управителями,
 болѣе порицалъ, нежели одоб-
 рялъ мои поступки. — „Дай
 Богъ, сказалъ онъ мнѣ од-
 нажды, чѣмъ послѣ всего
 этаго безкорыстіе твое на-
 граждено было достойнымъ
 образомъ! Но, между нами
 сказать, я думаю, ты ниче-
 го не потерялъ бы, если бы
 и не такъ строго поступалъ
 съ дворецкимъ.“ — Какъ? —
 возразилъ я, этакъ бездѣль-
 никъ будешь ставить на
 счетъ десять пистолей за
 такую рыбу, которая сто-
 итъ ему не болѣе чепырехъ,
 и ты хочешь, чѣмъ я мол-
 чалъ! — „Для чегожь и не такъ?
 ошвѣчалъ онъ хладнокровно:

лишь бы онъ дѣлился съ тобою, шакъ и все будетъ въ порядкѣ. Повѣрь мнѣ, другъ мой, продолжалъ онъ, качая головою, ты все порпишь, и намѣренъ, кажется, еще долго бышь слугою, пошому что не умѣешь пользоваться случаемъ, имѣя его въ рукахъ. Знай, что Фортуна подобна тѣмъ вѣтреннымъ кокешкамъ, которыя всегда ускользаютъ отъ робкихъ любовниковъ.“ —

Я только лишь смѣялся наставленіямъ Нуннеца. Онъ и самъ началъ смѣяться, и хотѣлъ увѣрить меня, что говорилъ все это въ шутку: онъ стыдился, что подавалъ

худой совѣтъ безъ всякой
пользы. Я оспался при сво-
емъ намѣреніи быть всегда
ревностнымъ и вѣрнымъ у-
правителемъ; и смѣю ска-
зать, что въ чешыре мѣся-
ца принесъ моею экономіею
Графу прибыли по крайней
мѣрѣ три тысячи червон-
ныхъ.

ГЛАВА XVI.

*Какое несчастіе случи-
лось съ обезьяною Графа
Галіано; сколько пегалил-
ся о томъ сей господинъ.
Жилблазъ занемогъ; слѣд-
ствія его болѣзни.*

Около сего времени, ши-
шина, царствовавшая въ до-
мѣ, возмущена была стран-
нымъ случаемъ, который по-
кажется чиншателью мало-
важнымъ, но который надѣ-
лалъ много непріятностей
служителямъ, а особенно мнѣ.
Купидонъ, упомянутая мною
выше обезьяна, это живош-
ное, столь нѣжно любимое

нашимъ господиномъ, взду-
мавъ однажды перепрыгнуть
съ одного окна на другое;
сдѣлало такой неудачный
скачокъ, что упало на дворъ
и вывихнуло себѣ ногу. Лишь
только Графъ узналъ объ
этомъ несчастіи, то поднялъ
такой шумъ, что перепугалъ
сосѣдей, и въ отчаяніи чуть
было не согналъ со двора
всѣхъ своихъ служителей.
Однако удовольствовалъ серд-
це свое только тѣмъ, что
проклиналъ наше несмотрѣ-
ніе за Купидономъ и ругалъ
насъ безъ пощады. Немедлѣн-
но послалъ онъ за самыми
искуснѣйшими въ Мадридѣ
Хирургами. Они осмошрѣли

вывихнутую ногу, вправили ее и перевязали. Хоша всѣ они увѣряли, что не будешь никакихъ худыхъ послѣдствій, однако господинъ мой оставилъ одного изъ нихъ у себя въ домѣ, чѣмъ онъ неоплучно находился при обезьянѣ до совершеннаго ея выздоровленія.

Не лзя умолчать о безпокойствѣ и попеченіяхъ Графа во все это время. Повѣряишь ли, что весь день не отходилъ онъ отъ любезнаго своего Купидона? При немъ всегда перевязывали ему ногу; а ночью вспавалъ онъ два или три раза поглядѣть, что съ нимъ дѣлается. Всего

несноснѣе было по, что всѣ
служившiе, не исключая и ме-
ня, должны были не спать
и ожидать приказанiя бѣ-
жать куда нибудь для услугъ
обезьяны. Словомъ, никто въ
домъ не зналъ покою до тѣхъ
поръ, пока проклятое жи-
вотное не спало прыгать и
скакать по прежнему. Послѣ
этого кто не повѣритъ по-
вѣствованiю Светонiя о Ка-
лигулѣ, который столько лю-
билъ своего коня, что опре-
дѣлилъ ему богато убранный
домъ со всею прислугою и
хотѣлъ даже сдѣлать его
Консуломъ? Господинъ мой не
меньше былъ плѣненъ своею
обезьяною; онъ охотно по-

жаловаль бы ее въ Корре-
жидоры.

Болѣе всѣхъ пострадалъ я
при этомъ случаѣ. Желая
оказать свое усердіе госпо-
дину предъ прочими служи-
телями, я столько забошил-
ся о его Куцидонѣ, что
самъ отъ того занемогъ и
получилъ жестокую горячку,
кошорая до того усилилась,
что я вовсе лишился памя-
ти. Не знаю, что дѣлали со
мною въ печеніи двухъ не-
дѣль, когда я находился меж-
ду жизнью и смертію: знаю
только, что молодость моя
боролась столь удачно съ го-
рячкою, а можетъ быть и
съ лѣкарствами, какія мнѣ

давали, что наконецъ я опамятовался. Прежде всего примѣшилъ, что лежу не въ своей горницѣ. Хочу знать тому причину; спрашиваю сестру, которая сидѣла подлѣ моей постели; но она мнѣ отвѣчаетъ, чтобы я молчалъ; что лѣкаръ именно запретилъ мнѣ говорить. Въ здоровомъ состояніи обыкновенно смѣемся мы надъ лѣкарями, а въ болѣзни безпрекословно повинуемся ихъ предписаніямъ.

И такъ принужденъ я былъ молчать, сколько ни хотѣлось мнѣ поговорить съ моею приставницею. Когда я еще размышлялъ о томъ, во-

шли ко мнѣ въ комнату какіе-то два щеголя въ бархатныхъ кафшанахъ, съ самыми тонкими кружевными манжетами. Я вообразилъ, что это были знатные господа, пріятели моего господина, которые, изъ уваженія къ нему, пришли навѣспишь меня. Въ такой мысли, я собрался съ силами, чтобы привсѣсть, и скинулъ изъ почтенія колпакъ; но прислѣзница моя принудила меня лечь по прежнему, сказавъ, что одинъ изъ этихъ господъ есть мой Докторъ, а другой Аптекарь.

Докторъ подошелъ ко мнѣ, пощупалъ пульсъ, поглядѣлъ

и дѣйствительно узналъ, что около мѣсяца находяшся онъ въ Андалузїи съ Герцогомъ де Медина Сидонїа.

Въ одно утро, лишь только я проснулся, пришелъ мнѣ на умъ Мельхіоръ де ла Ронда; и вспомнивъ, что я еще въ Гренадѣ, обѣщаль ему сыскашь его племянника, когда буду въ Мадридѣ, вздумалъ исполнить свое обѣщаніе въ тотъ же самый день. Освѣдомившись, гдѣ домъ Дона Балпазара де Цуниги, пошелъ я туда немедленно. Спросилъ господина Іосифа Наварро, который явился черезъ минушу. Я поклонился ему; онъ принялъ меня

учтиво, но холодно, хопя я и сказалъ ему свое имя. Я не могъ согласить споль су-
хаго приѣма съ описаніемъ,
сдѣланнымъ мнѣ объ этомъ
дворецкомъ, и хопѣлъ было
уже идти домой съ швер-
дымъ намѣреніемъ не быть
у него другой разъ, какъ онъ,
принявъ вдругъ на себя видъ
пріятный и веселый, сказалъ
мнѣ съ живоспью: „Ахъ! го-
сподинъ Жилблазъ де Сан-
тиллана, извините, что я
васъ такъ принялъ! Плохая
память моя шому причиною:
я озабылъ ваше имя; у ме-
ня изъ ума вышелъ шопъ
кавалеръ, о копоромъ писали
ко мнѣ изъ Гренады, назадъ

тому болѣе чешырехъ мѣся-
цовъ.“

„Позвольте васъ обнять!“—
прибавилъ онъ , бросясь съ
восторгомъ ко мнѣ на шею.—
„Дядя мой, Мельхіоръ, ко-
шораго люблю и почишаю,
какъ опца, пишемъ ко мнѣ,
чшобъ я, когда случай дове-
дешъ имѣшь честь увидѣшь-
ся съ вами, принялъ васъ,
какъ собспвеннаго его сына,
и употребилъ, если нужно
будешъ, на пользу вашу кре-
дешъ мой и моихъ пріятель-
лей. Онъ выхваляетъ мнѣ
ваше сердце и вашъ разумъ
въ такихъ выраженіяхъ, чшо
я не отказался бы служить
вамъ и безъ его приказанія.

И такъ прошу почиташь меня за шакого челоуѣка, которому дядя мой сообщилъ собственныя свои къ вамъ чувствованія. Предлагаю вамъ мою дружбу; не откажишѣ мнѣ въ вашей.“

Я отвѣчалъ господину Иосифу изъясненіемъ благодарности, какой учтивость его ошъ меня прѣбовала; и мы оба, какъ молодые и откровенные люди, тотчасъ между собою подружились. Я открылъ ему положеніе дѣлъ своихъ. Выслушавъ меня, сказалъ онъ, не запинаясь: „Я беру на себя сыскашъ вамъ мѣсто; а между тѣмъ приходите сюда кушашъ всякой

Я велѣлъ пошчасъ выбро-
силь за окно проклятое лѣ-
карство, прошивъ котораго
столько былъ предубѣжденъ,
что почелъ бы себя отпра-
вленннымъ, если бы его при-
нялъ. Къ этому послушанію
прибавиль я еще другое: пре-
рвалъ молчаніе, и швердымъ
голосомъ сказалъ моей при-
ставницѣ, чтобъ она увѣдо-
мила меня непременно о мо-
емъ господинѣ. Старуха, боясь
удовлетвореніемъ моего жела-
нія возбудить во мнѣ опас-
ное движеніе, или упрямясь,
можетъ быть, нарочно для
продолженія моей болѣзни,
не хотѣла говорить; однако
и присталъ къ ней такъ,

что она принуждена была наконецъ сказать: „Господинъ кавалеръ, вы ни отъ кого теперь не зависите; Графъ Галіано уѣхалъ обратно въ Сицилію.“

Я не могъ вѣришь тому, что слышалъ; однако это была сущая правда. Его Сія-тельство, на другой же день моей болѣзни, опасаясь, чтобы я не умеръ въ его домѣ, имѣлъ столько человеколюбія, что приказалъ перенести меня съ моими пожитками въ наемную каморку, въ которой, безъ дальнихъ околичностей, оставилъ меня моей судьбѣ и попеченіямъ присланицы. Между тѣмъ,

получивъ ошъ своего Двора повелѣніе возвратишься въ Сицилію, уѣхалъ онъ съ такою поспѣшностью, что и не подумалъ обо мнѣ, попому ли, что почиталъ меня умершимъ, или потому, что знатныя особы весьма забывчивы въ подобныхъ случаяхъ.

Сіи подробности сообщила мнѣ моя приставница, и объявила, что она сама призвала Доктора и Аптекаря, чтобъ я не умеръ безъ ихъ помощи. Послѣ столь пріятныхъ новостей погрузился я въ глубокую задумчивость. Прощай выгодное мѣсто въ Сициліи! Прощайте мои сладкія надежды! . . . „Когда слу-

чится съ вами какое нибудь несчастіе, сказалъ одинъ Папа, но разсмотрише себя хорошенько, и вы увидите, что сами нѣсколько въ шомъ виноваты. — Воля твоя, святой отецъ; но не могу понять, какимъ образомъ способствовалъ я въ этомъ случаѣ моему несчастію.

Когда я увидѣлъ, что десныя мечшы, наполнявшія доселѣ мою голову, исчезли, то прежде всего пришелъ мнѣ на умъ мой чемоданъ, который велѣлъ я положить себѣ на постелю, чтобы осмотрѣть его. Я вздохнулъ, примѣтивъ, что онъ развязанъ. „О! мой милой

чемоданъ, вскричалъ я, един-
 сшвенное мое утѣшеніе! Ты
 былъ, какъ я вижу, въ ру-
 кахъ иноплеменныхъ!“—Нѣтъ,
 нѣтъ, господинъ Жилблазъ,
 сказала мнѣ спаруха, успо-
 койшесь. У васъ ничего не
 украдено: я сохранила вашу
 чемоданъ, какъ собственную
 честь мою.—

Я нашелъ въ немъ плащъ,
 которое было у меня еще
 до вступленія въ службу къ
 Графу; но напрасно искалъ
 того, которое сдѣлалъ мнѣ
 Мессинецъ: господинъ мой не
 разсудилъ мнѣ его оставить,
 или кто нибудь другой себѣ
 его присвоилъ. Прочія мои
 вещи были всѣ въ чемоданѣ,

и даже большой кожаной кошелекъ съ деньгами, копорыя пересчиталъ я два раза; ибо съ перваго раза не могъ повѣришь, что осталось только пятьдесятъ писюлей отъ двухъ сотъ шестидесяти, сколько было до моей болѣзни.—,,Что это значитъ, бабушка?—сказалъ я моей приставницѣ. Казна моя ужасно уменьшилась.“—Никто кромѣ меня до нее не допрогивался, отвѣчала старуха; и я берегла ее, сколько было можно. Но болѣзнь требуетъ издержекъ: деньги поминутно надобны. Вотъ, прибавила эта добрая экономка, вынимая связку бумагъ изъ кар-

мана, вошъ счетъ, копорый чище золота; вы изъ него увидише, что ни одной копѣйки не испрашила я попустому.—

Я пробѣжалъ глазами эшотъ счетъ, копорый занималъ пятнадцать или двадцать страницъ. Боже милосердый! Сколько накуплено для меня цыплятъ въ то время, какъ я лежалъ безъ памяти! На одни бульоны вышло по крайней мѣрѣ двѣнадцать писполой; всѣ прочіе расходы сошвѣтствововали эшому. Нельзя не подивиться, сколько она издержала на дрова, на свѣчи, на воду, на мешлы, и шому подобное. Впрочемъ,

какъ ни безсовѣстенъ былъ
 ея счетъ, однако вся сумма
 не превышала и тридцати
 пистолей; слѣдовательно над-
 лежало еще оставаться око-
 ло ста восьмидесяти. Я объ-
 яснилъ это старухѣ; но она
 съ видомъ чистосердечія на-
 чала призывать всѣхъ свя-
 тыхъ во свидѣтели, что на-
 шла въ кошелькѣ только во-
 семьдесятъ пистолей, когда
 Графской дворецкой принесъ
 къ ней мой чемоданъ.— „Что
 ты говоришь, бабушка?— не-
 вольно прервалъ я рѣчь ея;
 такъ это дворецкой отдалъ
 тебѣ мои вещи на руки?“—
 Точно такъ, отвѣчала она;
 и отдавая сказалъ мнѣ: возьми,

спарушка ; когда господинъ Жилблазъ закроетъ глаза , похорони его съ чесшію ; въ эшомъ чемоданѣ найдешь сколько нужно на всѣ раскоды.—

„ Ахъ , проклятый Неаполитанецъ !—вскричалъ я. Теперь я догадываюсь , куда дѣвались мои деньги : ты ихъ присвоилъ себѣ въ вознагражденіе той части кражи , до кошорой я себя не допускалъ.“—Послѣ такого восклицанія благодарилъ я Небо за то, что бездѣльникъ не все у меня похишилъ. Хотя и имѣлъ я причину обвинять дворецкаго , однако не могъ не подозрѣвать

и приспавницу. Подозрѣнія мои падали то на одного, то на другую; но для меня было все равно. Старухъ не подалъ я нимаѣйшаго о томъ виду, не спорилъ даже съ ней объ ея счетѣ. Да чтобы я эшимъ и выигралъ? Всякой пользуется случаемъ и знаетъ свое ремесло. И такъ ограничилъ я мое мщеніе шѣмъ, что заплашивъ ей за труды, черезъ три дни опустшилъ ее опъ себя.

Безъ сомнѣнія пошла она опъ меня прямо къ Апшекарю, и дала ему знать, что здоровье мое позволяешъ мѣ, не расплашившись съ нимъ, выбрапъся изъ города;

ибо минуто спустя вошелъ онъ ко мнѣ запыхавшись. Подалъ счетъ, въ которомъ подъ названіями, мнѣ неизвѣстными (хотя и я бывалъ лѣкаремъ) изчислены были всѣ лѣкарства и медикаменты, принятыя будто бы мною въ то время, когда я лежалъ безъ чувствъ. Этотъ счетъ былъ настоящій, что называется, Аптекарской. И такъ мы довольно между собою поспорили, когда дѣло пришло къ расплатѣ. Я настаивалъ, чтобъ онъ сбавилъ половину требуемой цѣны; а онъ клялся, что не уступитъ ни полушки. Разсудя однакожь, что имѣетъ дѣло

съ человѣкомъ , который въ
 топъ же день можешъ оста-
 вить Мадридъ , онъ согла-
 сился лучше удовольствоваться
 шѣмъ , что я предлагалъ
 ему , то есть , взять впрое
 больше того , чего стоили
 его лѣкарства , нежели всего
 лишиться . Къ величайшему
 моему сожалѣнію отсчиталъ
 я ему деньги , и онъ вышелъ
 отъ меня , будучи щедро воз-
 награжденъ за небольшую до-
 саду , которую я причинилъ
 ему при первомъ нашемъ сви-
 даніи .

За нимъ явился топчасъ
 Докторъ : эти люди не от-
 спають другъ отъ друга . Я
 разчелся съ нимъ въ визи-

пахъ, которые были доволь-
но часты, и оппустилъ его
довольнымъ. Въ доказатель-
ство, что взялъ деньги не
даромъ, описалъ онъ мнѣ
смертельные припадки, ко-
торые ошвратилъ въ моей
болѣзни; объяснялъ мнѣ все
пыщными словами и съ прі-
ятнымъ видомъ; но я ничего
не понималъ. Развязавшись съ
нимъ, думалъ я, что изба-
вился уже отъ всѣхъ помощ-
никовъ Парки; однакожь об-
манулся: ко мнѣ вошелъ Ль-
каръ, котораго я съ роду не
видывалъ. Онъ поклонился
мнѣ очень учтиво, и изъ-
явилъ радость, что видишь
меня въ опасности. Чудес-

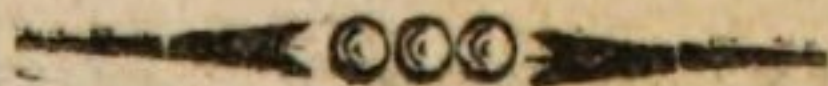

ное избавленіе мое отъ смерти, по словамъ его, должно было приписатьъ тому, что онъ два раза пустилъ мнѣ надлежащую мѣру крови, и что имѣлъ честь накидывать мнѣ на животъ горшки. Нечего было дѣлать—заплашилъ пошлину и Лѣкарю. Послѣ столь многихъ очистительныхъ кошелекъ мой сдѣлался такъ слабъ, что можно было сравнить его съ изсохшимъ тѣломъ: столь мало осталось въ немъ жизненной силы!

Я началъ приходить въ уныніе, увидѣвъ себя опять въ бѣдномъ положеніи. У послѣднихъ господъ моихъ при-

выкъ я жишъ въ изобиліи ;
 и не могъ пеперь смотрѣтъ
 на бѣдность , какъ прежде,
 глазами Циника. Признаюсь
 однако , что предавался го-
 респи несправедливо. Испы-
 тавъ столько разъ, что Фор-
 туна , не успѣвая меня низ-
 вергнувъ , опять скоро воз-
 вышала, я долженъ бы былъ
 почитать прискорбное со-
 стояніе , въ которомъ нахо-
 дился , за случай близкій къ
 счастію.

ЖИЛБЛАЗЪ
ДЕ
САНТИЛЛАНА.

КНИГА ОСЬМАЯ.

ГЛАВА I.

Жилблазъ сводитъ хорошее знакомство, и находитъ мѣсто, которое заставляетъ его забыть неблагодарность Графа Галиано. Исторія Дона Валеріо де Луны.

Я удивлялся, что во все это время не слыхалъ ничего о Нуннецъ, и думалъ, что его не было въ городъ. Какъ скоро собрался съ силами, то пошелъ къ нему,

мнѣ въ лице, и, примѣшивъ
 всѣ знаки скорого выздоров-
 ленія, принялъ на себя пор-
 жеспвенный видъ, какъ буд-
 то бы по его милоспи мнѣ
 спало легче, и сказалъ, что
 надобно дать мнѣ еще одно
 лѣкарство, и когда я приму
 его, то онъ можетъ похва-
 литься, что спасъ человека
 отъ смерти. Тутъ продик-
 товалъ онъ Аптекарю ре-
 цептъ, смотрясь всминутно
 въ зеркало, поправляя свою
 прическу и дѣлая такіа гри-
 масы, что я, не смотря на
 состояніе, въ которомъ на-
 ходился, не могъ удержаться
 отъ смѣха. Наконецъ, кив-
 нувъ мнѣ головою, вышелъ,

будучи занятъ гораздо болѣе собою, нежели прописаннымъ для меня лѣкарствомъ.

По выходѣ его, Аптекарь, который не даромъ посѣтилъ меня, приготовился къ исправленію своего дѣла. Опасаясь ли, что старуха не можешь исполнить надлежащимъ образомъ столь важнаго препорученія, или желая придать болѣе цѣны своему искусству, рѣшился онъ дѣйствовать самъ; но при всей его ловкости—какъ уже это сдѣлалось, не знаю — только что операція кончилась, я, обративъ на оператора все, что онъ сообщилъ мнѣ, привелъ бархатной его

кафтанъ въ самое жалкое состояніе. Случай сей принялъ онъ за обыкновенное несчастіе, неразлучное съ ремесломъ его; взялъ салфетку, обтерся, не говоря ни слова, и ушелъ въ швердомъ намѣреніи взыскать съ меня по крайней мѣрѣ вдвое, нежели сколько заплащивъ за выводъ пашень на своемъ кафтанѣ.

На другой день по утру пришелъ онъ опять, одѣвшись поскромнѣе, хотя и нечего уже было ему опасаться. Онъ принесъ мнѣ лѣкарство, прописанное Докторомъ накануне. Кромѣ того, что я чувствовалъ себя часъ отъ

часу лучше, получилъ со вче-
 рашняго дня такое опшвра-
 щеніе къ Лѣкарямъ и Апше-
 карямъ, что проклиналъ даже
 Университеты, гдѣ эши го-
 спода получаютъ право мо-
 рить людей, не боясь нака-
 занія. Въ такомъ расположе-
 ніи, я клятвенно объявилъ,
 что не хочу болѣе при-
 нимать лѣкарства, и посылалъ
 Иппократа со всей его сви-
 тою къ чорту. Апшекаръ,
 ни мало не заботясь о томъ,
 какое употребленіе сдѣлаю я
 изъ его соснава, лишь поль-
 ко бы за него было заплаче-
 но, оспавилъ лѣкарство на
 столѣ, и вышелъ, не сказавъ
 мнѣ ни слова.

день; вы найдете здѣсь споль
лучше, чѣмъ въ пракширѣ.
Такое предложеніе очень прі-
ятно было, чловѣку выздо-
равливающему, неимѣющему
денегъ, и привыкшему къ ро-
скошной жизни. Я принялъ
оное съ радостью, и такъ
хорошо поправился въ этомъ
домѣ, что черезъ двѣ недѣ-
ли сдѣлался не хуже Бернан-
динскаго монаха. Мнѣ пока-
залось, что племянникъ Мель-
хіоровъ порядочно наживался;
да какъ и не наживаться?
Онъ имѣлъ къ тому при-
способа, то есть, отправлялъ
въ одно время при должно-
сти, а именно: ключника,
главнаго начальника надъ

кухнею и дворецкаго. При всемъ томъ, дружба въ спорону, управитель и онъ жили весьма согласно.

Я совершенно выздоровѣлъ, и когда пришелъ однажды, по обыкновенію, въ домъ Цуниги обѣдать, другъ мой Іосифъ, встрѣшивъ меня съ веселымъ видомъ, сказалъ : „Господинъ Жилблазъ, я могу предложить вамъ очень хорошее мѣсто. Герцогъ Лерма, первый Министръ Испанскаго Двора, посвятивъ себя безъ изъятія дѣламъ Государственнымъ, попеченіе о своихъ собственныхъ возложилъ на двухъ особъ. Собирашь доходы поручилъ онъ

Дону Діего Монпезеру, а вѣсти расходъ Дону Родригецу Кальдерону. Эти два любимца отправляющъ свои должности съ неограниченною властію, и не зависящъ другъ отъ друга. Донъ Діего имѣетъ при себѣ обыкновенно двухъ управителей, копорымъ порученъ денежный сборъ; и какъ я провѣдалъ нынче по ушу, что онъ сослалъ отъ себя одного изъ нихъ, то и просилъ его дать это мѣсто вамъ. Господинъ Монпезеръ, зная и, могу сказать, любя меня, обѣщаль исполнишь мою просьбу, и уважилъ свидѣтельство мое о вашихъ качествахъ и способностяхъ.

Мы пойдёмъ къ нему сегодня послѣ обѣда.“

Мы такъ и сдѣлали. Я былъ принятъ очень ласково, и утверждёнъ въ должности оппущеннаго управителя. Должность сія состояла въ осмотрѣ опданныхъ на опкупъ земель, въ произведеніи по нимъ нужныхъ поправокъ, и въ сборѣ съ опкупщиковъ денегъ ; словомъ , я входилъ во всѣ распоряженія по деревнямъ Министра, и предсавлялъ опчеты Дону Діего, который разсматривалъ ихъ съ великимъ вниманіемъ. Эшаго-шо я и желалъ : хошя за безкорыстіе мое и худо заплачено было у послѣдняго

моего господина; но я рѣшился быть всегда вѣрнымъ.

Однажды узнали мы, что въ замкѣ Лермъ сдѣлался пожаръ, и больше половины строенія обратилось въ пепелъ. Я тотчасъ бросился туда для осмотра поврежденій. Развѣдавъ съ точностію объ обстоятельствахъ пожара, составилъ подробное о семъ происшествіи донесеніе, которое Моншезеръ показалъ Герцогу. Этого Министръ, не смотря на столь печальное извѣстіе, былъ восхищенъ донесеніемъ, и не могъ удержаться, чтобъ не спросить, кто сочинялъ его. Донъ Діего не удовольствс-

вался шѣмъ, что объявилъ меня сочинителемъ этой бумаги; но наговорилъ еще обо мнѣ сполько хорошаго, что Его Свѣплость вспомнилъ о томъ, спустя шесть мѣсяцовъ, при одномъ случаѣ, который я расскажу, и безъ котораго, можетъ быть, не попалъ бы я никогда ко Двору. Вотъ онъ.

Въ улицѣ Инфаншинъ жила тогда старая дама, по имени Инезилла де Каншарилла. Неизвѣстно было за-подлинно, какого она происхожденія. Одни говорили, что она дочь инспрументальнаго масшера, другіе, что отецъ ея былъ Кавалеръ

ордена Св. Іакова. Какъ бы
 то ни было, ее можно было
 назвать удивительною жен-
 щиною. Природа одарила ее
 особеннымъ преимуществомъ
 прельщать мужчинъ во всю
 жизнь, хотя ей было уже
 почти семьдесятъ пять лѣтъ
 отъ роду. Она была идоломъ
 вельможъ стараго Двора, и
 была еще обожается нынѣш-
 ними придворными. Время,
 нещадающее красоты, напра-
 сно вооружалось противъ ея
 прелестей: онѣ начинали увя-
 дать, но не теряли силы
 нравиться. Благородная на-
 ружность, плѣнительный ра-
 зумъ и врожденные пріятно-
 сти привлекали къ ней

вздыхателей даже въ ея спарости.

Кавалеръ лѣтъ двадцати пяти, Донъ Валеріо де Луна, одинъ изъ Секретарей Герцога Лермы, увидѣлъ Инезиллу и влюбился въ нее: открылъ ей свое сердце, вздыхалъ и преслѣдовалъ свою любезную съ такимъ жаромъ, какой только могутъ произвестъ любовь и молодость. Дама, имѣя свои причины не соглашаться на его желанія, не знала, какъ отъ него отдѣлаться. Однажды показалось ей, что нашла къ тому вѣрное средство: она ввела молодаго человѣка въ свой кабинетъ, и указавъ ему на

часы, которые спояли на
 столъ, сказала: „Посмотрите,
 который теперь часъ? Нынѣшній
 день, въ это почти самое
 время, минуло семьдесятъ
 пять лѣтъ какъ я родилась.
 Посудите же, пристало ли
 мнѣ занимать любовью
 дѣлами въ такой старости?
 Одумайтесь; погасите свѣтъ,
 ни вамъ, ни мнѣ неприличную.“—
 Донъ Валеріо, не внимая
 здравому разсудку, отвѣчалъ
 на сіе благоразумное увѣщаніе
 всею пылкостью человека,
 волнуемаго спремительными
 движеніями: „Жестокая Инезилла!
 для чего прибѣгаете вы къ
 такимъ бесполезнымъ

отговоркамъ? Не ужъ ли вы думаете, что онъ можетъ перемѣнить васъ въ глазахъ моихъ? Не льстите ложною надеждою. Точно ли вы таковы, какими васъ вижу, или взоры мои очарованы; но никогда не перестану любить васъ.“—Хорошо же, возразила она, когда вы такъ упрямы, что не хотите освободить меня въ покоѣ, то не ходите ко мнѣ болѣе. Я запрещаю вамъ являться на глаза мои.—

Вы подумаете, можетъ быть, что Донъ Валеріо, послѣ столь строгаго отказа, вышелъ отъ нее честнымъ образомъ. Ничуть не бывало!

Онъ сдѣлался еще неопвяз-
нѣе. Любовь производитъ надъ
влюбленными такое же по-
чши дѣйствіе, какъ вино надъ
пьяницами. Молодой человекъ
умолялъ, вздыхалъ, и вдругъ
перешедъ отъ просьбъ къ не-
исповсѣву, хотѣлъ получить
силою то, чего не могъ до-
стигнуть иначе ; но дама,
оттолкнувъ его, сказала раз-
драженнымъ голосомъ: „Ос-
ташовись , дерзкой ! Я обуз-
даю безразсудную спрасъ
твою.... Знай, что ты—сынъ
мой!“

Слова сіи поразили Дона
Валеріо. Онъ остановился.
Но потомъ вообразивъ , что
Инезилла назвала его своимъ

сыномъ для того только, чшобы какъ нибудь отъ него избавишься, сказалъ ей: „Пустое, сударыня! Вы нарочно это выдумали, чшобы отвратишь меня отъ моего намѣренія.“—Нѣтъ, нѣтъ, Валеріо! Я открою тебѣ тайну, которой не узналъ бы ты никогда, еслибъ самъ къ тому меня не принудилъ. Двадцать шесть лѣтъ назадъ любила я Дона Педро де Луну, отца твоего, который былъ тогда Губернаторомъ въ Сеговіи, и ты—плодъ любви нашей. Онъ призналъ тебя за своего сына, старался воспитать, какъ можно лучше, и кромѣ того,

что не было у него другихъ дѣтей, твои хорошія качества побудили его сдѣлать тебя наслѣдникомъ своего имѣнія. Съ моей стороны, я также тебя не оставляла. Лишь только вступилъ ты въ свѣтъ, я приласкала тебя къ себѣ, чтобы приучить къ вѣжливному обхожденію, которое такъ нужно благовоспитанному человеку, и въ которомъ усовершенствоваться могутъ однѣ только женщины. Я сдѣлала еще больше: употребила всѣ зависѣвшія отъ меня средства опредѣлить тебя въ службу къ первому Министру. Словомъ, переклась о тебѣ, какъ должно

пещись о сынѣ. Теперь ты знаешь всю тайну, и избери любое. Если можешь побѣдишь пресшупную спрасшь свою, и станешь почитать меня не иначе, какъ мать, то я всегда рада быть съ тобою, и буду любить тебя попрежнему; но если ты неспособенъ къ усилю, какого природа и разсудокъ отъ тебя требуютъ, то бѣги сію минушу съ глазъ моихъ, и избавь меня отъ гнусаго швоего присутствія.—

Такъ говорила Инезилла. Донъ Валеріо хранилъ во все время мрачное молчаніе. Казалось, что онъ призывалъ добродѣтель свою на помощь,

и хотѣлъ побѣдитъ самаго себя. Но онъ думалъ о другомъ, и гошовилъ для своей матери совсемъ иное зрѣлище. Не могши утѣшишься, что встрѣшилъ непреодолимое препятствіе своему благополучію, уступилъ опчаянію: обнажилъ свою шпагу и вонзилъ ее себѣ въ грудь. Подобно Эдипу наказалъ онъ самъ себя, съ тою однако разницею, что Оивянинъ выкололъ себѣ глаза съ раскаянія, что неумышленно сдѣлалъ беззаконіе, а Каспилаонецъ закололся съ досады, что не могъ совершить онаго.

Несчастный Донъ Валеріо не вдругъ умеръ отъ своей

раны: онъ имѣлъ время опам-
товаться и просить проще-
нія у Создателя, что самъ ли-
шилъ себя жизни. Такъ какъ
по смерти его мѣсто Секре-
таря у Герцога Лермы ос-
талось празднымъ, то Ми-
ниспръ сей, не забывъ моего
донесенія о пожарѣ, и вспом-
нивъ, что меня ему хвали-
ли, поручилъ мнѣ должность
эшаго молодаго человека.

ГЛАВА II.

Жилблазъ представленъ Герцогу Лермъ, и принятъ въ число его Секретарей. Министръ даетъ ему дѣло, и доволенъ трудомъ его.

Эту пріятную новость объявилъ мнѣ Монтезеръ. „Любезный Жилблазъ, сказалъ онъ, жаль мнѣ очень, что расстаюсь съ тобою; но и радуюсь, что ты заступаешь мѣсто Дона Валеріо. Ты, безъ сомнѣнія, составишь свое счастіе, если только послѣдуешь двумъ моимъ дружескимъ совѣтамъ.

Вопервыхъ , старайся показывать столько привязанности къ Его Свѣтлости , чтобъ онъ не могъ усумниться въ совершенной къ нему твоей преданности ; а во вторыхъ , угождай всячески Дону Родригецу Кальдерону: эшотъ чловѣкъ дѣлаетъ изъ нашего Министра все , что ни захочетъ. Если тебѣ поспаслившись снискашь милость любимца—Секретаря , то скоро выдешъ въ люди.“—

—Милостивый Государь , сказалъ я Дону Діего , поблагодаривъ его за добрые совѣты , познакомьте меня съ характеромъ Дона Родригеца. Мнѣ описывали его , какъ

дурнаго челоѣка ; но я не
 вѣрю народной молѣ о слу-
 чайныхъ людяхъ , хоша она
 бываетъ иногда и справед-
 лива. И такъ прошу васъ
 объявить мнѣ ваши мысли
 о господинѣ Кальдеронѣ.—
 „Трудной вопросъ!—отвѣчалъ
 управитель съ лукавой улыб-
 кой; другому, а не тебѣ, ска-
 залъ бы я не запинаясь, что
 онъ весьма честный кавалеръ,
 и что объ немъ , кромѣ хо-
 рошаго, ничего и подумать
 не можно; но съ тобой хочу
 быть искреннѣе. Надѣюсь ,
 что ты челоѣкъ скромной,
 и когда уже я совѣщивалъ
 тебѣ угождать Дону Родри-
 гецу, то долженъ сказать о
 немъ все откровенно.“

„И такъ знай, продолжалъ онъ, что Донъ Родригесъ изъ простаго слуги, какимъ былъ у Его Свѣшлости, когда назывался еще Францискомъ де Сандоваль, дошелъ постепененно до званія перваго Секретаря. Не видано челоуѣка надмѣннѣе его : онъ почитаетъ себя товарищемъ Герцога ; да и въ самомъ дѣлѣ можно сказать, что раздѣляетъ съ нимъ власть перваго Министра ; ибо раздаетъ чины и Губернапорства, кому заблагоразсудитъ. Публика ропщетъ на то ; но онъ объ этомъ не заботится, только бы дѣлали ему подарки ; а тамъ говори объ

немъ что хочешь. Теперь ты понимаешь, прибавилъ Донъ Діего, какъ должно тебѣ обходишься съ такимъ гордымъ человѣкомъ.“—О! очень понимаю, сказалъ я ему: будьте увѣрены, что я заставляю его полюбить меня. Когда знаешь слабости чело-вѣка, которому хочешь понравиться, то весьма легко успѣешь въ этомъ.— „Если такъ, то я теперь же представляю тебя Герцогу Лермъ.“—

Мы въ ту же минуту отправились къ Министру, и нашли его въ большой залѣ, гдѣ принималъ онъ просишелей. Собраніе у него бы-

ло многолюднѣе, нежели въ самомъ Дворцѣ. Я увидѣлъ Командоровъ и Кавалеровъ Св. Іакова и Калашравы, которые добивались Губернаторскихъ и Вицеройскихъ мѣстъ; Епископовъ, которые, разстроивъ здоровье въ своихъ Епархіяхъ, желали, только для переменъ климата, сдѣлашся Архіепископами; добрыхъ отцовъ Доминикановъ и Францискановъ, которые смиренно требовали Епископской митры; и наконецъ, опсставныхъ офицеровъ, которые играли здѣсь такую же ролю, какъ прежде Капишанъ Хинхилла, то есшъ, помились въ ожи-

даніи пенсіи. Если Герцогъ и не удовлетворялъ ихъ желаніямъ, то по крайней мѣрѣ принималъ отъ нихъ просьбы съ пріятнымъ видомъ, и отвѣчалъ весьма учтиво тѣмъ, которые съ нимъ говорили.

Мы имѣли терпѣніе дожидаться до тѣхъ поръ, пока не отправилъ онъ всѣхъ просителей. Тогда Донъ Діего сказалъ ему: „Милоспивѣйшій Государь, вошъ Жиллазъ де Саншилана, шошъ молодой человекъ, котораго Ваша Свѣтлость изволили избрать на мѣсто Дона Валеріо.“— При сихъ словахъ Герцогъ, взглянувъ на меня,

ошозвался милоспиво, что
я уже заслужилъ это мѣсто
оказаннымъ ему усердіемъ.
Потомъ ввелъ меня въ свой
кабинетъ, чтобы поговорить
со мною наединѣ, или луч-
ше сказать, испытать мой
разумъ. Онъ хотѣлъ знать,
кто я, и какъ жилъ до сего
времени. Даже требовалъ отъ
меня искренняго обо всемъ
повѣствованія. Чтожь мнѣ
было дѣлать? Лгать предъ
первымъ Испанскимъ Мини-
стромъ не годилось. Съ дру-
гой стороны, надлежало го-
ворить столь многое на
счетъ моего честолюбія, что
я не могъ рѣшиться на все-
общее признаніе. Какъ же

выдши изъ запрудненія? Я
вздумалъ прикрывать испи-
ну шамъ, гдѣ она во всей
наготѣ своей показалась бы
отвращительною; но Герцогъ
проникъ все то, что ста-
рался я скрыть отъ него.
— „Господинъ Санпилана —
сказалъ онъ, улыбнувшись,
при концѣ моей повѣсти —
сколько я вижу, ты былъ
не изъ послѣднихъ повѣсь.“ —
Ваша Свѣшлость, отвѣчалъ
я покраснѣвши, приказывали
мнѣ быть откровеннымъ, и
я повиновался. — „Это мнѣ
очень пріятно, возразилъ онъ.
Счастливо прошли тебѣ всѣ
твоя проказы: удивляюсь,
какъ худые примѣры не по-

губили тебя. Сколько честныхъ людей сдѣлалось бы величайшими бездѣльниками, если бы судьба подвергла ихъ такимъ испытаніямъ!“

„Другъ мой Саншиллана, продолжалъ Министръ, забудь прошедшее; помни, что ты теперь въ службѣ у Короля и будешь впредь трудиться для него. Поди за мной; я покажу тебѣ, въ чемъ состоятъ должны твои занятія.“— Онъ привелъ меня въ маленькой кабинетъ, примыкавшій къ его собственному, гдѣ стояло на полкахъ около двадцати толстыхъ фоліантовъ.— „Здѣсь, сказалъ онъ, будешь ты трудиться. Книги,

кошорыя видишь, содержащъ въ себѣ описанія всѣхъ дворянскихъ фамилій, находящихся въ Королевствахъ и Княжествахъ Испанской Монархіи. Каждая книга заключаешъ въ себѣ, по азбучному порядку, сокращенную исторію дворянъ; въ ней обстоятельно изъяснены заслуги, оказанныя Государству ими и ихъ предками, такъ какъ и случившіяся между ними ссоры. Равнымъ образомъ упомянуто tudo о ихъ имѣніи, нравахъ, словомъ, о всѣхъ добрыхъ и худыхъ ихъ качествахъ, такъ что, когда они просятъ какойнибудь милости при Дворѣ, я могу

потчасъ видѣть, доспойны
 ли они того, или нѣтъ.
 Чшобъ знать объ этомъ об-
 стоятельно, содержи я вездѣ
 на жалованьѣ людей, кото-
 рые обо всемъ подробно освѣ-
 домляются и доносятъ мнѣ
 письменно. Но какъ присылае-
 моя ими донесенія очень про-
 странны и наполнены про-
 винціальными выраженіями,
 то нужно ихъ сокращать,
 приводить въ порядок и
 выправлять въ слогъ, пошо-
 му что Король иногда за-
 ставляетъ чинать ихъ се-
 бѣ. Этотъ трудъ требуетъ
 числаго и краткаго стиля,
 и я его теперь же тебѣ по-
 ручаю.“—

Говоря такимъ образомъ, вынулъ онъ изъ большой портфели, наполненной бумагами, одно донесеніе и отдалъ его мнѣ. Потомъ вышелъ изъ моего кабинета, оставивъ меня на свободѣ сдѣлать опытъ моего искусства. Я прочиталъ донесеніе, и оно показалось мнѣ не только обезображеннымъ варварскими выраженіями, но и чрезвычайно пристрастнымъ, хотя написано было монахомъ изъ города Солсонны. Онъ поносилъ безъ милосердія одну почтенную Капалонскую фамилію; а Богъ знаетъ, правду ли онъ говорилъ! Я думалъ сперва, что

читаю пасквиль, и посовѣ-
 стился было поправлять его,
 опасаясь сдѣлаться сообщни-
 комъ клеветнику. Однако, не
 смотря на то, что былъ
 еще недавно при Дворѣ,
 опдалъ грѣхъ на душу Его
 Преподобія, и отнесся на
 счетъ его всю несправедли-
 восшь, если шутъ какая за-
 ключалась, принялся чернить
 самыми лучшими Каспиль-
 скими фразами два или три
 поколѣнія честныхъ, можетъ
 бытъ, людей.

Я написалъ уже спрани-
 цы чешыре или пять, какъ
 Герцогъ, неперпѣливо же-
 лая видѣть, съ какимъ ус-
 пѣхомъ идетъ дѣло, опять

вошелъ ко мнѣ и сказалъ :
 „Покажи мнѣ , Саншиллана ,
 что ты сдѣлалъ? Мнѣ хо-
 чется видѣть трудъ твой.“—
 Онъ взялъ написанные мною
 листы , прочиталъ ихъ съ
 великимъ вниманіемъ, и былъ,
 повидимому , столько дово-
 лень началомъ моего сочи-
 нія, что я самъ тому уди-
 вился. — „Какъ ни былъ я
 предубѣжденъ въ твою поль-
 зу — началъ опять говорить
 Герцогъ ; но признаюсь, что
 ты превзошелъ мое ожида-
 ніе. Ты пишешь не только
 чисто и кратко , чего я и
 желалъ; но еще нахожу слогъ
 твой легкимъ и пріятнымъ.
 Ты оправдываешь мой вы-

боръ и заспавляешь забыть
 потерю твоего предмѣстни-
 ка. “ — Онъ не пересталъ бы
 еще выхвалять меня, еслибъ
 племянникъ его, Графъ Ле-
 мосъ, не прервалъ въ этомъ
 мѣстѣ рѣчи его своимъ при-
 ходомъ. Его Свѣтлость об-
 нялъ его нѣсколько разъ,
 и по такому приему заклю-
 чилъ я, что онъ нѣжно его
 любитъ. Они заперлись оба
 въ кабинетѣ, чтобъ погово-
 рить наединѣ объ одномъ
 семейномъ дѣлѣ, о кошо-
 ромъ упомяну въ послѣдствіи.
 Министръ былъ тогда за-
 нятъ имъ болѣе, нежели дѣ-
 лами Государственными.

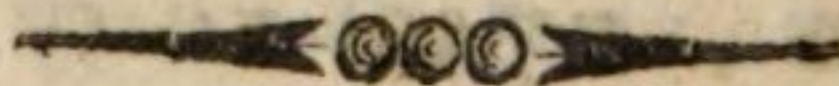

Между тѣмъ, какъ они разговаривали, я услышалъ, что бѣесть двѣнадцать часовъ. Мнѣ извѣстно было, что въ это самое время Секретари и приказные выходятъ обыкновенно изъ конторъ своихъ обѣдать, куда кому угодно; я также оставилъ свое дѣло, и пошелъ, не къ Монтезеру (ибо онъ удовольствовалъ меня заслуженнымъ жалованьемъ, и я съ нимъ распрощался); но въ самую лучшую ресторацію на Дворцовой улицѣ. Обыкновенный практиръ казался для меня уже низокъ. Помни, что ты теперь въ Королевской службѣ: эти слова, сказанныя мнѣ Герцогомъ,

были сѣменами честолубія ,
 копорыя болѣе и болѣе про-
 израспали въ моемъ сердцѣ.

КОНЕЦЪ ПЯТОИ ЧАСТИ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

К Н И Г А С Е Д Ъ М А Я.

Стр.

- ГЛ. I. О любовной связи Жил-
блаза съ госпожею Ло-
ренсой Сефорой . - - 1.
- II. Чшо случилось съ Жил-
блазомъ по выѣздѣ его
изъ замка Лейвы; сча-
спливья слѣдствія не-
удачной любви его. - 30.
- III. Жилблазъ дѣлается лю-
бимцемъ Гренадскаго
Архіепископа; чрезъ не-
го изливающся всѣ ми-
лоспи сего Прелаша. - 53.
- IV. Архіепископа разбилъ
параличъ. Въ какомъ

запрудненіи находилсѣ
Жилблазъ, и какъ вы-
шелъ изъ онаго. - - 75.

гл. V. На что рѣшился Жил-
блазъ лишасѣ мѣста у
Архіепископа. Какимъ
случаемъ встрѣтился
онъ съ Лиценціаномъ,
копороу оказалъ бла-
годѣяніе, и какъ ошбла-
годарилъ его сей по-
слѣдній. - - - - 88.

— VI. Жилблазъ ходилъ смош-
рѣшь Комедію. Онъ
удивился, увидѣвъ одну
актрису; что изъ шо-
го послѣдовало. - - 100.

— VII Исторія Лауры. - - 122.

— VIII. Какъ приняли Жил-
блаза Гренадскіе акте-
ры, и съ какимъ спа-
рымъ знакомцемъ
встрѣтился онъ въ ше-
ашрѣ за кулисами. - 171.

Гл. IX. Съ какимъ необыкновеннымъ человекомъ ужиналъ Жилблазъ въ эпошъ вечеръ; и что между ними происходило. - - - - - 183.

— X. Какое порученіе сдѣлалъ Маркизъ де Маріальва Жилблазу, и какимъ образомъ эпошъ вѣрный Секретарь исполнилъ оное. - - - 195.

— XI Жилблазъ получилъ извѣстіе, которое поразило его, какъ громомъ. 208.

— XII. Жилблазъ располагаясь жить въ посольскомъ домѣ. Онъ знакомился тамъ съ Капитаномъ Хинхиллою. Что за человекъ былъ эпошъ офицеръ, и за чѣмъ пріѣхалъ въ Мадридъ. - - - - - 220.

Гл. XIII. Жилбазъ встрѣчается
при Дворѣ съ другомъ
своимъ Фабриціемъ.
Какъ они оба тому об-
радовались; куда пошли,
и какой любопытный
имѣли между собою раз-
говоръ. - - - - - 247.

— XIV. Фабрицій доставилъ
Жилбазу мѣсто у Гра-
фа Галіано. - - - - - 283.

— XV. Какую должность по-
ручилъ Жилбазу Графъ
Галіано. - - - - - 297.

— XVI. Какое несчастіе случи-
лось съ обезьяною Гра-
фа Галіано; сколько пе-
чалился о томъ сей го-
сподинъ. Жилбазъ за-
немогъ; слѣдствія его
болѣзни. - - - - - 313.

КНИГА ОСЬМАЯ.

Гл. I. Жилбазъ сводитъ хоро-
шее знакомство, и на-

Le Sage, Alain René,

Gil Blas de Santillana

Bd.: 5

St. Petersburg (1820)

P.o.gall. 1257 n-5/6

urn:nbn:de:bvb:12-bsb10093802-9